Аркадий Столыпин

Дневники

1919-1920 годов

Иван Романовский

Письма

1917-1920 годов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Аркадий Александрович Столыпин (1894-1990), племянник премьер-министра Российской империи П.А. Столыпина, ротмистр, участник 1-й мировой войны и Белого движения, в эмиграции жил в Югославии и Швейцарии, работал в посольстве США.

На основе своих уцелевших дневников и воспоминаний написал «Записки драгунского офицера», опубликованные в России в 1992 году. Автор считал часть своих дневников безвозвратно утерянной, однако две тетради сохранил служивший в 1919-1924 годах в Польше И.Н. Янцен, внук которого доктор А.Б. Янцен передал их Архиву Русской Эмиграции (Бельгия).

Эти дневники были опубликованы АРЭ в 2011 году в книге:

Столыпин А.А. Дневники 1919-1920 годов. Романовский И.П. Письма 1917-1920 годов. – Москва - Брюссель: Conference Sainte Trinity du Patriarcate de Moscou ASBL; Свято-Екатерининский мужской монастырь, 2011.

www.proza.ru/avtor/stolypinaa

- Биографический очерк
- А. А. Столыпин[1]
- Тетрадь 1-я. Добровольческая армия
- Тетрадь 2-я. Гражданская война 1919 г
- Тетрадь 2-я. Отступление
- Упоминаемые географические названия
- Упоминаемые исторические лица
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14

- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58

- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62

Биографический очерк

При использовании и цитировании ссылка на публикацию обязательна:

Столыпин А.А. Дневники 1919-1920 годов. Романовский И.П. Письма 1917-1920 годов. – Москва – Брюссель: Conference Sainte Trinity du Patriarcate de Moscou ASBL; Свято-Екатерининский мужской монастырь, 2011.

Аркадий Александрович Столыпин родился в Москве 26

сентября 1894 года. Он принадлежал к знатному состоятельному роду служилых дворян Столыпиных, представители которого известны с XV-XVI века.

На щите фамильного герба Столыпиных изображён серебряный одноглавый орёл – символ власти и господства, великодушия и прозорливости. Задушенная змея в лапе орла символизирует наказанное зло, а подкова – счастье. Девиз на гербе гласит «Deo spes mea», что значит «Бог – моя надежда». Этого девиза придерживались в своей деятельности многие Столыпины, прославившиеся служением на военном и гражданском поприщах, достижениями в области литературы и искусства. Потомком рода по женской линии был великий русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов, троюродный дед А.А. Столыпина: родной сестрой его прадеда Дмитрия Алексеевича Столыпина являлась бабушка Лермонтова Елизавета Алексеевна Арсеньева. Сам Дмитрий Алексеевич был офицером-артиллеристом, участвовал во всех значимых военных компаниях своего времени, сражался с французами под Аустерлицем в 1805 году, вошёл в Париж вместе с русскими войсками в 1814 году, дослужился до генерал-адъютанта императора, имел множество боевых наград.

Семейные традиции продолжил его сын Аркадий Дмитриевич Столыпин, дослужившийся до того же звания. Он был героем обороны Севастополя в 1854-1856 гг. и Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Его жена Наталья Михайловна, урождённая княжна Горчакова (племянница знаменитого канцлера А.Д. Горчакова, лицейского однокашника А.С. Пушкина) тоже участвовала в войне с турками: служила сестрой милосердия в полевом госпитале. Дед А.А. Столыпина был человеком творческим, серьёзно увлекался скульптурой, неплохо играл на скрипке, печатал статьи о своих военных впечатлениях в петербургских журналах, интересовался богословием. Литературой и историей увлекалась и Наталья Михайловна. Столыпины были знакомы с Львом Николаевичем Толстым (А.Д. Столыпин воевал с ним вместе в Крыму), Николаем Васильевичем Гоголем, другими известными литераторами и музыкантами того времени. Лучшие черты характера и творческие наклонности они передали своим детям, самым известным из которых является, безусловно, Пётр Аркадьевич Столыпин, премьер-министр правительства Российской империи в 1906-1911 годах.

Отец А.А. Столыпина Александр Аркадьевич был на год младше П.А. Столыпина и рос под его опекой на литовской даче в Колноберже (близ современного Каунаса) и в подмосковном имении Середниково, где много раз в конце 1820-х – начале

1830-х годов живал М.Ю. Лермонтов. В детстве и юности братья Столыпины были похожи внешне и душевно близки; добрые родственные отношения, хотя и не очень тесные, они сохранили в зрелом возрасте, несмотря на некоторые разногласия во взглядах. Александр Аркадьевич, как и его старший брат, учился в Санкт-Петербургском университете, но не на физико-математическом, а на филологическом факультете, дружил с сыном Л.Н. Толстого Сергеем, с которым потом около года служил в Министерстве внутренних дел. Молодые люди, пытаясь скоротать скучную службу, в шутку именовали себя «полуграфом Толстыпиным», составив одну фамилию из двух своих.

Настоящее призвание Александр Аркадьевич обрёл на журналистском поприще. В 1882 году в «Вестнике Европы» он напечатал несколько своих стихов, а в 1889 году в «Русском вестнике» – поэму «Сандэлло» и лирику. Начал он с сотрудничества в газете «Кавказ», а стал известен в 1902 году, когда редактировал «Петербургские ведомости». С 1904 года до революции 1917 года он работал в газете «Новое время», плодотворно писал и часто печатался. Его политические взгляды были несколько более либеральными, чем у старшего брата, деятельность которого он всячески поддерживал, будучи активным членом монархической партии октябристов («Союз 17 октября»), название которой связано с царским Манифестом от 17 октября 1905 года. Правда, статьи эмоционального брата-журналиста не всегда помогали, а иногда даже мешали П.А. Столыпину.

Пытался поддерживать Александр Аркадьевич и сельскохозяйственные Столыпинские реформы. Сам он был довольно успешным помещиком, имел владения в Саратовской губернии, в Литве, под Батуми. Долгое время он возглавлял добровольное общество «Русское зерно», главной целью которого было изучение и распространение передового зарубежного аграрного опыта. В 1908-1915 годах общество посылало на практику в Европу сотни молодых крестьян, которые потом развивали первые в России фермерские хозяйства.

Несмотря на некоторые размолвки, в самые трудные моменты жизни братья Столыпины были вместе. До назначения премьер-министром П.А. Столыпин во время приездов в Петербург останавливался у своего брата. В августе 1906 года, когда была взорвана премьерская дача на Аптекарском острове в Петербурге, Александр Аркадьевич заботился о племянниках как о родных детях. Летом 1911 года, незадолго до своей трагической гибели, П.А. Столыпин с радостью побывал у младшего брата на его литовской даче «Бече», расположенной близ Колноберже. В

начале сентября 1911 года Александр Аркадьевич практически неотлучно находился у постели смертельно раненого брата, проводил его в последний путь, опубликовал в «Новом времени» резкую антисемитскую статью (П.А. Столыпин был убит анархо-коммунистом евреем М.Г. Богровым). Ежегодно с женой П.А. Столыпина Ольгой Борисовной и детьми он приезжал в Киев почтить память брата.

Кипучая журналистская деятельность Александра Аркадьевича продолжилась вплоть до 1917 года. Одной из интересных его статей стали воспоминания о детстве в имении Середниково, опубликованные в начале 1914 года в журнале «Столица и усадьба». Статья начинается с поэтического описания имения и вся проникнута лермонтовскими мотивами: «Этот сад за дремлющим прудом, этот старинный барский дом, увенчанный бельведером, соединённый подковообразной колоннадой с четырьмя каменными флигелями, это строгое и простое в своей классической красоте произведение Растрелли дорого созвучиями своего имени любителям нашей родной поэзии: несколько лучших своих стихотворений Лермонтов пометил словом: "Средниково"…» Чувствуется, что автор сожалел о продаже Середникова, которое уже не принадлежало тогда Столыпиным.

Деятельность отца и дяди даёт преставление о той атмосфере, в которой вырос Аркадий Александрович Столыпин. Он был единственным сыном Александра Аркадьевича и его жены Ольги Николаевны, урождённой Мессинг, и старшим отпрыском мужского пола в своём роду, отчего получил родовое имя Аркадий и из рук П.А. Столыпина – родовую икону. Его двоюродный брат, родившийся девятью годами позже, также был назван в честь дедушки Аркадия Дмитриевича.

Детство и раннее отрочество Аркадия Александровича, которые прошли в Петербурге, Москве и на дачах семьи, были счастливыми. Об этих годах он писал в своём дневнике: «Вспоминаются огромные пасхальные столы, на них рядом с барашком из сливочного масла лениво возлежал заливной поросёнок, красовалась фаршированная индюшка, окорока всех сортов – и варёный, и копчёный, и цельный, и маленький без костей. А язык? А колбасы всех сортов? Уж не стану говорить про куличи, бабы, пасхи сметанные, творожные, ванилевые, сливочные, с изюмом, цукатами и классическим маленьким розаном, похожим скорее на камелию, нежели на розан, воткнутым в самую вершину.

Сколько во всём этом было поэзии и своеобразной красоты! Как горели пёстрые яички, когда скользили по ним солнечные лучи… Красные, синие, зелёные, жёлтые, они красивыми сочными

пятнами оживляли и без того пёстрый стол, уставленный цветами. И погода как-то всегда устанавливалась ясная, солнечная, свежая от ещё не совсем стаявшего снега.

А может быть, всё это и не было так хорошо, как кажется теперь, и кажется всё это так мило только потому, что это было в прошлом, в детстве, когда всё скрашивается жаждой жизни и беспечной весёлостью. Длинный пост, мрачные в своём грустном величии службы, невольный трепет перед исповедью, умилённая торжественность причастия, любовь и ласка от всех, подарки и наконец впереди после экзаменов каникулы, деревня, поля, леса, купание в светлой, быстрой реке, прогулки верхом в свежем лесу, ещё сыром от ночной росы…»

Отец брал Аркадия в свои заграничные путешествия, производившие на него неизгладимые впечатления, которые впоследствии скрашивали трудности его полевой жизни: «Это было в роскошном купе вагона международного общества, который быстро и бесшумно уносил меня среди сырости и тумана северных болот куда-то за границу. Тогда я тоже смотрел, не отрываясь, через покрытое инеем окно, и искры сливались в какую-то причудливую смесь огненных нитей. Ах, эти путешествия за границу! После серых, пасмурных полей, болот, иссечённых мелким дождём, и лесов, окутанных туманом, попасть в жаркую, залитую неумолимым летним солнцем Италию! Приятно вспоминать прошлое; понемногу мысли путаются, искры всё летят и летят то редкой сетью, то сплошным роем, как маленькие золотые пчёлки».

Омрачить отроческие годы Аркадия могли только события русской революции 1905-1907 годов и непосредственно коснувшийся семьи взрыв дачи П.А. Столыпина на Аптекарском острове, когда пострадали его двоюродный брат Адя и особенно серьёзно кузина Наташа: у неё были раздроблены ноги.

Аркадий с блеском учился в 6-й Петербургской гимназии и окончил её с отличием, поступил в Петербургский университет, но когда в 1914 году началась 1-я мировая война, в порыве патриотических чувств, не доучившись, он пошёл в Пажеский корпус на ускоренный курс. Уже 1 июня 1915 года его произвели в подпрапорщики и приняли в 17-й драгунский Нижегородский полк, славный своими боевыми традициями, в котором некогда служил М.Ю. Лермонтов.

Воевал Аркадий Александрович по-столыпински доблестно. Вот как дальше кратко и точно он сам описывает свою судьбу: «Прибыл в полк на Турецкий фронт осенью 1915 г. Вскоре полк переведён на Австрийский фронт, но снова переброшен на восток (в Экспедиционный корпус генерала Баратова). 1 января 1916

года двинут на Багдад. В начале 1917 года полк на отдыхе на Кавказе. После революции двинут на Западный фронт. Я покинул полк и вернулся в конце 1917 года в Батум. В Добровольческую армию прибыл весной 1919 г. в г. Керчь. Ранен. Из Керчи Сводный полк Кавказской кавалерийской дивизии двинут в направлении на Киев. Вторично ранен. Полк интернирован (армия генерала Бредова) поляками в Силезии. Бежал из лагеря в Сербию. Оттуда прибыл в Крым и зачислен в армию генерала Врангеля. В бою против кавалерии Будённого тяжело ранен около Перекопа и эвакуирован в Севастополь и дальше в Константинополь. Кончил службу в чине ротмистра».

За этими скупыми строками – тяжелейший период жизни Аркадия Александровича, полный военных лишений, страданий, ранений и болезней (возвратного тифа, в частности) и отчаянной борьбы за свои убеждения. После развала полка в декабре 1917 года он уехал на дачу к родителям в Махинджаури под Батуми, попал вместе с ними в турецкую, а затем в английскую оккупацию. Англичане хорошо относились к русским офицерам, поэтому у Аркадия Александровича появилась возможность ухать из Батуми и примкнуть к Белому движению, чем он и воспользовался. Будучи храбрым офицером, он несколько раз после ранений и побега из лагеря для интернированных возвращался в эскадрон своего Нижегородского драгунского полка, воссозданного в Добровольческой армии.

Всё это время А.А. Столыпин вёл дневники, делая записи в тетрадях хорошим разборчивым почерком, очень грамотно. В них он рассказывал о происходивших событиях и своих впечатлениях то по-военному кратко и точно, то красиво и даже поэтично, умело рисуя словами картины боёв и пейзажи окружающей местности. В дневниках много литературных и музыкальных ассоциаций, что совершенно неудивительно, ведь автор вырос в высококультурной семье и блестяще учился. Вот, например, фрагмент описания победоносного для Добровольческой армии боя у деревни Карабачин 18 ноября 1919 года:

«Промелькнуло несколько всадников, скачущих карьером по мокрой улице. Вылетев на окраину деревни, я приостановил коня, подождал несколько секунд, пока выехал эскадрон, тоже выхватил шашку и вместе с нашей лавой кинулся к пехоте на выстрелы.

Вместе со свистом ветра в ушах прожужжало несколько пуль. Какие-то фигурки промелькнули у крайних домов. Выскочила стриженая рыжая лошадка под офицерским седлом без всадника. Я оглянулся и невольно улыбнулся: от края и до края весь угол деревни охвачен огромной лавой – это наш эскадрон. Тёмная

масса коней ещё толпится и выскакивает из улицы непрерывной струёй. Картина внушительная.

Постепенно тёмные пятна всадников отчётливо, как будто вырезанные из тёмного картона, выделяясь на снегу, приходят в движение. Раздаётся сначала робкое, потом более громкое «ура!». Сверкает одна, потом другая шашка. Затем вдруг все выхватывают оружие. Выходит красиво – совсем картинка для иллюстрированного журнала. Всё несётся, как вихрь; куда – в сущности, неизвестно, так же как и не выяснено количество красных…»

Значительная часть дневников А.А. Столыпина чудом уцелела и легла в основу его «Записок драгунского офицера», впервые опубликованных в России в 1992 году в 3-й книге сборника «Русское прошлое» (СПб.: СП «Свелен», 1992, с. 6-104). Утерянную часть автор восполнил воспоминаниями, среди которых эпизоды его бегства из польского лагеря Стржалково (Щалково) для интернированных военных: «Я решил бежать, долго готовился, достал штатское платье и всё остальное, нужное для побега, ждал случая. Таковой представился, когда поляки решили выпустить из лагеря ещё находившийся там немецкий элемент, главным образом, немцев-колонистов. Один из них (некий Кристиан Кристман) в то время заболел. Мне состряпали документы на его имя, и я попал таким образом в «немецкий» транспорт. Колонисты прекрасно знали, кто я такой, но дружески скрывали при перекличках под видом больного. С этими документами доехал я до Варшавы и явился к нашему военному агенту. Мне выдали документы на моё имя, дали секретное донесение генералу Врангелю. Пробыв дней десять под Варшавой, сел я с корнетом Балашовым (Переяславского драгунского полка) в поезд, шедший в Вену…»

Далее А.А. Столыпин описывает дорожные злоключения: ошибочный арест на станции Скерневице польскими жандармами, ночь в заключении, напрасно съеденное в камере донесение, пропажу вещей, бедствия в Вене, дорогу в Белград с тремя краюхами хлеба на двоих, возвращение в Крым через Варну. В августе он уже воевал в Русской армии генерала Врангеля. В своём последнем бою с конницей Будённого 26 сентября 1920 года близ села Рождественское под Перекопом он командовал эскадроном и был тяжело ранен в грудь: пуля прошла около сердца, едва не задев его.

Столыпину суждена была ещё очень долгая жизнь. Из Константинополя он перебрался в Белград, где жили в эмиграции его родители. Там в 1925 (по другим сведениям, в 1930) году скончался его отец. Личная жизнь самого Аркадия

Александровича так и не сложилась, во всяком случае, в официальном браке он не состоял и потомства не оставил, жил с матерью Ольгой Николаевной, служил в посольстве США в Белграде. Вскоре после фашистской оккупации его арестовали, и он полгода просидел в лагере гестапо. В конце 1944 года А.А. Столыпин перебрался в Австрию, а в 1945 голу в Швейцарию, в Берн, где снова устроился на работу в посольство США. Здесь в 1953 году скончалась его мать. В 1957 году он вышел в отставку и много лет прожил в курортном городе Монтрё. Своих талантов он не «закопал в землю»: был хорошим акварелистом, фотографом, знатоком геологии, увлекался альпинизмом. Даже в очень преклонных летах он выглядел бодрым и подтянутым. Скончался А.А. Столыпин в возрасте почти 96 лет 8 сентября 1990 года и похоронен на кладбище Глион близ Монтрё.

Его «Записки драгунского офицера», особенно дневники, представляют собой важные исторические свидетельства переломной эпохи русской революции 1917 года и Гражданской войны как бы «изнутри». Хотя сам автор с сожалением считал часть своих дневников безвозвратно утраченной, две тетради сохранил Иван Николаевич Янцен, служивший с июля 1919 по июль 1924 года в Учреждениях Помощи Русским Беженцам (бывшей Миссии Российского Красного Креста в Польше) где, по-видимому, рукописи к нему и попали. Можно предположить, что они находились в том самом багаже, который польские жандармы не дали А.А. Столыпину вынести из вагона при аресте на станции Скерневицы. Воспользовавшись вещами, имевшими хоть какую-то материальную ценность, жандармы могли отдать ненужные им рукописи на русском языке в бывшую российскую миссию. Для публикации эти две тетради переданы Архиву Русской Эмиграции в Брюсселе внуком И.Н. Янцена доктором Алексеем Борисовичем Янценом.

В первой тетради «Добровольческая армия» А.А. Столыпин описывает военные действия в Крыму (преимущественно в районе Керчи) в апреле-мае 1919 года, начиная с прибытия в эскадрон и кончая ранением и лечением в Таманском Алексеевском госпитале. Вторая рукопись «Гражданская война 1919-1920 гг.» рассказывает о событиях ноября 1919 – начала апреля 1920 года: о многочисленных боях на Украине, о неудавшейся попытке отступления через Одессу в Румынию и, наконец, о переходе через Молдавию и Галицию в Польшу (походе генерала Н.Э. Бредова), об интернировании армии и начале её пребывания в польских лагерях.

События июня-октября 1919 года, вероятно, были описаны в других тетрадях (одной или двух), которые к И.Н. Янцену не

попали. О судьбе А.А. Столыпина в этот период мы знаем по его воспоминаниям. Выписавшись из госпиталя в Тамани, он прибыл в свой эскадрон, вновь участвовал в сражениях и 8 августа 1919 года был серьёзно ранен в ногу в бою с махновцами у деревни Ново-Александровки (Гапсино). Его эвакуировали в Новороссийск, где он лечился в госпитале, после чего долечивался и отдыхал на даче своих родителей в местечке Махинджаури под Батуми, а в ноябре 1919 года вернулся в полк.

Впервые публикуемые дневники А.А. Столыпина - очень ценный материал для историков, так как события в них описываются по живым впечатлениям, буквально день за днём, порой час за часом, бой за боем. Это позволяет уточнить даты и подробности отдельных событий, а также имена и судьбы некоторых их участников. Поэтому дневники печатаются без сокращений и литературной правки. Для удобства восприятия текст записей скомпонован в естественно выделяемые абзацы, как это делал сам автор при публикации других своих дневников, орфография и пунктуация приведены к современным нормам правописания.

Протоиерей Павел Недосекин,
настоятель храма Живоначальной Троицы – Патриаршего подворья в Брюсселе
и храма Живоначальной Троицы в Шарлеруа
Елена Николаевна Егорова,
литературовед, член Союза писателей и
Союза журналистов России

При подготовке очерка и текста комментариев помимо "Записок драгунского офицера" А.А. Столыпина и его дневников использованы краткие биографические данные о нём и его родственниках из книги: Фёдоров Б.Ф. Пётр Аркадьевич Столыпин. – М: Горячева, 2003. С. 13-43.

Иллюстрация: На фото: Аркадий Александрович Столыпин. Начало 1910-х гг.

А. А. Столыпин [1]
ЗАПИСКИ ДРАГУНСКОГО ОФИЦЕРА [2]

г. Калуга.
21 октября 1917 года

17-го рано утром нежданно-негаданно пришел приказ грузиться и двигаться на Калугу, где тоже были какие-то беспорядки.

Но двинулись мы лишь 18 октября. Меня послали к коменданту города и его помощнику, и я спорил, ругался, грозил и уговаривал ровно 3 часа, после чего получил паровоз, платформы, вагоны и прочее. Выехали лишь вечером. В Калуге узнали, что туда уже прибыл 6-й эскадрон из города Смоленска и штаб полка.

В вагоне командира полка Брандта, назначенного, кстати, командиром местных войск, узнали положение. Последнее довольно серьезное. Усмирять придется не только пьяную пехоту, но и Совет солдатских и рабочих депутатов, у которых есть подручные силы, винтовки и пулеметы в изобилии, а засели они в губернаторском доме, как в крепости.

Вызвали наших эскадронных делегатов, и Измаил Гашимбеков пустил в ход все свое красноречие и татарскую хитрость. К счастью, все обошлось гладко, т. к. Совет Калужского гарнизона без всяких прав и причин нелегально сверг предыдущий Совет, отказался высылать на фронт очередные пополнения, избил (sic!) врачей, неохотно пускавших солдат в отпуск, и даже (трудно поверить!) накладывал денежную дань на жителей. (Переизбранный за месяц до этого с нарушением установленного порядка Совет солдатских депутатов, ставший большевистским, объявил о роспуске и перевыборах Совета рабочих и крестьянских депутатов, которые еще были меньшевистско-эсеровского состава, претендовал на подмену собою городского управления, отказался выполнять постановления военного министра об отправке на фронт частей Калужского гарнизона, выдвигал требование реквизиции типографии газеты “Голос Калуги” и даже распорядился о переходе бывшей губернаторской ложи в “зимнем городском театре” в распоряжение Исполкома. В связи с этим 18 октября был издан приказ командующего войсками и начальника гарнизона Калуги полковника Брандта. В нем говорилось:

“Темные силы, враги Родины и Революции, разными подлыми способами стремятся внести беспорядок, рознью и раздорами пытаются ослабить нашу навеки свободную Великую Российскую Республику и подорвать престиж демократии”. В городе объявлялось военное положение с ограничением передвижения в вечернее и ночное время, запрет митингов в помещениях и на улицах, стрельбы “в районе города и казарм” — боевой и учебной, изымались патроны из рот и казарм. Военный комиссар Временного правительства Галин распорядился о роспуске Совета солдатских депутатов (Голос Калуги. 1917. 18 —19 окт. — А. С). Совсем как в средние века.

Едва успели найти квартиры и присели в ожидании чая, как по телефону приказали выезжать по тревоге. По дороге встречались с казаками и броневиками. Это были те же, что в Ржеве. “Мы, по-видимому, вместе гастролируем, вроде провинциальной труппы”, — острит худенький, бритый командир броневого взвода.

Меня вызывают к казачьему войсковому старшине: “Поручик, вы будете высланы парламентером. Вам придется подъехать к “их” штабу и через кого-нибудь вызвать трех председателей комитетов — Солдатского, Крестьянского и Рабочего. Вы им передайте, что им дается 5 минут на размышление и что если через 5 минут они не согласятся положить оружие и сдаться, то после троекратного сигнала по ним будет открыт огонь и против них будет произведено совместное наступление казаков, драгун и броневиков. Советую вам, поручик, не заезжайте к ним глубоко, смотрите в оба, чтобы вас не захватили заложником, и если по вас будут стрелять — то поворачивайте обратно”. Про последнее войсковой старшина мог не упоминать.

Поручение в своем роде интересное. Постепенно силы наши приближаются к месту действия. 1-й полуэскадрон с князем Гагариным[3] занимает шоссе вдоль реки Оки, чтобы перехватить товарищей с тыла, вздумай они бежать.

2-й полуэскадрон охраняет площадь. Казачья сотня высылает разъезды. Броневики притаились за утлом зданий, как темные и хитрые зверюги.

Вся площадь полна драгунами и казаками, под сводом массивных ворот еще войска, а за ними боязливый, но любопытный народ. Впереди, контрастом, пустынная улица, освещенная высокими фонарями, бросающими круглое, дрожащее сияние. С левой стороны огромное здание железнодорожного Управления и еще какие-то постройки, дальше губернаторский дом — крепость большевиков, а с противоположной стороны ряд высоких деревьев и далее — сад. Губернаторского дома не видно,

он за поворотом в глубокой тени. Конец улицы-бульвара теряется в сумраке, но можно различить фигуры нескольких часовых.

“Поручик Столыпин, вам пора ехать!”

Отделяюсь от массы конницы на площади и рысью выезжаю на пустынную улицу. Гулко отдается звук конских копыт моей кобылы среди внезапно наступившей гробовой тишины. Вот и цель “неприятельских” часовых: “Стой, дальше нельзя!” Совсем как на войне... “Дальше мне и не надо. Прошу вызвать трех представителей Комитета”. Толпа растет, из переулка, из-за темных углов, выползают серые фигуры в пехотных папахах, кто с винтовкой, кто без.

Томительное ожидание. Одного из представителей никак не могут найти; наконец, появляется его заместитель, “некто в штатском”, видно представитель рабочих.

Совсем темно, освещение плохое, лиц разобрать не могу. У одного, кажется, офицерские погоны прапорщика. Почему у “них” погоны?

Среди напряженной тишины передаю полученное мною приказание командующего войсками. Кобыла моя почему-то стала дрожать. Едва произнес я последние слова, как поднялась буря, крики, посыпались угрозы: “Пять минут — это не по-социалистически!”, “Вас послал Корнилов! Так говорят корниловцы и контрреволюционеры...”.

Кольцо вокруг меня сужалось, толпа напирала, солдатская рука потянулась к моему поводу, нервная кобыла не выдержала, вздыбилась, солдат отшатнулся, поскользнулся и упал. Я этим воспользовался и осадил кобылу; положение делалось опасным — я вдруг повернул лошадь и, стараясь казаться спокойным, медленно, а затем рысью вернулся обратно на площадь.

За минуту до окончания 5-минутного ультиматума один из пехотных офицеров бросился к “осажденным” и заклинал их со слезами на глазах сложить оружие. Но напрасно.

Пять минут прошли. Раздались три сигнала, и цепь казаков двинулась между деревьями, а Гашимбеков повел цепь драгун 1-го эскадрона... Грянуло несколько выстрелов, и вдруг, раздирая ночную тишину, почти одновременно грянули все пулеметы броневиков, сливаясь в один непрерывный гром.

Словно колосья, срезанные серпом, повалились на землю прямо лицом в пыль барышни, старушки, пожилые чиновники, гимназисты и все те, которые за спинами наших драгун прятались в темноте. Я не мог не улыбнуться, когда, видя, что опасности нет, они с виноватым видом встали и стали стряхивать пыль.

Вслед за пулеметным огнем, который разбил все окна губернаторского дома, казаки и драгуны бросились и стали

вламываться в здание. Затрещали и пали тяжелые двери, и наши ворвались внутрь. Там творилось нечто неописуемое: среди груды поломанной мебели, осколков стекол, гор “литературы”, кучи обвалившейся от выстрелов штукатурки, там, среди этого хаоса, толпились бледные и дрожащие большевики, бросившие свои пулеметы и винтовки. Казаки и драгуны били их прямо наотмашь, одного солдата прокололи штыком. Все смешалось в пыли падающей штукатурки, хрустящего под ногами стекла, среди грома выстрелов и криков.

Постепенно стрельба утихла, и наши начали приводить “пленных” на площадь. Набралось их человек 75 — 80, среди них три прапорщика. Окруженные казаками, драгунами и пулеметчиками, они казались перепуганным стадом баранов. Те же растерянные лица, дрожащие губы и бегающие глаза, как недавно у солдат 12-й роты Дубненского полка. А четверть часа тому назад эти же самые люди орали на меня — “корниловца”. (Эти события происходили около 7 часов вечера, когда в бывшем губернаторском доме, называемом теперь “Домом свободы”, должно было собраться экстренное заседание всех трех секций Совета. В обращении Брандта “К гражданскому населению города Калуги” это описывалось так: “Совет ответил, что добровольно он не сдастся, и письменно об этом сообщил комиссару. Военный комиссар, исчерпав все способы морального воздействия, передал тогда задачу роспуска Совета командующему войсками. Совет был оцеплен войсками. Был вызван председатель Совета, через которого, под угрозой применения вооруженной силы, было предъявлено требование в течение пяти минут выйти всем из здания Совета и уведомить об этом требовании Совет рабочих и крестьянских депутатов, находившийся в том же здании. Об этом было объявлено также по телефону”. — А. С.)

Броневики куда-то исчезли, мы же остались еще на всякий случай. Вернулся и князь Гагарин, приведя еще пленных. Но нам не суждено было долго почить на лаврах. Прискакал ординарец к полковнику Брандту и доложил, что против нас выступает 301-й полк. Во все стороны выслали разъезды казаков и драгун для наблюдения. В тылу снова стрельба. В 6-м эскадроне скверно ранен в руку драгун, убиты драгунская и казачья лошади. Меня с разъездом выслали против “вооруженной толпы, которую я, впрочем, не нашел — очередное вранье.

Докладывают, что пулеметчики действительной службы (среди восставших) согласны выдать пулеметы, но боятся своих и просят кавалерии для защиты. Поэтому меня посылают к ним со взводом.

Приняли два “максима” и один кольт. Ко мне

присоединяются пехотинцы учебной команды, что перешли на нашу сторону. Молодцы как на подбор: идут в ногу и отдают честь, что как-то неожиданно в 1917 году. Под утро пехота успокаивается.

Холод делается невыносимым, греемся в железнодорожном управлении, коридоры заняты спящими драгунами и казаками. Сон их тяжелый и нездоровый, тела скрючены, как трупы, рты открыты и слышен храп и хрип.

Под утро пехоте дают время на размышление до 4 часов дня. Удивительно, что нас так мало, а их так много и что это мы, а не они, ставим условия!

В 4 часа узнаем, что пехота сдалась, и мы расходимся, чувствуя себя героями. Оружие свое пехота стала сама свозить под стражей броневиков. Винтовки привозят на возах. Назначена следственная комиссия. (Раненым драгуном оказался Семен Бессмертный. Первыми сдались 1-я учебная и 1-я пулеметная роты, а к 4 часам дня 20 октября сложили оружие остальные сопротивлявшиеся. В течение 10 дней части Калужского гарнизона должны были быть выведены на фронт. — *А. С.).*

Мы почти ничего не ели и почти не спали двое суток, щеки обросли щетиной и ввалились, глаза болят от усталости. Все же вечером ужинали с хозяевами. Мы живем в большом и богатом доме купцов Раковых. Трое дочерей, совсем еще молоденьких и довольно хорошеньких, которые просят нас рассказать, “как мы стреляли”. Среди зала большой аквариум с внутренним освещением в гротах из туфа. После всей этой суматохи и усталости приятно отдохнуть.

г. Калуга.
24 октября 1917 года

Настроение драгун, так ревностно усмирявших большевиков, портится под влиянием агитации. Настолько, что когда полк вызвали по тревоге, то первым явился наш “славный первый”, а затем, постепенно, и остальные эскадроны.

Печальным исключением явилась пулеметная команда. Сначала драгуны этой команды наотрез отказались выступать, мотивируя свой отказ тем, что их, мол, ведут против своих же братьев, что натравливают “шинель на шинель” и т. д. После долгих пререканий 1-й взвод поручика Тургиева пошел, 2-й же взвод барона Фиркса[4] отказался, требуя подробного разъяснения обстановки.

Прибыл комиссар Галин, эскадронные делегаты и пристыдили их. Они согласились идти. Тогда Брандт поступил весьма умно, сказав, что теперь поздно, и запретил команде

выступать. Пристыженные пулеметчики не знали, куда деваться.

Но этим дело не кончилось. Калужские события передали в Москву в совершенно искаженном виде, и в Москве нас считают контрреволюционерами. Во главе травли Совет солдатских и рабочих депутатов — совершенно большевистский. (К примеру, орган Московской организации РСДРП (б) в статье “Громят Советы” писал в связи с происшедшими событиями:

“Контрреволюция начала наступление. Товарищи рабочие, солдаты и крестьяне! Не верьте успокаивающим речам, усыпляющим вашу тревогу за революцию, за Советы. Помните: сегодня Калуга, а завтра — Москва. Сплотитесь вокруг Советов! Отзовите из Советов тех, кто не умеет, не хочет бороться с планами буржуазии, кто поддерживает правительство Керенских и Коноваловых!” (Социал-демократ. 1917. 22 окт.).

Вскоре была организована Московским Советом следственная комиссия, которой вменялось в обязанность освобождение арестованных, восстановление солдатской секции, суд над военными в прекращении ее деятельности (Социал-демократ. 1917. 25 окт. — А. С).

На драгун это произвело сильнейшее впечатление. Думается, что еще одно-два “усмирения” — и нас самих придется усмирять. Мне кажется, зная человеческую природу, что драгуны все же предпочтут роль усмирителей со стоянкой в городе, чем в зимнюю стужу садиться в окопы!

Прибыло несколько молодых офицеров: Василий Гоппер[5] и граф Борис Шамборант-младший[6] из Николаевского училища и Кульгачев — паж выпуска недавно прибывших Дейши[7] и Дурасова[8].

Меня только что пригласили в эскадронную канцелярию. Впрочем, все обошлось гладко, пустил в ход дипломатию, удалось смягчить настроение, сгладить разногласия и добиться того, что эскадрон без колебаний выполнит приказы Гашимбекова и не подведет нас, как пулеметная команда подвела Фиркса.

На завтра назначено заседание комитетов в присутствии командного состава. Афако Кусов должен выступить с докладом.

г. Калуга.
26 октября 1917 года

Вчера вечером было общее собрание офицеров полка у Брандта; что-то подходящее для военного фильма времен “Войны и мира”. Помещение Брандта в доме предводителя дворянства, много больших картин в золоченых рамах, тяжелые занавеси, канделябры, огромная люстра...

Вошел командир полка, все вытянулись со звоном шпор,

затем сели обсуждать положение и наше к нему отношение. По-видимому, Петроград уже в руках большевиков, и сообщение с ним прервано. Днем было пленарное заседание полкового комитета и офицеров полка. Была вынесена резолюция — во всем поддерживать Временное правительство, “идущее в контакте с Центральным Комитетом Советов солдатских и рабочих депутатов”. С трудом удалось избежать родной солдатскому сердцу (благодаря своей непонятности?) редакции “всецело поддерживать Временное правительство, постольку поскольку оно идет в контакте” и т. д. Драгунам нашим невдомек, что выражение “постольку поскольку” уместно в наши времена разве что на страницах юмористических журналов, а уж никак не рядом с выражением “всецело поддерживать”. Затем разбирался вопрос о взаимоотношениях драгун и офицеров. Выяснилось, что соглашение возможно. Разногласия могут, правда, быть в области “классовой борьбы”, но в полковой жизни будем друзьями. Проводилась мысль о необходимости борьбы с растущей анархией, могущей лишь затянуть войну и сорвать Учредительное собрание, которому мы все подчинимся. Говорилось и о необходимости победы над врагом “внешним” или, по крайней мере, о почетном мире “при условии активной обороны”. Выходит, что победа над врагом, о которой только что говорилось, уже оставлена? Словом, сплошная керенщина.

Во время заседания пришли представители 2-го Кубанского казачьего полка и выразили готовность “головы сложить” (без “постольку поскольку”) за правительство. Казаки вызывающе спросили драгун: “А вы... пойдете с нами, да или нет?” Наши уцепились за Центральный Комитет солдатских и рабочих депутатов. Поднялись буря и гвалт. Сошлись на том, что у нас, мол, Комитет, а у казаков, мол, их Союз, а у тех и других Временное правительство, и потому будем друзьями.

Конечно, без вмешательства офицеров никакого соглашения не было бы.

Под конец кто-то решил сорвать народившуюся между драгунами и офицерами своего рода дружбу и предложил весьма провокационный вопрос: “Какого мнения настоящее собрание о генерале Корнилове?” Спасено было положение решением, что об этом должно быть вынесено постановление “высших инстанций”. Хотел бы знать, что это значит? Судебное решение, что ли?

Только что получено известие, что крейсер “Аврора” стрелял по Зимнему дворцу и что почти весь гарнизон столицы на стороне большевиков.

г. Калуга. 30 *октября 1917 года*

Керенский бежал в Псков, в Ставку с ним драпанула часть правительства (утром 25 октября на машине, принадлежащей американскому посольству, Керенский направился в Гатчину навстречу войскам. Все министры оставались в Петрограде. — А. С); туда стягиваются войска для наступления на Петроград. Ленин и Троцкий торжествуют; на улицах бои. Юнкера держатся геройски. Всюду баррикады.

Что это — начало конца? Или уже конец? Думаю, что надеяться больше не на что и что большевики возьмут верх. А тогда что? Лучше не думать!

Эскадрон завтра выступает для реквизиции сена, зерна и прочего добра. Жаль уезжать.

ст. Исакова. 2 ноября 1917 года

То, о чем я собираюсь писать, можно озаглавить “Как мы попали в ловушку под Вязьмой...”. Накануне того дня, когда эскадрон должен был выступить в город Перемышль (Калужской губернии), а оттуда — выслать два взвода в город Козельск, начали приходить тревожные вести из Петрограда. Полк одновременно вызвали в Москву, Петроград, Вязьму, Смоленск и Ржев. Керенский в Гатчине, и ночью пришли одна за другой три телеграммы. Две от нашей депутации, высланной с Лозинским во главе, к Керенскому, а одна от самого Керенского. В первых двух говорилось, что нас, вероятно, вызовут в Гатчину для операций против Петрограда, в третьей, которая уже начиналась классическим теперь “Всем, всем, всем!..”, нам приказано было двигаться на Гатчину в полном составе. Наш эскадрон должен был двигаться в головном эшелоне, с пулеметным взводом и броневыми автомобилями. Погрузились мы лишь вечером 31 октября, в полной темноте. К моменту отхода прибыл и 2-й эскадрон с штабом полка, и мы узнали, что броневые автомобили, увы, с нами не пойдут.

Утром, вернее, еще ночью, часа в два, узнали по телефону, что станция Вязьма занята большевиками и что без боя пробиться едва ли будет возможно.

Под утро оставались на разъезде Пыжевка, где встретились с кубанцами под командой войскового старшины Мачавариани. Казаки сказали, что только что отъехала большевистская делегация, с которой столковаться нельзя, т. к. у них инструкции не только из Петрограда, но и из Москвы никого в эти два города не пропускать. Большевики резонно утверждают, что нас пропустить было бы изменой их большевистскому правительству. Значит, началась гражданская война? Тогда, по-моему, близок конец Керенского?

Казаки дали большевикам время на размышление, своего рода ультиматум, до рассвета, и в случае отрицательного ответа казаки начнут наступать на Вязьму. Такова была ситуация, когда наш эскадрон прибыл в Пыжевку.

Было еще темно, около 7 утра. В крохотной станционной каморке было жарко и душно от керосиновой лампы и толпы солдат и офицеров. Около города сотня 2-го Хоперского полка, которая настроена против местного большевистского гарнизона и обещала нам полное содействие.

Пришла телеграмма от “председателя Боевого Революционного Комитета” прапорщика Троицкого, в которой говорится, что гарнизон обещает пропустить нас дальше без боя. Троицкий дает полную гарантию, что препятствий нашему проезду через Вязьму не будет. Все же на всякий случай вызвали и Троицкого, и коменданта станции Вязьма. Оба вскоре прибыли на паровозе и будут заложниками. С паровоза спустилось нечто обтрепанное, распоясанное, беспогонное и с волосами до плеч — это и был прапорщик Троицкий! Забавно отметить, что наши драгуны, уже сами сильно зараженные новыми идеями, все же были обижены, что нам приходится иметь дело с “таким офицером” (цитирую), и насчет последнего и его внешности послышалось немало острот.

Мы тут же решили, что “наша взяла”, и Сахновский даже предложил пойти на станцию “поглумиться над товарищами”, что мы и сделали, свысока посматривая на большевистских офицеров. Если бы мы только знали да ведали, что нас ожидает!

Впрочем, если бы не пришлось почему-то менять паровоз, все могло бы кончиться иначе, но, видно, сама судьба была против нас — нас погубила задержка. Внезапно где-то впереди грянуло несколько выстрелов, толпа на перроне шарахнулась, кто-то упал, и платформа, до того кишевшая народом, сразу опустела. Стрельба усиливалась, драгуны и казаки бросились вперед, заняли пути, казаки залегли между рельсами. Ден[9] и я с несколькими драгунами зашли за одиноко стоявший паровоз и начали высматривать, откуда стреляли. Из-за штабелей дров заметили конец штыка, затем другой... и увидели стрелявших пехотинцев.

С паровоза *с* трудом сошел бледный как полотно раненый машинист. Я его осмотрел: пуля вошла в бок и застряла в теле.

Наконец я не выдержал, выскочил из-за паровоза и заорал на пехотинцев, чтобы выходили. При этом употребил выражения, которые не смею здесь упомянуть, но которые пехотинцу всегда понятны. Стрельба стала затихать, по осклизлой глиняной насыпи с трудом поднялся грязный, оборванный “серый герой” в

барашковой папахе, а за ним вся толпа. Боже, какие же это солдаты? У одного винтовка, у другого винчестер, кто в папахе, у кого фуражка; были — и я клянусь, что это правда! — ив лаптях!!! Откуда лапти? Почему? Неужто наша армия так обеднела? Кто начал стрелять, в кого, почему — никто толком не знал. Знали, конечно, те, кто теперь спрятался за спины дураков, но озлобление против нас чувствовалось, и со станции уже бежали на подмогу группы вооруженных солдат, среди них и штатские. Убита женщина, две мужицкие лошади, ранены два казака и несколько штатских, причем ручаюсь, что с нашей стороны ни одного выстрела сделано не было.

Нам стало ясно, что прапорщик Троицкий нас заманил в ловушку ложными обещаниями. Кони наши в вагонах, состав без паровоза; год тому назад, следуя нашим приказаниям, наши драгуны в короткое время справились бы с этим вооруженным сбродом — но это было год тому назад!

Опять собрался гарнизонный комитет, но теперь прапорщик Троицкий исчез, и тон разговоров совершенно иной: нас не пропускают и просят “товарищей казаков и драгун” вернуться на станцию Пыжевку, дабы избегнуть кровопролития.

Мы в мышеловке, кругом человек 500 пехоты, на нас наведены пулеметы, и с каждой минутой прибывают новые пехотинцы, целые сотни их...

Солдатня делается все нахальнее, нам напоминают про Калугу, где мы уничтожили “Советы”, и про Ржев, где мы “плетьми гнали пехоту на фронт”, про старый режим, “когда мы (все мы да мы!) вешали своих же братьев”. Видно, кто-то их хорошо научил, что именно надо говорить. Один солдат, с кривой улыбочкой, вынул из кармана засаленных штанов ручную гранату и многозначительно ею замахнулся.

Надо отдать должное “Боевому Комитету”, что они до хрипоты, с отчаянием, убеждали толпу разойтись, чтобы переговоры могли “спокойно” продолжаться. Хороши переговоры! Маленькая женщина в спортивной фуфайке порывается что-то сказать, но среди грозного гула и крика ее голоса не слышно. Все же вдруг среди случайного затишья, как металлическая стрела, доносится ее звонкий голосок: “Какие там переговоры! Отнять у них винтовки, и дело с концом!” “Разоружить! Отнять винтовки!” — подхватывает толпа...

Вижу общую картину: красные лица, на лохматых затылках напяленные фуражки, открытые рты, напряженные глаза, отблески мутного дня на широких лезвиях американских штыков.

Вдруг выстрелы, и в одно мгновение толпа бросается врассыпную, только слышен быстрый топот бегущих ног по

мокрому асфальту.

Казаки пошли на уступки: соглашаются отдать пулеметы, чтобы получить их после переговоров. Прячем пулеметы, но уже поздно. Казаки уехали. Пехота ввалилась в вагоны пулеметной команды, и те им их отдали.

Паровоз дернул, и мы тронулись. Петя Ден сидит мрачный и покусывает рыжий ус. Опять выстрелы, но уже по вагонам. Пули пробивают стенки, пехота выбегает из бараков наперерез поезду — вот та *же* истеричная женщина грозит кулаками, мерзавка, и кричит истошным голосом: “Бей их!” Какой-то штатский спокойно, словно на охоте, бьет по поезду из-за штабеля дров.

А тут, как назло, паровоз замедляет ход и останавливается — ждет сигнала семафора. Наконец двинулись. Ранены две лошади — на наше счастье, пули ложились высоко.

На станции Исаково весь полк в сборе; добиваем тяжело раненных коней; особой реакции я у драгун не замечаю, и то, что пришлось оставить пулеметы, их, по-видимому, не трогает, скорее недоумение и радость, что выбрались из ловушки.

У меня одно желание — уйти подальше от комитетов, делегатов и, увы, от наших драгун, которых не узнать: где любовь к полку, к воинской чести? Недостойны они больше носить нашу форму.

Собрали охотников выкрасть пулеметы в Вязьме. Значит, все же охотники нашлись? С ними собирается Димка Фиркс, переодетый солдатом. Казаки свои пулеметы уже выкрали. У командира полка, Брандта, столкновения с офицерами; кажется, он собирается приказать нам жить во взводах с драгунами.

г. Калуга. 8 ноября 1917 года

Для охраны города сформирована рота, состоящая исключительно из офицеров разных полков, дисциплина в ней железная, и живут они как простые солдаты.

Большевики всюду берут верх, лишь на Юге генерал Каледин и казаки что-то затевают. Вот бы к ним! Керенский исчез. Уже начинают поговаривать о перемирии, и слышатся громкие фразы о “прекращении ненужного кровопролития”.

Подвоза нет, транспорты зерна разграблены, в деревнях творится нечто неописуемое. В полку неспокойно, начинается большевизм, и очагом является 2-й эскадрон.

В армии торжествуют большевики, по-видимому, вводится выборное начало, т. е. офицеров будут выбирать делегаты, полковые или эскадронные. Придется, вероятно, перебраться или на Юг к казакам, или в Татарский конный полк, где теперь наш Теймур Наврузов. Ясно, что слркить в полку больше нет смысла и придется куда-то уходить. Но это не так просто, и надо

действовать осторожно.

д. Белая. 20 ноября 1917 года

Вот мы и покинули Калугу. С грустью в сердце, т. к. город очаровательный, патриархальный и гостеприимный. Подумать, что здесь доживал свой век имам Шамиль со своими сыновьями — Магомет-Шефи и Кази-Магома! Доживал век в “золотой клетке”. Кази-Магома не выдержал и бежал, а второй сын женился и дослужился до чина русского генерала! Но вернемся к причине нашего отъезда.

Узнали, что на Калугу движется пехота с целью “наказать кавалерию”, которая в Калуге разгромила местные Советы. Викжель (Всероссийский Исполнительный комитет железнодорожников), который старается быть нейтральным, отдал своим служащим приказ эти эшелоны — т. е. пехотный карательный отряд — отнюдь в Калугу не пускать во избежание кровопролития. Наши делегаты перетрусили и ночью, часа в 3, созвали пленарное заседание полкового комитета в присутствии всех офицеров полка.

Логично было бы оставаться, т. к. Калуга, опираясь на “Дивизион смерти” Дударова (нашей дивизии), на пулеметчиков и офицерский отряд, решила не сдаваться и не пускать большевиков. “Умереть, но не сдаваться!” — эти слова действительно были произнесены на заседании городской управы. Я жаждал заступиться за бедных калужан и спасти город от насилий и грабежа, но не тут-то было.

Под предлогом “нейтралитета” и боязни излишнего “пролития братской крови”, а между нами, просто от страха наш храбрый комитет решил бросить Калугу на произвол судьбы.

А в это время благодаря решительности калужан и некоторым уступкам (распустили так называемую “белую гвардию”, т. е. офицерскую роту) угроза нашествия буйной пехоты была отстранена.

Конечно, мы бы все равно уехали из Калуги через десяток дней, т. к. начальник дивизии требовал нас под Минск, но наш отход не носил бы характера бегства.

Итак, скрепя сердце выехали. Простились с гостеприимными Раковыми; средняя дочь — Зиночка — пролила в темном уголку две-три слезинки, мелькнули в окнах два-три белых платочка, и мы прибыли на станцию.

Расстояние между Калугой и Минском, считая, конечно, бесконечные стоянки на различных разъездах и станциях, мы проехали в семь суток! На станции Сухиничи, где-то у Брянска, мы простояли около двух суток, причем пришлось спрашивать у Саратова (?) разрешение ехать на Гомель и при этом подробно

объяснять Викжелю, зачем, куда и почему мы направляемся на Минск. Все это будто бы потому, что Викжель старается предотвратить междоусобную войну. Поэтому, видимо, мы днями стоим (якобы из-за недостатка паровозов), тогда как пехотные эшелоны большевиков летают мимо нас, как птицы, во всевозможных направлениях?!

Но события разыгрываются с невероятной быстротой. Керенский исчез, появился большевистский "главнокомандующий" — прапорщик Крыленко, он же "товарищ Абрам". 1-я, 5-я и 2-я армии, т. е. почти весь Западный фронт, перешли на его сторону. Его борьба с генералам Духониным (который опирался на Общеармейский комитет и на Юго-западную и Румынскую армии) победа большевиков в городе Минске, перемирие с немцами, угрозы союзников по этому поводу — все это застало нас врасплох, пока мы, усталые и измученные, подходили к Минску.

Семково-Городок, наша старая стоянка, оказалась занятой 134-й дивизией, самовольно бросившей фронт, и нам отвели квартиры восточнее Минска. Из-за перехода нашей 10-й армии на сторону большевиков в дивизии творятся странные вещи. Так, Тверской полк раскололся: 2-й и 5-й эскадроны и пулеметная команда перебросились к большевикам, в остальные четыре эскадрона поддерживают Временное правительство. Мы, судя по всему, подчинимся Крыленко. Значит, у нас будет введено выборное начало офицерского состава.

Тетрадь 1-я. Добровольческая армия

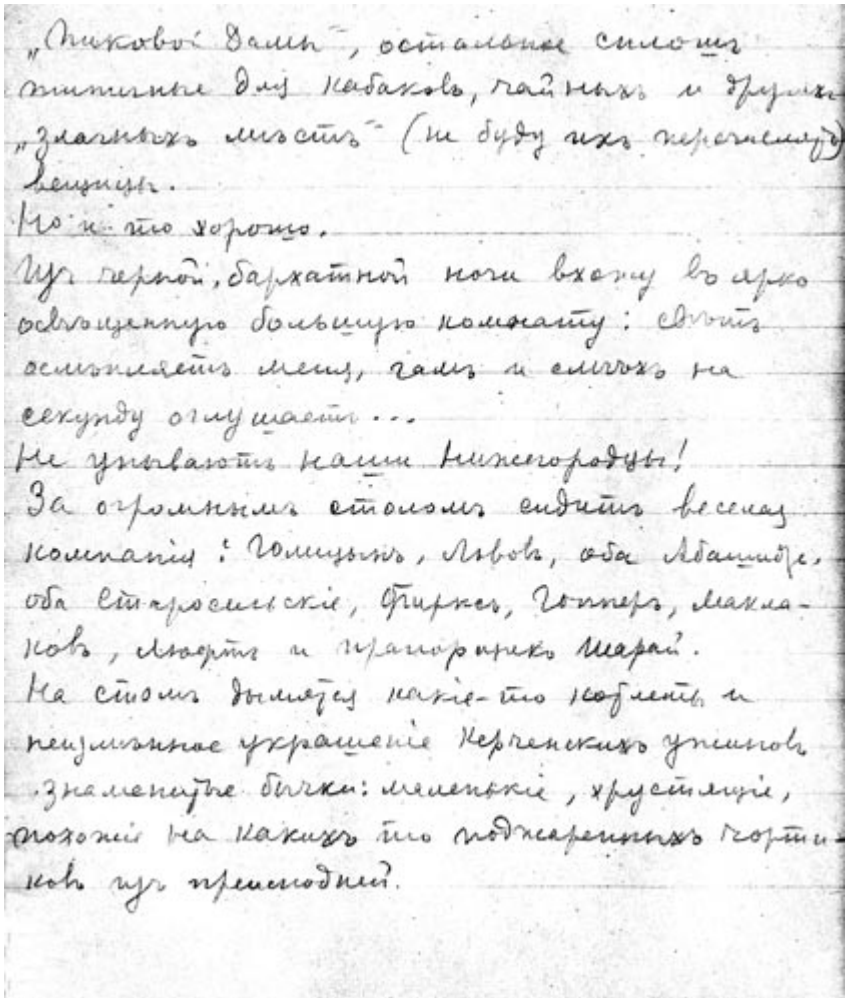
„Пиковой Дамы", оставшаяся сплошь
эпитимье для кабаков, пайных и других
„злачных мест" (не буду их перечислять)
женщин.
Но и это хорошо.
Из серой, бархатной ночи вхожу в ярко
освещенную большую комнату: сразу
оглушает меня, гам и смех на
секунду оглушает...
Не узнаешь наш Нижегородец!
За огромным столом сидит весела
компания: Гомицкий, Львов, оба Лабанцовы,
оба Старосельские, Фирлей, Гоппер, Макла-
ков, Мюрат и прапорщик Марай.
На столе высятся какие-то кубки и
пышное украшение Керченских умельцев
„знаменитые бычки: маленькие, хрустящие,
похожие на какихъ то подкопченных чорти-
ков из преисподней.

Иллюстрация: Страница из Дневника А.А.Столыпина

г. Новороссийск
20 марта 1919 г.

Вот я и в Добровольческой армии генерала Деникина или в «Добрармии», как её сокращённо называют. Англичане её называют попросту «Denikin's Army» и относятся к ней с большим недоверием.

По улицам то и дело снуют взад и вперёд военные с

трёхцветным шевроном на левом рукаве. Вид у всех оживлённый и какой-то радостный. Ведь это заря новой жизни, возрождение старой армии, и хотя впереди будет ещё много страшного и кровавого, но самое страшное уже пережито. Много героев погребено в степях Кубани и много крови пролито на Северном Кавказе, но тягости Корниловского похода [10] уже не повторятся и, Бог даст, враг будет, в конце концов, сломлен.

В городе войск много. Одеты солдаты неважно: кто в штатском, кто в старых наших шинелях, уже разодранных и видавших виды. Говорят однако, что союзники, главным образом, англичане должны снабдить нашу армию всем необходимым, должны давать нам медикаменты, одежду и оружие.

Оружие, впрочем, нам уже дают, и в порту я видел даже танки. Они ещё не выгружены и стоят на каких-то неуклюжих платформах на палубе транспорта. Когда думаешь про танк, то невольно ожидаешь увидеть что-то огромное, что-то вроде ходячей крепости, грозной и внушительной. На самом деле они очень невелики и особенного впечатления не производят. Так, что-то <вроде> разновидности бронированного автомобиля.

В порту заметно оживление. Приходят иностранные транспорты, выкрашенные полосами чёрного и серого цвета для защиты от артиллерии и мин. По набережной снуют толпы народа. Вообще, город красивый и нарядный, но так как зелени мало, то главным украшением является всё-таки море.

Остановился я в гостинице «Метрополь», в номере нашего нижегородца [11] Филиппа Лухавы. Он здесь «маяком» от нашего полка, который был недавно передан из-под Ставрополя в Керчь. Хорошо, по крайней мере, что есть где спать.

Путешествие из Батума[12] до Новороссийска прошло не только благополучно, но даже, как говорится, с «кайфом». Ехал на английском sloop'е. Sloop [13] – это судно для перевозки корреспонденции и для борьбы с подводными лодками. Снаружи он похож на обыкновенный торговый пароходик и потому вводит подводные лодки в заблуждение. Они нападают на него, но в последнюю минуту открываются люки, из них выглядывают орудия основательного калибра и обстреливают лодку. Мой Sloop назывался очень поэтично, а именно «Spyrea» [14].

Вообще, англичане народ чувствительный и сентиментальный: возьмут какой-нибудь угловатый крейсер, весь в башнях, с торчащими во все стороны, как иглы у дикобраза, орудиями самых усовершенствованных систем и самых страшных калибров, и назовут именем какого-нибудь нежного цветочка. И плавают потом все эти «Spyrea», «Helleborus»[15], «Anemona» [16], «Tuberosa» [17] и т.д. по всем морям, наводя страх и трепет на все

страны.

Офицеры на «Spyrea», видно, не особенно блестящи. Да оно и понятно: кто станет плавать на простом шлюпе? Но отношение ко мне и Голицыну отличное. Утром чудный breakfast [18] из кофея со сгущёнными сливками, бисквитов, белого хлеба, разных мармеладов, варений и печений. Устраиваются странные комбинации, <такие> как овсяная каша с вареньем из ежевики.

Не успеешь переварить как следует утренний завтрак, как подают уже обед. Обед с хорошим супом, чудесной солониной с разными гарнирами и массой вкусных консервов.

После обеда мы сели в мягкие кресла у пылающего камина, закурили английские папиросы и нам подали всевозможные пития.

Приятно в дождливый день посидеть у огонька, когда рядом стоит маленький столик, весь уставленный батареями соблазнительных бутылочек. Я сначала даже удивился. Какое множество всевозможнейших наливок, водки, ликёров и других крепких напитков существует в туманном Альбионе! Прямо уму непостижимо! Здесь перед тобой соблазнительно сверкают все краски радуги и спектра. Есть все оттенки жёлтого, красного и зелёного, переходящие даже в тёмные, почти чёрные тона.

Да, скажу откровенно, я бы не прочь ещё раз десять повторить это путешествие на гостеприимном «Spyrea».

г. Новороссийск

27 марта 1919 г.

Сидим в ресторане и болтаем с Лухавой, его братом и Голицыным. Филипп мало изменился: всё то же сухое красивое лицо, волнистые чёрные волосы и слегка хриплый низкий голос. Он настроен мрачно. Оно и понятно. Столько лишений и испытаний невольно старят человека и налагают на него отпечаток грусти и разочарованности. Да и будущее рисуется ему в мрачных красках.

Наша армия – босая, голая, почти безоружная. В то время как у красных тыл превосходно оборудован. Союзники много обещают, но дают мало. Дали, правда, партию обмундирования, но партия эта состоит из вещей старых, грязных, оборванных и покрытых даже запёкшейся кровью. По-видимому, это вещи с раненых и убитых.

Разговор этот неприятно на меня действует, и я выхожу на улицу. В городе встречаю князя П.М. Волконского с княжной. Вспоминаем прошлое и незаметно забываем, что недалеко гремят пушки, что нам предстоит завоевать всю Россию с горсточкой полуголодных и не совсем надёжных солдат.

г. Новороссийск

28 марта 1919 г.

Пора ехать в Керчь, где находится полк. У высокой пристани на «Стандарте» стоит маленькое судёнышко с тоненькими мачтами и миниатюрной трубой. Рядом с огромным, чернеющим, как туша какого-то исполинского чудовища в вечернем воздухе, корпусом американского транспорта он кажется каким-то хрупким насекомым. На корме золотом блестит надпись «Джигит». На этом-то «Джигите» мне суждено плыть в Керчь. Со мной едет ротмистр Либис Северского полка [19].

Мы сидим уже на палубе «Джигита». В вечернем воздухе, прохладном и чистом, дрожат всевозможные звуки. Из города доносится грохот колёс, гудки пароходов, гудение какого-то мотора. В море, где-то за молом, низким и глубоким басом вызывает кого-то сирена крупного транспорта. А ближе к нам – на молах и пристанях – ещё больше звуков: лязгают якорные цепи, катятся по сходням бочки, скрипят паровые лебёдки, поднимая тюки с товаром.

Солнце уже низко, и море кажется почти чёрным. На его тёмном фоне ослепительной каймой сверкают набережная и ряды светлых и красивых зданий. Город раскинулся по холмам. И последние дома сливаются с грязно-серыми, поросшими кустарником горами. Горы эти скалисты и бесплодны. Их обдувает резкий норд-ост, и мхи на них не растут. Ещё выше – темнеющее небо, на котором зажглись как-то быстро и незаметно первые звёздочки. Небо всё темнеет и темнеет, а воздух делается каким-то странно-прозрачным.

Звуки постепенно замирают, и лишь с берега доносятся отрывки какой-то музыки. Мотива разобрать нельзя. Несколько резких, раздирающих в клочья вечерний тихий воздух гудков – и мы плывём к выходу <из> порта.

Какая ночь! Палуба, озарённая полной луной, тихо и мирно дрожит от машины, словно дышит. В городе зажглись огни, где-то далеко горит на Кавказском берегу маяк. Мы в открытом море. Тихо плещет вода, и мы, как зачарованные, сидим на палубе и тихо говорим о будущем. Но скоро мы замолкаем. В такую ночь можно думать, но говорить не хочется. Только сверкает мелкой рябью море.

г. Керчь

29 марта 1919 г.

Керчь – исторический город. В нём много разных памятников греческого и римского владычества. У моря возвышается

невысокая гора, которая называется Митридат. На её вершине построено уже русскими какое-то подобие греческого храма.

Около города много каменоломен, где добывали когда-то лёгкий белый камень, так называемый ракушник, римские каторжники. Камень добывается и теперь, и почти все здания города сделаны из него. Каменоломен несколько: Старо-Карантинские (у деревни того же названия) на берегу моря у крепости, Аджимушкайские (у Брянского завода [20]), Багеровские у станции Багерово (12 вёрст от города) и так называемые Оливинские скалы, около имения Олив.

Каменоломни эти очень любопытны: это целая сеть подземных коридоров, иногда колоссально широких и высоких, взаимно пересекающихся, образующих площади, тупики и целые лабиринты. Вся земля кругом каменоломен изрыта и пестрит выходами, словно кроличьими норами. Иногда эти выходы образуют правильные ряды, иногда (например, в Аджимушкае) они беспорядочно рассыпаны.

Камень ракушник очень хрупок, в изломе ясно заметно, что это морские отложения, состоящие из мириадов мелких раковин. Его пилят огромными неуклюжими пилами. Думал ли я, подъезжая к Керчи, что эти самые каменоломни сыграют в моей жизни такую роль?

Первый наш офицер, которого я встретил в Керчи, был тверец [21] – барон Врангель. Он шёл со взводом к пристани, около которой раскачивался маленький катер. Я обрадовался, увидев его атлетическую фигуру в чёрном бараньем тулупе.

Штаб полка [22] находится в Брянском заводе. Тверцы в крепости, часть наших (3-й эскадрон с Львовым) в Багерове, часть с Тускаевым (4-й эскадрон) в Заводе. Люди все ещё пешие, но в полку всего эскадронов семь, так как к нам пристегнули ещё один Переяславский эскадрон.

Вот состав офицеров Нижегородских эскадронов:

3-й эскадрон

Командир: ротмистр кн. Львов.

Помощник командира: штабс-ротмистр кн. Б. Абашидзе.

Младшие офицеры:

барон Фиркс,

корнет Маклаков,

корнет Гоппер,

корнет Ник. Старосельский,

корнет Люфт,

прапорщик Шарай.

4-й эскадрон

Командир: ротмистр Тускаев.

Помощник: штабс-ротмистр кн. Ю. Абашидзе.
Младшие офицеры:
штабс-ротмистр Лухава,
корнет И. Старосельский,
корнет гр. Мусин-Пушкин,
прапорщик Попов.

Это те офицеры, что тогда были в строю. Кусов Абубекир состоял казначеем. Голицын – командиром дивизии. Полком командовал полковник Попов Северского полка [23]. Я попросился к Львову, но временно попал в 4-й эскадрон, где меньше офицеров.

г. Керчь
3 апреля 1919 г.

Каменоломни вокруг города заняты бандитами; наш полк уже имел с ними столкновение в первые же дни после прибытия из Новороссийска. У нас были потери. Самое печальное – это настроение солдат. Молодёжь составляет лучший элемент, но, с другой стороны, она одинаково легко поддаётся обработке как со стороны офицеров, так и со стороны большевицких агитаторов. А таковые, несомненно, имеются.

Что касается до старых солдат, то среди них большинство смотрит исподлобья на офицеров и, конечно, при первой же возможности перебегут к большевикам. Их держит только страх. Всё это немного напоминает укротителей в клетке с дикими зверями. Стоит укротитель, в одной руке револьвер держит и смотрит в глаза зверю, а сам боится повернуться к нему спиной. Неудачное движение, маленькая рассеянность – и укротитель погиб. Так и здесь. Спят офицеры с винтовкой у изголовья, с револьвером под подушкой и чуть ли не с ручной гранатой на ночном столике. Вечером ставни тщательно запираются и замки у дверей осматриваются. Приятная жизнь, что и говорить.

В эскадроне имеются, конечно, и надёжные люди, но их мало и это, по большей части, или богатые крестьяне Ставропольской губернии или же юнцы-вольноопределяющиеся. Иногда от них узнаешь про подозрительные разговоры в эскадроне, и от этого становится ещё тяжелее на душе.

Все наши денщики – красноармейцы, взятые в плен под Ставрополем, которым была дарована жизнь. У нашего повара Костика совсем вид красноармейца и коммуниста. Его хотели было уже расстрелять, но пощадили ввиду того, что он кондитер (!!!).

Брянский завод, в который я попал, представляет нечто

совсем замечательное в смысле оборудования. Домики, в которых живут рабочие, составляют целый городок, чистенький, беленький, с черепичными крышами, с аккуратными огородиками. Есть школа, больницы, приюты, – словом, мы размещены просторно. Офицерское помещение имеет суровый вид: голые койки, винтовки, составленные в углах, шашки, патронташи. Простой огромный стол, скамейки, сделанные из доски, поставленной на два вьюка, – словом, уюта мало.

Все очень обрадовались моему приезду, но я почти ничего не успел рассказать, так как едва я явился <к> командиру полка, как получил приказание пойти в эскадрон, получить винтовку, патроны и идти в бой. Уже через полчаса после моего прибытия в полк я шёл в цепи, которая наступала на Аджимушкайские каменоломни. Цепь была жиденькая и маловнушительная, но в ней были полковники и ротмистры, все с винтовками, карабинами и ручными гранатами. Впрочем, в тот день наступление ничем особенным не окончилось, так как противник отошёл, и наступившая темнота заставила нас вернуться обратно.

г. Керчь
4 апреля 1919 г.

Целый день ловим бычков. Маленькие, с огромной, вдвое больше, туловища хищной головой, они жадно проглатывают сырое мясо, на которое их ловят; глотают крючок целиком. Рыбка препротивная, настоящее маленькое чудовище, какой-то зверёныш из страшной сказки, с выпученными глазами, рядами острых зубов. Рыбная ловля здесь главное занятие, потому что до города далеко, а катера ходят редко.

Сегодня наш эскадрон посылают на станцию Багерово – в подмогу третьему эскадрону.

ст. Багерово
5 апреля 1919 г.

Позиций в Багерове, в сущности, нет. Большевики загнаны внутрь каменоломен, где их трудно достать; мы же занимаем выходы и сторожим их. Правильную осаду каменоломен вести очень трудно, так как для этого требуется гораздо больше людей, нежели имеем мы в своём распоряжении.

Началась Багеровская война с того, что эшелон с 3-м эскадроном был обстрелян уже по пути. Он немедленно спешился и повёл наступление на бандитов, засевших за бруствером из ракушника. Укрытие это оказалось не из удачных: камень настолько мягкий, что наши пули пробивали его свободно и легко.

С проходящего мимо эшелона авиаторов сошло человек 80 и усилило нашу цепь. Красные забрались под землю, но один из офицеров-авиаторов взорвался об собственную ручную гранату. Неосторожным движением руки он задел за предохранитель, что-то щёлкнуло, и граната зашипела… Он не успел её отстегнуть, и она взорвалась. Несчастному разорвало бедро, бок и обожгло всё тело. Он умер спустя час после взрыва, но держался спокойно и с достоинством.

После этого началась правильная осада Багерова, так как только измором и возможно покончить <с врагом> при создавшейся обстановке.

ст. Багерово
6 апреля 1919 г.

Яркий солнечный день. После дождей земля ещё не просохла. Чёрная, влажная и тёплая, она медленно подсыхает под весенними лучами. Урожай в этом году будет богатейший. Травы, мелкие полевые цветочки растут и растут. Кажется, что на глазах почти тянутся эти красные, жёлтые и оранжевые крымские тюльпаны. Мелкие жёлтые и лиловые нарциссы, и ирисы быстро распускаются, цветут, увядают, и на их месте быстро вырастают новые. Как им и не расти: главные условия налицо – влага, солнце и плодороднейшая земля. Местами степь кажется красной от диких тюльпанов.

Среди ещё влажной степи есть более сухие уголки – это возвышенные полянки и холмики. На одном из таких холмиков сидит группа наших офицеров. Вид у них не блестящий. Кто в нескладном тулупе, кто в шинелишке – драной и дырявой. Почти на каждом папаха: или большая, лохматая, как носят осетины, или маленькая, лезгинская. Все загорели от нестерпимо жгучего даже теперь, в начале апреля, крымского солнца.

У Николая Старосельского на синие с лампасами драгунские штаны нашиты леи из какой-то грубой белой материи. Заплат столько, что сразу не понять: на синих ли штанах белые леи или на белых – синие. У всех карабины под рукой и все следят за чем-то внизу под обрывом, куда выходят отверстия подземных ходов. Сидят тихо и прислушиваются внимательно: не зашумит ли что-нибудь внизу – в чёрных подземных переходах. Внизу под землёй, должно быть, холодно, сыро и неуютно. Все слушают и молчат. А над ними в тёмно-синем небе неподвижно висит в прозрачном воздухе и поёт жаворонок.

Вдали показалась кучка людей, идущих от станции. С ними повозка, на которой стоит неуклюжая бочка. Это рабочие и драгуны везут «гостинец» большевикам. Наконец они близко;

бочка скатывается на землю. Её осторожно подкатывают к заранее вырытой яме, опускают в неё и сбоку обкладывают большими камнями. Солдаты подрывной команды сбивают топорами обручи, выбивают сверху одну доску, и из сделанного отверстия высыпается мелкозернистый жёлтый порошок. Это мелинит – одно из самых взрывчатых веществ. Вставляют ещё заряд динамита (мелинит трудно взрывается), рассчитывают длину фитиля и наконец зажигают его. Все убегают: сначала солдаты, потом офицеры, наконец, последними – подрывники. Отбегать приходится далеко, ввиду того что в каждой бочке – 12 пудов мелинита, а это доза внушительная.

Все напряжённо ждут. Взрыва всё нет. Наконец все начинают думать, что его не будет совсем. Вдруг словно гигантский чёрный гриб, вздымается в голубом небе колоссальный столб дыма, тяжёлый, кудрявый. Что-то в середине блеснуло, как молния, и глухой, как раскаты грома, оглушительный взрыв сотрясает землю. Струя воздуха, как порыв ветра, обвевает лицо, и где-то наверху пролетают большие и мелкие камни, со свистом врезаясь в мягкую землю.

За первым взрывом раздаются ещё 4-6 взрывов. В одном месте вместо взрыва идёт лишь глухой непроницаемой пеленой чёрный едкий дым. Яркое пламя заметно издали даже днём. Это неудача: мелинит загорелся.

Все кидаются посмотреть результаты взрывов. Среди зелени, свежей весенней травы – груды камней и кучи развороченного щебня окружают огромную воронку. Так как взрыв был сделан с расчётом завалить перекрёсток двух встречных галерей, то результаты получились хорошие – 3 галереи засыпаны основательно. Четвёртая засыпана лишь до половины. Между потолком и грудой обвалившегося щебня осталась чёрная щель. Не дай Бог стать перед этой щелью, много шансов получить пулю в лоб, благо близко.

Во время боёв у каменоломен раненых почти не было. Были больше убитые, и притом больше в голову. За день удаётся сделать 3-4 серии взрывов. Но всё же дело идёт медленно. Иногда на одном месте приходится делать по нескольку взрывов, иногда после взрыва рабочие лопатами засыпают воронки и заваливают пилёным камнем плохо засыпанные выходы. Иногда из коридоров раздаются выстрелы, откуда-то из-под земли выбрасываются ручные гранаты по неосторожно зазевавшимся драгунам. Гремят ответные выстрелы.

Часовые, вернее, наблюдатели удваивают своё внимание, офицеры обходят и проверяют посты.

ст. Багерово

7 апреля 1919 г.

Маленькая комнатка станционного домика битком набита офицерами 3-го и 4-го эскадрона. Спят на диване, рядами на полу. Назойливо стучит аппарат: это говорят между собой станции «Семь Колодцев» и «Керчь».

Большевики уже заняли весь Крым, и фронт проходит уже где-то у станций «Семь Колодцев» и «Ак-Манай». В Азовском и Чёрном морях гремят тяжёлые орудия английских броненосцев и более мелкая артиллерия миноносцев и крейсеров. Против Ак-Манайского фронта действует отряд матроса Дыбенко – начальника Крымской Красной армии.

К счастью, перешеек узкий, и с помощью союзного флота, может быть, удастся удержаться некоторое время. Керчь всё же на всякий случай эвакуируется. Слышно, увозят орудия с крепости. Пароходы с грузами мин, снарядов, бомбомётов и миномётов снуют между Таманью и крепостью и всё никак не могут вывезти огромных запасов снарядов и другого военного имущества. Мелинит, жёлтый и ядовитый, просто бочками выбрасывается в море.

Ежедневно из Ак-Маная слышна артиллерийская стрельба. Это красные пытаются взять двойной ряд наших окопов. А аппарат в нашей комнатке всё стучит и стучит. То бронированный поезд требует себе угля, то едет куда-то поезд с грузом колючей проволоки.

Среди душной атмосферы маленькой комнатки все забываются беспокойным сном. Среди ночной тишины гремит выстрел. За ним ещё другой, третий, и начинается перестрелка. Все вскакивают; сонными глазами отыскивают висящий где-нибудь на гвозде патронташ, надевают его на себя, уже на ходу берут карабин и, ругая врага, ещё раз помешавшего спать, самыми сквернымi словами, выскакивают по очереди в темноту холодной сырой весенней ночи. Скачут конные; эскадрон, разбирая на ходу винтовки, бегом идёт к постам.

Красные, предвидя неминуемую гибель, делают вылазку. Одного убивают люди 3-го эскадрона, другой ранен. 15 человек конных, выскочивших из-под самого носа вздремнувшего наблюдателя, благополучно скрываются. Досадно. Наблюдателя-казака тут же порют шомполами, чтобы другой раз не зевал.

ст. Багерово

8 апреля 1919 г.

Мне поручают крайне правый фланг Багеровских позиций. Под моим наблюдением три отверстия. Одно «безопасное», то

есть почти засыпанное удачным взрывом. Около него бродит на всякий случай один драгун; но это больше для проформы. Это одинаково хорошо понимаю и я, и он. И ходит он небрежно, лениво насвистывая какую-то ставропольскую песенку.

Другая дыра «подозрительная», как решаем мы со Старосельским после тщательного осмотра. Она засыпана лишь наполовину, и можно ожидать и вылазок, и предательских выстрелов. Если подтащить побольше пилёного камня и сбрасывать его с кручи, то скоро перед отверстием образуется завал и он из «подозрительных» перейдёт в разряд «безопасных».

Третье отверстие уже представляет серьёзную опасность. Взрыв, правда, обвалил потолок. Но всё так и ограничилось отверстием в потолке, и выход остался по-прежнему открытым. Здесь одним наблюдателем, пожалуй, отделаться нельзя, и придётся выставить пост из нескольких надёжных людей.

Левее меня находится Маклаков и тоже наблюдает за несколькими отверстиями. Дальше ещё кто-то, а на крайнем левом фланге 3-й эскадрон и Люфт. Там обстановка ещё хуже. Отверстий больше, и взрывы ещё будут производиться долгое время. Там даже выставляются пулемёты.

Скоро темнеет. На соседних постах зажигают костры, и так как у нас имеется солома, то и мы зажигаем её и стараемся как-нибудь скоротать ночь. Хочется спать, а спать нельзя. Холодно. Трава покрывается седой росой, и начинает дуть резкий сырой ветерок с моря.

Костёр слабо поблёскивает, и клубы дыма, смешанного с искрами, уносятся беспрерывно и быстро куда-то вверх, в густую, словно бархатную, ночь. По ассоциации я вспоминаю такие же вереницы искр, быстро уносящихся ветром куда-то в неведомое пространство. Это было в роскошном купе вагона международного общества, который быстро и бесшумно уносил меня среди сырости и тумана северных болот куда-то за границу. Тогда я тоже смотрел, не отрываясь, через покрытое инеем окно, и искры сливались в какую-то причудливую смесь огненных нитей.

Ах, эти путешествия за границу! После серых, пасмурных полей, болот, иссечённых мелким дождём, и лесов, окутанных туманом, попасть в жаркую, залитую неумолимым летним солнцем Италию! Приятно вспоминать прошлое; понемногу мысли путаются, искры всё летят и летят то редкой сетью, то сплошным роем, как маленькие золотые пчёлки.

Когда я просыпаюсь от своей дремоты, то <вижу, что> восток заметно посветлел. Ветерок превратился в настоящий ветер. Костёр превратился в кучу серого пепла. Если потревожить

его палкой, то заметно, что он внутри ещё розовый. Полушубок сделался скользким от росы.

Обхожу посты. В утреннем полумраке выходы из каменоломен кажутся зловещими, словно в них притаилась хитрая смерть и поджидает кого-то. Постепенно появляется солнце, и мы отогреваемся. Слева несколько выстрелов. Должно быть, наши бьют маленьких пегих, чёрных с белым кроликов, которые живут в расселинах обветренного камня.

У станции движение. Это прибыли бочки с мелинитом. От нечего делать начинаю изучать «серьёзное» отверстие. Какая-то сила тянет заглянуть в тёмную глубину галереи. Прохожу раз – ничего. Вероятно, в данную минуту под нами никого нет. Что если рискнуть? Весь вопрос в том, как спуститься. Но и этому можно помочь: приносят верёвки, и я спускаюсь вниз. Чувство такое, что вот-вот кто-нибудь схватит за ноги и потащит вниз под землю. Правда, сверху смотрят свои драгуны, и прицелено много драгунских винтовок на всякий случай; но всё же жутко.

Здесь свежо и пахнет какой-то плесенью. Постепенно глаза привыкают к темноте. С того места, где я стою, начинаются три галереи, но в них так темно, что разобрать ничего нельзя. Одна из галерей – совсем низенькая: если войти в неё, то придётся идти нагибаясь.

Как досадно, что кроме спичек у меня ничего нет. Но делать нечего – чиркаю спичку: на мгновение выплывает из мрака низкий шероховатый потолок, местами покрытый копотью; какие-то балки, подпирающие потолок. Пол покрыт обломками, грудами белой пыли, пилёным камнем и щебнем. С трудом перелезаю, но спичка уже потухла. Зажигаю другую и иду дальше. Галерея делается выше и разветвляется вправо и влево. Надо возвращаться обратно, всё равно без факела далеко не уйдёшь, и вдобавок можно легко заблудиться.

На обратном пути захожу в другую галерею. Здесь идти легче – пол ровный, и на нём при слабом свете спички заметны следы колёс и даже – что уже интересно – пребывания лошадей: навоз и т.д. Местами сено и свежая солома.

Последняя спичка догорела, и в темноте я наталкиваюсь грудью на что-то твёрдое и острое: невольно вздрогнув от неожиданности, я ощущаю рукой неизвестный предмет. Оказывается, дышло. Держась за него, дохожу и до самого экипажа: вероятно, тачанка, хотя в темноте сразу и не поймёшь. Дальше идти не рискую: раз есть тачанка и лошадь, значит, есть и люди. А с людьми что-то неохота встречаться.

Постепенно галерея светлеет. Выход уже близко. Вот и клочок голубого неба; ещё несколько шагов и я останавливаюсь,

ослеплённый ослепительным солнечным светом. Сколько звуков, запахов и света после могильной тишины и сырости подземелья! Тут и людской разговор, и ржание лошадей, и пение жаворонка. Милые звуки живой светлой весенней земли. Какой радостной музыкой звучат песни кузнечиков, и как легко дышит грудь степным воздухом! Но раз начал рисковать, то останавливаться нельзя. Буду возобновлять разведку, но уже в большем масштабе: возьму людей, факелы и лампы.

Всё необходимое приносят со станции, и мы один за другим спускаемся вниз. У всех драгун лица серьёзные – на них, видно, сильно действует окружающая тьма, воздух, кажущийся ледяным после солнечного припёка, шорох капающей где-то в темноте воды и тишина, которая после громких разговоров снова окружила нас, ещё более мертвенная и зловещая.

Вот разгорелись факелы, и сразу стало как-то веселей. Высокий свод, облитый розовым светом, не давит уже больше, как могильная плита, не стало больше подозрительных тёмных углов, где мерещатся засады и направленные против вас дула винтовок. Со мной идут кн. Львов, Маклаков и Фиркс с Николаем Старосельским. Вано Старосельский почему-то остался наверху.

Мне это не особенно нравится: с одной стороны, толпа людей, освещённая ярким светом; с другой стороны, бандиты, может быть, спрятанные за надёжным прикрытием и неуязвимые в темноте. Впереди идёт цепь офицеров и наиболее храбрых солдат. Факел придерживается немного сзади. Сначала делается перебежка от одного угла до следующего, от одного поворота до другого, затем уже идут «главные силы». Винтовки держатся наизготовке, все напряжённо вслушиваются, глаза впиваются в полумрак. Говорят еле слышным шёпотом, и только шум скатившегося камня да полузаглушённое ругательство, от времени до времени раздающееся, когда кто-нибудь спотыкается, нарушают тишину.

Скоро натыкаемся не на одну, а на целых пять тачанок. Ликование большое: в полку острая нужда в разных повозках. Все понемногу увлекаются, и только два-три драгуна определённо трусят. Глаза у них выпучены и руки дрожат; при каждом внезапном звуке они вздрагивают. Да и среди гг. офицеров есть некоторые, в поведении которых чувствуется неуверенность.

Да, вправду говоря, обстановка не совсем обычная, и я понимаю, что на некоторых она может подействовать удручающе. Про себя могу смело сказать, что ни одной минуты не испытывал страха и что бывали случаи гораздо менее опасные, где я боялся. Странно, но это так.

ст. Багерово

Апрель 1919 г. [24]

Пример оказался удачным. Теперь по всему фронту Багеровских каменоломен идёт усиленная разведка. Уже большинство ближайших коридоров изучены, и они считаются более или менее безопасными.

Появились специальные факелы: круглые свёртки просмолённого каната, навешанные на палки. Когда их зажигают, то канатная спираль медленно разворачивается и горит приблизительно в течение получаса – двадцати минут.

Да не только специальные приспособления появились – появилась своя специальная тактика: тактика подземной войны. Взрывы делаются строго систематически: ни один из зарядов мелинита не пропадает даром. Даже самые разведки больше не производятся из простого любопытства, а по строго определённому плану. Ежедневно партии любителей сильных ощущений или просто драгун, жаждущих найти «деньгу» или какое-либо имущество, спускаются в тёмные глубины и рыщут при свете факелов, открывая каждый день всё новые и новые галереи.

Партия в составе 10-15 человек с Львовым, Николаем Старосельским и мной спустилась вниз <в> шахту, где я делал первую свою разведку. После нескольких поворотов мы наткнулись на насыпь, немного не доходящую до потолка. Мы вскарабкались по осыпающемуся склону и очутились в новой галерее, ещё дотоле не исследованной. Какой-то предмет, брошенный на камни, обратил на себя наше внимание. Подозвали факел. Перед нами, раскинув окровавленные руки, лежал труп, очевидно, убитого при первом ещё наступлении большевика. С него сняли сапоги и штаны (пригодится, мол, ещё…) и пошли дальше.

Мелкие галереи соединились вместе и образовали большую подземную улицу. На земле многочисленные следы: мы удвоили предосторожность. Меня выслали немного вперёд. Я дошёл до крутого поворота и осторожно, вершок за вершком, высунул голову и заглянул за угол. Заглянул и замер, затаив дыхание. Впереди, шагах в 100, на стене виднелась маленькая лампочка. Её тихий, мерцающий, как звёздочка, свет слабо озарял закопчённую стену и часть коридора. Дальше виднелось в полутьме нечто похожее не то на каменную стенку, не то на завал с бойницами. Расчёт ясный и верный: когда мы поравняемся с лампочкой и будем освещены, до окопчика останется шагов 100 и по нам будет удобно дать залп из темноты. А до окопа можно дойти, только миновав лампу. Просто и удобно.

Я тихо отполз назад и подозвал Львова. Факел был отослан назад, и мы со Львовым в полной темноте поползли, взяли ещё патронов и на коленях двинулись к лампочке. Проползли шагов тридцать, потом легли и стали внимательно смотреть. Говорили так тихо, что сами еле слышали свои слова, и только слышалось биение сердца, которое, казалось, заполняло своим размеренным звуком самые своды галереи.

Наконец-то дошли до «них». А уже думали, что внизу никого нет: неисследованными оказались только самые глубокие ходы, которые, по словам жителей, доходят почти до самого полотна железной дороги и под самую станцию. Двигаться дальше было немыслимо. И так мы уже зарвались, и сделай мы какой-либо шум, в ответ самый воздух, наверное, задрожал бы от выстрелов. Воображаю, какая паника поднялась бы.

На днях две наши партии встретились под землёй, и кто-то выстрелил. Я видел потом драгун, бывших при этой встрече: они были все оборваны об острые выступы скал, рожи были в ссадинах и кровоподтёках. Видно, бежали без оглядки, падая друг на друга, сшибая с ног один другого в темноте, так как факел упал в самом начале суматохи и погас… «Мы лбом стены прошибали», – рассказывал мне потом один из доблестных участников этой экспедиции. И действительно, вид у них был именно такой, что они «стены лбом прошибали».

Решено устроить внутренний взрыв, чтобы замуровать навсегда тех, что сидели за лампочкой, которую мы видели вчера. Итак, опять спустились вниз, преодолели насыпь, миновали труп, прошли длинную галерею и дошли до того поворота, где вчера мерцал на стене огонёк. Его уже больше нет. Когда мы подошли, то увидели только кольцо в стене да немного копоти. Дальше, действительно, дорогу заграждала стенка, сложенная из камней, но сегодня там никого уже не было. Разбойники решили ещё отойти назад. Поэтому <мы> двинулись дальше.

Вслед за цепью дозорных шёл драгун с факелом и прикрытием, ещё немного сзади шёл второй факел и с грохотом катились восемь огромных бочек с мелинитом. На крутом спуске одна из бочек вырвалась и покатилась вниз, прыгая с уступа на уступ. У всех захватило дыхание: а вдруг возьмёт да и… Дальше даже думать было страшно. Ещё два-три скачка – и бочка со страшной силой ударилась о каменную стену, стенки её развалились, и густой волной хлынул жёлтый, едкий, дерущий горло мелинит. Отделались кашлем – и то слава Богу.

Наконец дошли до круглой подземной залы, откуда шло три хода. Решено сорвать и завалить одним ударом три выхода. Из бочек делают настоящую пирамиду. В серёдку вставляют пуд

динамита, и фитиль рассчитывается на 25 минут.

Если большевики обстреляют бочки, то от нас мало что останется. Поэтому вперёд иду я с Фирксом, Гоппером и Николаем Старосельским. Факел сзади, так что мы в полной темноте лежим в мягкой белой пыли. Тесно и неудобно. Кто-то наступает кому-то на ногу, и чья-то увесистая винтовка дружески хлопнула меня по черепу. Сзади что-то рубят и перетаскивают бочки с места на место – видно, никак не удаётся установить их как следует, а время между тем идёт.

Наконец нам передают оттуда, что фитиль уже тлеет. Наступает торжественная минута. Надо пройти мимо бочек с горящим фитилём, не торопясь, не мешая друг другу, затем пройти по нескольким галереям, не перепутав повороты, подняться до того места, где лежит труп, ещё раз повернуть, перелезть через высокую насыпь где-то под самым потолком, причём надо проходить гуськом, опять-таки не торопясь, наконец ещё немного пройти и выбраться на волю.

У наших солдат имеются полоски бездымного пороха, они жгут его по дороге – и всё наше шествие принимает какой-то фантастический феерический вид. Всюду горят огоньки, чёрные силуэты мелькают, перепрыгивают через камни, и тени от них дрожат на белых сводах. Стоящий около бочек солдат подрывной команды дрожащим голосом убеждает не торопиться и идти спокойно, но почему-то кажется, что он сам с удовольствием ушёл бы от этих бочек.

Вот мы около выхода, и вечерний воздух несёт с собой запах степных цветов. Должно быть, мы долго возились под землёй, потому что уже поздно. Отойдя шагов триста, усаживаемся на траве и ждём. Капитан Червинов, устроитель всех взрывов, видимо, волнуется. Он поминутно вытаскивает часы и смотрит, сколько ещё минут осталось до взрыва: может быть много неожиданностей. Фитиль под землёй может гореть медленнее, чем на ветру. Наконец, если красные видели или угадали всю комбинацию, кто-нибудь посмелее из них мог броситься, благо, было время, и вырвать горящий фитиль. Мало ли какие комбинации могли произойти.

Проходят установленные 25 минут. Все глаза устремлены на то место, где, по расчётам, под землёй догорает фитиль. Некоторые думают, что слой земли будет пробит, другие считают толщу земли слишком значительной. Наконец прошло уже 30-35 минут. Взрыва всё нет. Червинов даже побледнел. Его самолюбие специалиста задето. И тут, как назло, уже пускаются разные шуточки насчёт опытности наших молодых офицеров-подрывников. Глухой гул, как далёкий раскат грома, проносится

под землёй. Из всех отверстий вырываются клубы серого дыма. Любопытно, что дым одновременно выбрасывается из далёких и ближайших к месту взрыва отверстий. Это говорит о силе взрыва.

Сразу входить нельзя, потому что кроме бочек мелинита мы установили ещё одиннадцать снарядов с удушливым газом. Снаряды эти довольно крупного калибра и выкрашены, в отличие от простых, в голубой цвет.

Надо проверить результаты подземного взрыва; на всякий случай берём с собой намоченные водой носовые платки как некоторую защиту от газов: на случай, если они ещё не испарились. Уже недалеко от входа мы замечаем, что пол, стены и потолок покрыты густым слоем копоти и сажи. Плохо, должно быть, пришлось гг. большевикам!

Чем ближе к месту взрыва, тем больше разрушений. Местами обвалы, почти всюду отдельные камни отвалились от потолка и загромождают проход. Огромная балка, поддерживающая потолок, лежит уже сбоку. Вот и место взрыва. Подрывники определённо недовольны: по неизвестным причинам подземные взрывы плохо нам удаются. Вероятно, мы недостаточно покрывали бочки камнями и щебнем, и газ, не встречая сопротивления, производит мало разрушения. Ведь как-никак, а 76 пудов мелинита + 1 пуд динамита – это порция недурная. Правда, стены обвалились, потолок обрушился и несколько кубических саженей камня свалились сверху. Но всё же главное не достигнуто: галереи имеют сообщение с остальными ходами.

Но что это? На чёрном, бархатном фоне копоти, покрывающей дно, ясно и отчётливо видны следы ног. Да, это ясно: здесь проходило несколько человек. Один след, маленький и лёгкий, похож на отпечаток женской ноги. Мы кидаемся по свежим ещё следам.

Вверх-вниз по галереям, не пропуская ни одной ветки, идут наши люди, забыв даже наши обычные предосторожности. Вот уже пройдено всё, что было раньше изучено. Мы идём всё ниже и ниже под землю. Становится душно, и трудно дышится. Сыростью и плесенью покрыты все вещи, брошенные большевиками. Вот комната, где они недавно ещё жили. Пол густо устлан сеном. Посередине сооружён род какого-то каменного стола. На нём хороший светлого дерева безрупорный граммофон. Рядом ящик с целой грудой пластинок, дальше кофий, какие-то тряпки, мешки и много всякой дряни, на которую жадно набрасываются наши драгуны. Много разных подушек и перин: видно, разбойники любили сладко поспать. Но всё это пропитано сыростью, и трудно себе представить, как могли люди жить здесь в таких тяжёлых условиях. Я бы не выдержал и четырёх дней и либо выбежал бы

наружу под пули, либо рехнулся бы.

Наконец мы забрались совсем далеко под землю. Факелы дымно горели, и горящая смола капала на землю, продолжая тлеть. Вдруг один факел загорается целиком – это досадно: теперь он сгорит в пять минут, а нам надо ещё выбраться наружу. Сколько у нас запасных факелов? Ещё один! Это уже совсем плохо. Стараемся ориентироваться, но это нелегко.

Через пять минут после того как мы прошли, по крайней мере, через десять закоулков, галерей и поворотов, похожих друг на друга, как двойники, становится совершенно ясно, что мы заблудились и что, пожалуй, опять вернулись на старое место. Да, так оно и есть: вот на стене нарисован грубо и аляповато огромный паровоз, а рядом неприличные рисунки; я помню, мы уже проходили мимо них. А может быть, был в другом месте подобный же рисунок? Кто их разберёт!

Факел догорает. У всех на душе становится как-то нехорошо, и где-то шевелится ещё неосознанный, только предугадываемый страх. Пока это ещё только беспокойство и нервность. Все наперерыв дают разные советы и делают всевозможные предположения. Одни советуют идти направо, другие – налево; при этом все готовы дать головы на отсечение, что именно их предположение правильно.

Надо взять солдат в руки, и это делает Львов. Голос у него властный, твёрдый, как сталь, и совершенно спокойный, даже слишком спокойный, и по этому именно излишку спокойствия я понимаю, что и он волнуется, но драгуны в таких тонкостях не разбираются. Все умолкают. Толпы больше нет, а есть солдаты и во главе их – вождь. Все тихо садятся в полукруглой пещере. Остаток факела дают Фирксу: он найдёт выход, так как один идёт быстрее, чем толпа; достанет факелов и вернётся. Мы же потушили остаток второго факела – это и экономно, и безопасно – и будем ждать в полном безмолвии и в полном мраке. Фиркс быстро уходит. Свет от его факела быстро удаляется, гаснет где-то за многочисленными поворотами и наконец исчезает вовсе.

Полный мрак и тишина. Изредка кто-нибудь вздохнёт потихоньку, да скатится из-под ноги камешек. Проходит пять минут. На самом деле, кажется, что прошло, по крайней мере, полчаса. Хочется курить, но нельзя. Проходит десять минут. Нервы у всех натянулись, хочется встать во весь рост и громко крикнуть.

Вдруг вдали что-то как будто промелькнуло – или это только показалось? Проходит ещё 3 минуты. Опять, теперь уже явственно, мелькнул слабый отблеск. Это факел. Но чей? Слышны шаги, и появляется Фиркс и с ним драгун с запасными факелами.

Мы быстро встаём и снова двигаемся вперёд. Поворот за поворотом мелькают белые внутренности земли, словно гигантские кишки, переплетённые, как змеи, с жуткими пещерами, обрывами и завалами.

Наконец, измученные, израненные, с ноющими ногами и исцарапанными руками, мы добираемся до какого-то слабого света. Словно серебряная нить, тянется тонкий, как жало, луч света откуда-то сверху. Это, очевидно, заваленное взрывом отверстие. Искать ли новое, не взорванное, или раскопать это и выбраться? Последнее вернее. Начинаем отваливать огромные камни. Пот льёт ручьями. Под землёй трудно дышать и работать.

Наверху молчание. Если там есть наш часовой, он, очевидно, думает, что под ним копошатся бандиты. Вот уже готово отверстие величиной с лисью нору. Мы кричим: сверху отвечают, но по голосу видно, что не верят нам, думают, что это товарищи «врут». Первым ползёт Маклаков, с трудом протискивается, и его ноги исчезают где-то под потолком. Выходим поодиночке. Уже вечереет; после духоты и копоти факелов кажется холодно, и странным кажется ветер после подземной тиши. На этот раз выбрались благополучно.

Багерово
Апрель, 1919 г.

Эскадрон уходит из Багерова в Керченскую Крепость. Я и корнет Старосельский 1-й остались со взводом 4-го эскадрона для охраны станции и наблюдения за разрушенными и покинутыми каменоломнями. Официально считается, что в них больше никого нет.

Это официально. А неофициально все прекрасно знают, что во время вылазок удрало не более 15-20 человек, что убито человек 10 и что остальные 50-60 человек никак не могли испариться в воздухе. А если не испарились – значит, остались внутри: спрятались где-нибудь внутри каких-нибудь отдалённых тупиков, замуровались где-нибудь в глухой боковой галерее. Ведь есть ещё очень мало исследованные углы. Например, вчера, гуляя по лугам, набрёл на брошенные разработки того же камня в ; версты правее наших ломок. Кто знает, быть может, эти шахты соединены с другими? Вход в них запирается массивными чугунными воротами и вдобавок сверху надпись: «Опасно! Вход воспрещается».

Невзирая на это, любопытство толкнуло меня влезть и в эти галереи. С трудом открыл я тяжёлые и ржавые ворота и начал исследование ходов. Потолок в них гораздо ниже, и вообще они значительно хуже и мрачнее Багеровских.

Вернувшись со станции, я подвергся настоящему нападению со стороны телеграфиста. Этот несколько робкий господин решил во что бы то ни стало исследовать каменоломни в надежде найти зарытые разбойниками деньги. Клад – это его id'e fixe [25]. Она не даёт ему покоя ни днём, ни ночью. Ему мерещатся толстые кипы керенок и слитки золота, защемлённые где-нибудь в узком отверстии между камнями и тщательно засыпанные пылью. Но всему мешает его трусость. Мысль остаться одному под землёй никак не укладывается ему в голову. И поэтому он умоляет меня сопровождать его во время его расследований. Что же, идти так идти.

Я уже совсем свыкся с подземным царством и чувствую себя как дома в его извилинах. Через пять минут мы уже шли в направлении подземного взрыва. Это самое опасное место в смысле обвалов, могущих произойти после взрыва. Огромные балки, местами поддерживавшие потолок, почти все опрокинуты, и потолок весь покрыт зловещими трещинами. Нет-нет, да и обвалится огромная глыба весом в несколько тонн.

То и дело приходится карабкаться через такие обвалы.

Вот мы достигли той комнаты, где когда-то нашли граммофон и другое барахло. Всё покрыто пятнами сырости. На стене висит не то окорок ветчины, не то ляжка барана, – разобрать трудно: мясо, словно каким-то белым пухом, покрыто густым слоем плесени. Телеграфист роет, ища свой мифический клад, а я сажусь на камень и закуриваю. Наши тени колеблются по стенам, и огонь воткнутого между камнями факела дрожит, роняя жгучие огненные слёзы на землю.

Я начинаю прислушиваться, потому что слабый, почти неуловимый звук достиг моего слуха. Может быть, это просто воображение. Телеграфист – тот ничего не слышал; он продолжает свои безуспешные поиски. Но через пять минут тот же звук снова слышится, но как будто сильнее. Телеграфист тоже настораживается и прекращает свою возню. Мы оба напряжённо слушаем, но кроме шипения смоляного факела да биения собственного сердца не слышно ничего.

Вдруг телеграфист бледнеет. Кровь постепенно покидает его щёки; самые губы его зеленеют, и в круглых, как у курицы, глазах появляется выражение животного страха. Тот же звук, напоминающий шаги большой толпы, уже явственно доносится из отдалённых галерей. Да, ошибиться нельзя: идут, и притом идут в нашем направлении, и, в довершение всего, их много. Наши драгуны все разосланы за скотом, да вдобавок они теперь по галереям не ходят. Я быстро вскакиваю и тушу факел. Надо защищаться – уходить уже поздно. Мой сосед только мигает, я

отталкиваю его в сторону и наваливаю что-то вроде каменной стены. В темноте спотыкаюсь, царапаю себе руки, но надо спешить. Патроны, высыпанные из подсумка, лежат в темноте под рукой. Винтовка немного дрожит в руке, но не беда, ведь весь вопрос в первых выстрелах. Или они побегут, или мне смерть.

Гул приближается; слышен лязг какого-то металла или оружия и шум многочисленных шагов. Блеснул за поворотом факел. Я становлюсь на колени и целюсь. Целюсь медленно и внимательно. Ярко блеснул огонь и осветил несколько лохматых голов. Это не драгуны, но, по-видимому, и не «товарищи», так как оружия у них нет. Я облегчённо вздыхаю и во весь рост встаю на гребне своего самодельного окопа. Эффект получается потрясающий: при виде вооружённого человека, вылезающего из темноты, толпа в ужасе пятится назад. Насилу выясняю, что это железнодорожные рабочие тоже ищут «клада». То, что я принял за звон штыков или другого оружия, оказывается, были просто безобидные заступы и кирки.

Это хороший урок для вас, г-н телеграфист, и уже не знаю, как вы заснёте в эту ночь после переживаний, которые выпали сегодня на вашу долю.

ст. Багерово
Апрель, 1919 г.

Солнце, горячее, как огонь, жарко печёт и как будто ядовитым жалом впивается в кожу. Мы со Старосельским лежим на бурках в густой траве железнодорожного откоса. По спокойному тёмно-голубому, как старинная китайская эмаль, небу плывут пухлые, как пена, и ослепительно-белые облака. Трава под жарким солнцем разморилась и издаёт крепкий, как вино, запах. Среди цветов шныряют во все стороны тысячи разных насекомых и стрекочут кузнечики. От этого жара хочется пить, и густая кровь с силой бьётся в висках. Пора в тень, если не хочешь получить солнечного удара.

С северной стороны, где есть немного тени от стены здания и жалких акаций, кипит работа. Мои драгуны выделывают папахи из шкурок молодых барашков. Шкурка эта называется курпеем. Ежедневно я посылаю за барашками. Их приводят, связанных за ноги, маленьких, жалостных в своей беспомощности, и тут же режут. Режут и варят суп, густой, вкусный и жирный. Суп этот повторяется изо дня в день, курпеев набирается всё больше и больше. Придётся и мне выбрать себе шкурку получше и обделать её. Для этого надо ехать к помещику Марченко. У него хорошая порода овец и вообще хороший хутор. Сам он из простых крестьян.

В поле, заросшем полынью и разными душистыми степными травами, пасётся крупная отара. При нашем приближении она шарахается в противоположную сторону. Мы обходим отару с противоположной стороны, глазами выбираем себе жертву совершенно так, как ястреб неподвижно высматривает свою добычу, и разом бросаемся в атаку. Овцы рассыпаются во все стороны. Их жирные курдюки смешно взлетают вверх при каждом прыжке, а мелкие ягнята несутся на своих ещё не совсем окрепших ногах. Они ловко увёртываются в последнюю минуту, и поймать их нелегко. Местные чабаны очень удачно ловят их длинной палкой, загнутой на одном конце.

Курпей посыпается солью, скоблится, смазывается кислым молоком, сушится на солнце; снова – уже окончательно – тщательно выскабливается ножом и в таком виде приблизительно годен для шитья папах. Подкладкой для папахи будет служить мелинитовый мешок, верхом – большевицкие штаны. Шикарно, не правда ли?

Керчь. Крепость

Апрель 1919 г.

Я не выдержал багеровской скуки и коварно бежал в крепость, оставив бедного Старосельского в его уединении. Удрал в город, сел в катер, который совершает регулярные рейсы между крепостью и городом, и поехал.

Эти путешествия на катере для меня одно сплошное наслаждение. В то время как в городе душно и пыльно, в бухте всегда бывает прохладно от мягкого морского ветерка. Постепенно город удаляется. Бухта разворачивается во всём своём великолепии, как будто охваченная двумя огромными каменными лапами: с одной стороны блестят светлыми тонами, как лёгкие минареты какого-нибудь сказочного города, трубы Брянского завода; с другой – на фоне пылающего вечернего неба тёмной и массивной массой вырезываются крепость и мыс. Вырисовывается словно какое-то уснувшее на берегу воды чудовище. Греческий храм на Митридате словно висит в воздухе, так светлы и легки его белые, как снег, колонны. Красиво, что и говорить.

В бухте всегда качает; иногда большая волна с силой ударяется о борт катера, и солёные брызги ударяют в разгорячённое ветром и солнцем лицо. Крепость словно вырастает из воды… Со стороны бухты в ней нет ничего воинственного и грозного. Высокий мыс с крутыми почти отвесными склонами, поросшими густой ярко-зелёной травой. Наверху ряд беленьких длинных каменных зданий: не то

немецкая колонка, не то казармы какого-нибудь полка. Между домиками растут деревья, и их пышные кроны видны из-за крыш.

У Крепостной пристани беспрерывное оживление: в ожидании погрузки стоят какие-то орудия крепостного, скорее, типа; кучи каких-то тюков, горы ящиков со снарядами крупного калибра; ящики большого формата, в которых мирно лежат смертоносные мины, толстые, выпуклые, как какие-то жирные свинки. Всюду стоят часовые, охраняя военное имущество.

У пристани, болтаясь в воде, словно поплавки, качаются разных размеров и сортов суда. Здесь и интендантская баржа «Дон», полная самого соблазнительного груза, и другая баржа, прибывшая из Тамани с грузом сена и соломы, и много разных баркасов, катеров, парусников и пароходов. Пристать к самой пристани немыслимо, приходится стать бок о бок с каким-то судном и перебираться по доскам на берег. Пройдя каменный мол, миновав караульное помещение, где по телефону дают из самой крепости пропуски, приходится круто взбираться вверх.

Сперва кажется прямо немыслимо преодолеть такую крутизну, но вскоре по узенькой тропиночке пробираешься на самый верх. Оттуда дивный вид на город и противоположную оконечность бухты, на мыс Еникале, где по ночам блестит огонь маяка, и Брянский завод. Вдали, отделённый голубым, как старая персидская бирюза, проливом, виднеется крутой таманский берег.

Но уже темнеет. Окна крепостных зданий блестят сквозь чёрное кружево сиреневых кустов, и оттуда слышны звуки какого-то вальса. Это наш граммофон, извлечённый из недр багеровских галерей. Репертуар, впрочем, довольно хамский, как и следовало ожидать. Есть только романсы Тамары, несколько отрывков из «Риголетто», «Травиаты» и «Пиковой Дамы». Остальное – сплошь типичные для кабаков, чайных и других «злачных мест» (не буду их перечислять) вещицы. Но и то хорошо.

Из чёрной бархатной ночи вхожу в ярко освещённую большую комнату: свет ослепляет меня, гам и смех на секунду оглушают… Не унывают наши нижегородцы! За огромным столом сидит весёлая компания: Голицын, Львов, оба Абашидзе, оба Старосельские, Фиркс, Гоппер, Маклаков, Люфт и прапорщик Шарай. На столе дымятся какие-то котлеты и неизменное украшение керченских ужинов – знаменитые бычки: маленькие, хрустящие, похожие на каких-то поджаренных чёртиков из преисподней.

Хозяином собрания является Николай Старосельский. Он, несмотря на свою молодость, оказался многоопытным и мудрым, и наших скудных средств всё-таки хватает на стол. Ведь мы получаем по 250-300 рублей! А обед стоит в ресторане, самое

меньшее, рублей 25!

За столом гам и шум: вспоминают багеровские страхи и ужасы, острят и смеются. Сколько ещё молодости, энергии и жизненных сил во всех этих людях! Полуодетые, окружённые подозрительным составом солдат, без денег, рискуя ежеминутно жизнью, они ни минуты не унывают и твёрдо верят в будущее!! Да, с таким офицерством – простым, храбрым и весёлым – можно надеяться на успех.

Керчь. Крепость

Апрель 1919 г.

Сквозь огромные окна нашей общей комнаты льётся яркий солнечный свет. Пора вставать и идти осмотреть нашу новую крепость; кто знает, сколько времени придётся в ней прожить?

Крепость нашу уже давно сдали в архив. Против современной артиллерии и теперешнего способа ведения войны она уже никуда не годится, но в своё время это была грозная сила. Сколько денег было потрачено на неё в своё время! Входят в неё через несколько ворот: Морские, Южные, Северные и Старо-Карантинские. На каждых имеется караул от нашего полка, так как кроме нас в крепости войсковых частей не имеется. Вся крепость состоит из бесконечного числа самых разнообразных фортов, эскарпов [26], контрэскарпов, лютетов [27] галерей, ходов сообщений, батарей, укрытий и других страшных и воинственных сооружений.

Впрочем, все эти сооружения теперь имеют какой-то особый добродушный и мирный вид: такой отпечаток бывает у старых отставных вояк. По валам и рвам бегают, озабоченно разыскивая себе пропитание, куры; в укрытиях, куда стекает влага и потому растёт особенно пышная трава, пасутся лошади и коровы. На грозных 9-дюймовых орудиях, когда-то сеявших (а может быть, и нет – чёрт их там знает) смерть, весело и задорно чирикают воробьи, а кругом, воркуя и ухаживая с остервенением друг за другом, гуляют по бетонным площадкам голуби.

Вся земля на площади крепости изрыта и ископана. Там, где было ровное место, появились огромные впадины и целые искусственные долины; там, где были холмы, так или иначе «неуместные», они исчезли и появились там, где раньше их не было. Самый грозный форт – форт, обращённый к суше в сторону деревни Старый Карантин – называется «Форт Тотлебен» в честь его строителя, знаменитого генерала Тотлебена. Он, самый высокий из фортов, окружён всевозможными редутами и изрыт колоссальными подземными казематами.

Против Таманского перешейка обращена так называемая 17-орудийная батарея, составленная из пушек крупного калибра. Чтобы неприятельский флот был принуждён проходить под огнём крепостной артиллерии, Таманская коса была в своё время искусственно продолжена в море и удлинена. Все склоны валов и редутов теперь густо покрыты зелёной густой травой, и издали трудно угадать, что имеешь перед глазами грозную крепость.

В своё время всё было прекрасно оборудовано и устроено. Да и теперь имеются радиотелеграфная, телефонная и электрическая станции, бани, лазарет и другие учреждения. Офицерские флигеля, помещения для людей, церковь и собрание прекрасно устроены.

Керчь. Крепость
Апрель 1919 г.

Жизнь наша в крепости течёт однообразно и тихо: ловля бычков, утренние занятия с драгунами, стрельба в цель, изредка поездки в город. А вечером, когда ясная и спокойная луна величаво совершает свой путь и гладкое, как зеркало, море чернеет, как бездна, мы выходим и просиживаем до поздней ночи.

Как прекрасны это крымские ночи! Сирень покрыта гроздьями душистых цветов. От их тяжести гибкие ветви томно сгибаются, словно в сладостном изнеможении. Тепло, и душно, и полно разных ароматов. В такие ночи, ночи влюблённых, думается о прошлом, вспоминаются забытые поцелуи и слова, и другие такие же ночи, когда та же величавая луна тихо свершала свой путь и роняла в чёрную воду тяжёлые серебряные слёзы, и так же сгибались ветви сирени до самой земли, не в силах преодолеть дремотных чар южной ночи. Хорошо и спокойно.

Керчь. Крепость
Апрель 1919 г.

В то время как я был ещё в Багерове с взводом, в области Старо-Карантинских каменоломен произошёл маленький бой. Трудно было разобрать, в чём именно было дело: кто-то в кого-то стрелял, кто-то от кого-то удирал, и в результате наш конный взвод (единственный в полку) под командой Б. Абашидзе напоролся на «товарищей», был обстрелян, и взводный Воронков попал в плен к «товарищам». «Товарищи» утащили его в свои норы, и всё, казалось, на том и кончилось. Но Воронков был парень не промах: старый драгун, бывший наездником 5-го эскадрона в полку, он стал задумывать бегство. Первые минуты его плена были трагичны. Его хотели расстрелять (увидев погоны подпрапорщика), затем посадили в совершенно тёмный тупик.

Так просидел он с другими пленниками в сырой гнилой тьме, получая сухой хлеб и вонючую воду. Потом его заставили выполнять всевозможную чёрную работу: копать, вывозить лошадиный навоз из подземных конюшен, где томилось в бездействии около 25-ти лошадей, чистить людские помещения и т.д.

Он работал старательно, присматривался и запоминал. Постепенно он изучил расположение ходов, наизусть знал, где находятся часовые, штабы, канцелярии и прочие учреждения и, что лучше, вошёл в полное доверие к «товарищам». Через неделю приблизительно ввиду его распорядительности и ума он был назначен взводным и получил полную свободу. Им стали пользоваться как орудием пропаганды и заставили написать несколько писем в эскадрон, в которых он убеждал наших переходить в каменоломни и перебить офицеров.

Письма эти дошли, были прочтены, обсуждены и… об них Львову никто не доложил. Не доложили, во-первых, из боязни, во-вторых, по личным соображениям. Всё это пустяки: что люди сомневаются в нашей победе – это я знал; что они из трусости не выдадут изменников – это я тоже знал. Но что Янченко, краса и гордость эскадрона, любимец Б. Абашидзе, строгий взводный, лихой солдат типа нижегородцев старого полка, запевала, балагур, ничего общего с типом «товарища» не имеющий, чтобы, повторяю, Янченко изменил – этого ни я, ни кто-либо из офицеров не мог предположить. А он не только изменил, собираясь бежать, но даже был главным оратором, организатором переговоров и главарём предполагаемого восстания!!!

Когда мы узнали, что Янченко, пронюхав о двойной игре Воронкова и его бегстве, перебежал в Карантин, – мы только молча посмотрели друг на друга и беспомощно развели руками. Уж ежели он выкинул такой номер, то на кого же надеяться? Ведь так и друг другу в будущем доверять нельзя! Возьмёт Львов да и передастся «товарищам»; или Маклаков окажется отъявленным коммунистом и организатором подпольной борьбы! Всё теперь возможно, и нет таких невероятных и нелепых предположений, которые не имели бы шансов осуществиться.

Ужас, сплошной ужас! Но бороться надо. Без борьбы мы не сдадимся, и как беспомощных детей нас не перевяжут… Нет, этому не бывать!

Керчь. Крепость
Апрель 1919 г.

У дверей и окон пустой и пыльной комнаты стоят на часах гимназисты местной команды с винтовками в руках. Кроме стола

и стула, на котором сидит князь Львов, нет никакой другой мебели. В комнате напряжённое молчание. Львов мрачно попыхивает своей неразлучной трубкой, и в его глазах порой такое выражение непреклонной решимости и жестокости, что делается жутко. Рядом с ним стоят штабс-ротмистр Лухава, Фиркс, Люфт и корнет Попов. В руках у них арапники и нагайки, толстые, узловатые и крепкие.

Я стою у окна с винтовкой и с некоторым замиранием сердца жду, что будет дальше. Перед Львовым стоит бледный, как полотно, человек с взъерошенными волосами. Это Несенов – драгун 3-го эскадрона. По глазам его можно понять, что он догадывается, что пощады не будет, что будет страшная пытка, что впереди, вероятно, смерть, но он ничего не скажет, не выдаст себя ни единым словом, будет отнекиваться от всего. Потому что сознайся он в соучастии к заговору Янченко, тогда смерть очевидна, а так… Кто знает? По лбу его струится пот, и руки дрожат.

Я пристально смотрю ему в глаза и стараюсь прочесть в них что-либо, но ничего прочесть не могу, кроме страха. Львов ещё раз затягивается крепким едким табаком и спрашивает тихо, но с таким выражением, что у всех холодок проходит по спине: не может ли Несенов ещё что-либо рассказать интересного… Тот только отрицательно качает головой.

– Тогда ложитесь.

Несенов ещё больше бледнеет, но не ложится. Лухава внезапно багровеет, так что его вообще тёмное лицо делается почти чёрным, и с размаха ударяет его по лицу. Тот падает на землю. Из рассечённой губы струится кровь. На него как-то по-звериному набрасываются все сразу. Со страшной силой сыплются удары, оставляя на белом нежном теле тёмно-фиолетовые широкие полосы. Всё чаще сыплются удары, всё больше кровавых полос. Они то ложатся рядом, словно образуя какой-то рисунок, то перекрещиваются. Промежутков между ними всё меньше – вся спина делается какой-то отвратительной вздрагивающей массой лилового цвета. Громкий крик, вырвавшийся, несмотря на стиснутые зубы, переходит в стоны.

– Встать!

Жалкая человеческая масса продолжает беспомощно лежать на полу… Зверский удар сапогом заставляет её приподняться, и удар хлыстом по лицу окончательно приводит её в чувство.

– Может быть, теперь что-нибудь вспомнили?

Попыхивает трубка, и бесстрастные, холодные, как сталь, глаза впиваются в другие глаза, полные страха и слёз.

– Никак нет…

– Ложись, собака.

Опять сыплются удары, глухо и тупо, словно с каким-то чмоканьем. Вот лопнула кожа, и брызги крови разлетелись по полу. Теперь жертва мечется, как раненый зверь; каждый удар рвёт кожу и врезается в живое кровавое мясо. От страшной боли появляется нечеловеческая сила. Все наваливаются на руки и на ноги. Кто-то садится на голову. Потом он слабеет и почти умолкает, только вздрагивающие непроизвольно мускулы показывают, что жизнь ещё не покинула истерзанное тело.

– Встать!!

Грозный окрик на этот раз не действует – жертва как-то слепо и криво ползает, оставляя следы пота и крови на полу, наконец встаёт, но долго не может сказать ни одного слова. Какое-то икание и бульканье вырывается из запёкшихся губ.

Вид у Несенова страшный: смоченные потом, спутанные волосы закрывают глаза; всё лицо, опухшее как маска, покрыто ссадинами и кровоподтёками.

– Может быть, теперь что-нибудь расскажете?

Голос всё тот же, спокойный, даже мягкий, но в глубине которого звучат какие-то недобрые нотки. Словно игра кошки и мышки. Я весь похолодел. Это первый раз, что я вижу порку.

Несколько хрипов; наконец словно чужой голос слабо звучит в комнате:

– Никак нет…

Львов только слабо махнул рукой в сторону выхода. Ещё одной человеческой жизнью будет меньше. Несенов слишком много видел… да и причастность его к делу несомненна.

Очередь за другими. И входят один за другим бледные, как полотно, люди, и однообразно, с тупым звуком сыплются удары. Руки устают, махрятся нагайки и плети, а работа всё идёт и идёт.

Вечером из нашего дома вышло трое. Двое с карабинами, один – шатающейся походкой без оружия. Где-то раздался выстрел, и вернулось уже двое офицеров. Мало ли бывает случайных выстрелов в крепости, и кому придёт в голову предположить, что в глубине помойной ямы может лежать труп?

Репрессии после Янченковского заговора продолжались неделю, но оставили на всех тяжёлое впечатление. Вспомнились средние века, и картины порки с офицерами-палачами и окровавленными жертвами ещё долго носились у меня в глазах.

В эскадроне всё притаилось. Окончательное ли это умиротворение или только затишье перед бурей? Трудно сказать…

Керчь. Крепость

Апрель 1919 г.

Наши собираются воевать. Бандиты сильно обнаглели, делают вылазки, хватают заложников, за которых требуют крупные выкупы, ночью производят кавалерийскую разведку для добывания барашков в окрестных имениях и хуторах.

Сегодня мимо Карантина неосторожно проехал штабной автомобиль с какими-то двумя полковниками и был захвачен и увезён под землю. Это происшествие послужило последней каплей в чаше долготерпения наших главковерхов. Решено воевать и посрамить дерзкого врага.

У казарм толпятся драгуны. Кто осматривает затвор, кто прилаживает штык, кто подтягивает пояс с подсумками. Внутри казарм вахмистр Елкашев, молодой, худой и румяный, скорее похожий на ученика гимназии, нежели на вахмистра, раздаёт патроны. Аккуратно откупориваются цинковые ящики, и чистенькие блестящие патроны быстро разбираются по рукам.

У конюшен седлают лошадей: это конный взвод Б. Абашидзе; седлает сам Абашидзе и внимательно осматривает подпруги. Фиркс взгромождает два пулемёта на линейки и привязывает их ремнями. Это новая «добровольческая» система – система возить пулемёты на тачанках и линейках. Вот всё готово и можно двигаться. Шагом марш!

Бодро проходим через всю крепость и подходим к Карантинным воротам. Солнце ещё высоко, и небо безоблачное: хороший день для боя, что и говорить. Все испытывают лёгкое волнение, а некоторые положительно боятся, но, в общем, настроение хорошее.

Некоторое время мы движемся колоннами, потом взводы расходятся и рассыпаются в цепи. Пулемёты идут по дороге, а конные берегом моря незаметно подходят к деревне Старый Карантин. Впереди нас закрывает складка местности, и «товарищи» нас ещё не заметили.

Вот маяк – ещё несколько шагов, и мы пойдём уже, вероятно, под огнём. Невольно заглядываюсь на пылающее вечернее небо. Может быть, через две-три минуты маленький остроконечный кусочек свинца, обложенный более твёрдым металлом, со свистом сверля воздух, вопьётся в лоб или в живот или раздробит кости рук и ног? Как будто нечаянно смотрю на руки. Которая, интересно, правая или левая пострадает? А какие они милые, эти живые, тёплые, полные горячей крови, ловкие, могущие писать и работать руки! О каких, однако, глупостях думаешь!

Вот и ровное место с холмами и рытвинами. Среди сложенных у выходов каменоломен камней мелькают чёрные фигурки. На левом фланге у холмика Фиркс хлопочет,

устанавливая пулемёты… Вдруг где-то с нашей стороны раздаётся выстрел. Ответа нет…

Мы медленно двигаемся вперёд. Цепи, словно гигантские змеи, медленно волнуясь и изгибаясь, ползут по лугам, преодолевая холмы и канавы. Фиркс даёт первую очередь из своих пулемётов. Сначала стреляет пулемёт, потом отвечает эхо… Сначала пулемёт – потом эхо… И, словно вливаясь в какую-то зверскую чудовищную симфонию, раздаются сначала жидкие, потом более частые выстрелы. Бой начался…

Я продвигаюсь к большому кургану: если мне удастся его занять, я, правда, буду несколько ближе к неприятелю, но зато будет лучший обстрел. Мы все продвигаемся вперёд. Огонь делается неприятным, но мы уже у подножия кургана, и здесь тихо. По цепи передают приказ остановиться и наблюдать.

Мы ложимся. Я, взводный Гемеркин, драгун Предвечный и двое молодых новобранцев продвигаемся ещё вперёд к маленькому холмику. Огонь здоровый. Фиркс поливает Карантин, бьёт по садам, огородам и кучам камней.

Я выбрал себе целью маленький домик железной дороги. Около него нет-нет да и мелькнёт чёрная фигурка. Тогда я даю выстрел. Фигурка прячется не то от страха, не то раненная… Мои новобранцы все стараются спрятать голову в пыли и в траве. Приходится на них покрикивать. Пули чиркают вправо и влево, взбивая лёгкие облачка пыли. Иногда делают рикошеты об камни и с пением улетают в сторону.

Предвечный опять ткнулся носом в землю, и получает соответствующую реплику от меня… Почему-то он всё-таки не подымает голову и не стреляет. Взбешённый, я уже собираюсь вскочить на ноги и пихнуть его ногой, как вдруг вижу… Бедный! Ему, пожалуй, уже не придётся подымать больше головы… Лужа багряной крови медленно выползает из-под поникшего лица. На травинках поблёскивают в лучах заката маленькие рубины…

Здесь держаться трудно – нас обходят. Подбираем Предвечного и тащим его назад. Приходится проделывать всё это лёжа. Утомительно и неудобно. Уже прошло с четверть часа, как он убит, а он всё ещё хрипит, и что-то клокочет у него внутри.

Мы ещё лежим до темноты. Рядом со мной вольноопределяющийся Панфилов – ещё мальчик. Когда летит пуля, он наклоняет голову, «кланяется», как говорится. «Поклонившись», смеётся и обещает больше этого не делать, но затем не выдерживает и снова «кланяется».

Стрельба смолкает. Небо тихо догорает, словно огненно-розовый пепел. Испуганные стрельбой птички снова неподвижно трепещут крыльями в воздухе и заливаются беззаботной трелью.

Всё дышит миром и спокойствием. Откуда-то с моря потянуло сыростью, и последний луч заката поблёскивает в маленьких рубинчиках, качающихся на зелёных травинках.

Керчь
Апрель 1919 г.

Эх-ма, кабы денег тьма! Грустно иметь в кармане четыре рубля пятьдесят копеек крымскими деньгами. А если бы иметь денег, можно было бы недурно прожить в городе.

Меня послали сюда с взводом и с двумя максимами. Мой взвод носит пышное название «дежурной части». Хороша дежурная часть в составе 8-рядного взвода, долженствующая принести такому большевицкому городу как Керчь мир и благоденствие! Но как бы то ни было я являюсь важным лицом в славном городе Керчи.

Теперь офицер и вообще, кто бы то ни был, оценивается уже не по богатству, как раньше, не по происхождению, не по занимаемой должности, а по количеству людей и пулемётов, которые он может в данный момент выставить. Это очень характерно. Я, например, олицетворяю собой два максима [28] и 15 архаровцев-драгун. Наумов, начальник партизанского отряда гр. Татищева, оценивается как имеющий человек 40 кавалеристов. Сотник Таманского казачьего полка оценивается ещё выше: к нему уже даже «сам» начальник гарнизона относится с уважением – у него человек 80 казаков.

Кроме сотника, Наумова и меня в городе имеются ещё: отряд генерала Михайлова, Керченская команда (?), отдельная горско-мусульманская сотня есаула Свободинского и ещё какие-то более мелкие части. Ежедневно будем собираться у коменданта, обсуждать положение и вырабатывать меры к охране города. Всего у нас наберётся около 250-300 человек.

Я с трудом нашёл себе квартиру, но недурную: на углу двух главных улиц – Воронцовской и Строгановской. Занимаю я две светлые хорошие комнаты: в одной помещаюсь я и мой помощник Люфт, в другой – мои люди и пулемёты. Имеется балкон, на котором я могу, попивая чай, наблюдать за уличной сутолокой. Против меня в здании Английского клуба помещается сотня Слободинского, состоящая из осетин и текинцев.

Сегодня предполагается, по сведениям контрразведки, нападение на город.

Керчь
Апрель 1919 г.

Мы все сидим у коменданта города полковника Кибича. Мы –

это Свободинский, Наумов, Михайлов, я и другие «местные части». Перед нами план города, и мы делим его между собой, как некогда диадохи Александра [29] делили его царство. Так же как и они, мы ссоримся между собой. Я, например, ясно вижу, что казак-сотник с удовольствием взял бы себе мой участок – «Лизину Рощу» [30] и бульвар у моря – и что он делает соответствующий нажим на коменданта. Но я непреклонен: умру, но «Лизиной Рощи» не отдам; она легко охраняется и далека от опасных, предательских и мрачных окраин города. Кроме того, все торгуются между собой: один уверяет, что ему невозможно брать на себя такой большой участок, что у него не хватает людей; другой просит прибавить ему людей другой части; третий, наконец, уверяет, что ему дали самый скверный участок, что у него ненадёжные люди и т.д.

Наконец город поделён. В 9; мы должны уже занять свои посты, а после десяти уже никого не должно быть на улицах, и можно расстрелять первого встречного. Об этом уже все знают, и около десяти толпа начинает волноваться и торопится домой. Вот уже 9 часов 50 минут! Многие из публики почти бегом спешат к себе на квартиру…

Я занял уже своё место: «Лизина Роща», в сущности, мало имеет общего с рощей – это просто летний ресторан-тент с выходящим к морю балконом и окружённый группой тенистых деревьев и густыми кустами сирени. «Максимы», словно тачки, протащились, с грохотом подпрыгивая по мостовой, и ещё больше напугали публику.

Вот медленно и торжественно пробило десять на городских часах. Всё тихо, словно вымерло. Каким-то странным кажется город, ещё пять-десять минут тому назад бывший таким оживлённым и шумным. Опустевшие улицы кажутся странно широкими. Их вид как-то не внушает доверия. Асфальт смутно блестит при свете полной круглой луны, словно поверхность какого-то засохшего болота. Тени кажутся невероятно резкими и чёрными и в некоторых впадинах будто налита густая китайская тушь.

Немного напоминает театральные декорации и сцены из средневековой жизни. Здания уже перестали быть современными. Луна то скрывается, то снова выплывает медленно и торжественно из-за мелких облачков. Перед одним из домов растут чёрные, как ночь, тополя. Листва почти скрывает маленький, словно кружевной балкончик. Облокотившись о тонкую балюстраду, стоит какая-то женщина. За её спиной открытая дверь. Видна лампа с тёмно-оранжевым шёлковым абажуром, угол ширмы, позолота какой-то рамы. Уголок какой-то

чужой жизни… Не хватает испанца с гитарой и звучной серенады.

Шаги гулко отдаются в ночной тишине. Им отвечает слабое эхо. Или нет… Это не эхо – это другие шаги где-то в темноте узкого переулка. Я останавливаюсь, винтовка наизготовке. Останавливается и он.

– Кто идёт?

– Свои.

– Что пропуск?

– Клинок.

– А что отзыв?

– Константин.

Я подхожу ближе и показываю своё удостоверение-пропуск. Это казак Таманской сотни…

Становится свежо. Море кажется серым и мёртвым, даже плеска не слышно. Луна уже зашла, и близится утро. Слышны опять шаги.

– Кто идёт?

– Я, видите ли… Собственно…

– Кто идёт?

– Я, конечно, извиняюсь… но…

– Пожалуйте за мной!

Незнакомец подходит ближе, и лёгкая волна водочного перегара сразу объясняет всё – и позднюю прогулку, и неуверенность походки. Сажаю его под арест и иду дальше.

Спать не хочется. Север светлеет, и звёзды уже почти завершили свой путь. Тихо розовеет восток. Светло-жемчужные тона сменяются алыми. Делается ещё холоднее. Пора идти спать. Вот уже идёт сонная торговка молоком, и, с грохотом прогоняя ночную тишину, катится тележка с зеленью. Где-то залаяла собака. Пора спать.

г. Керчь

Апрель 1919 г.

Ночью было нападение на город: была обстреляна почта и здание контрразведки. Были брошены гранаты, и были жертвы. Наши главковерхи напуганы, тем более что, говорят, будет нападение на здание, где помещается управление начальника гарнизона.

Уже несколько дней, как я несу ночную охрану; мы с Люфтом спим по очереди, но пока тревог не было. Теперь опять ночь. Луна уже на ущербе, и улицы в какой-то серой мгле. Вдали не то стрельба, не то взрывы. Кто-то выбегает из Комендантского управления; у начальника гарнизона суматоха. Куда-то бегут текинцы Свободинского.

Тревога! Открываются широкие массивные ворота, и грузно выкатывается, гремя передачей, броневой автомобиль... На ходу что-то смазывают, продёргивают пулемётные ленты... Выползает грузовик. Я втаскиваю пулемёты, сажусь; мои люди прыгают на ходу. Страшно трясёт грузовик, пока мы несёмся.

Улицы ещё пустынны, хотя уже часов 5 утра. Мелькают тополя бульваров, сонные дома. В садах пробуждаются сонные птицы. Вот вокзал… Окна все выбиты, кругом обломки и сор. Мечутся какие-то офицеры, куда-то идёт цепь с пулемётом, бегает доктор с бинтами и йодом.

Уже всё кончено. В зале первого класса лежат убитые и раненые. Кто-то умирает… Неужели разбойники ещё долго будут над нами глумиться?

Керчь
Апрель 1919 г.

Около деревни Старый Карантин идёт бой. Жителям поставили ultimatum: или сдаться и перестать явно и тайно помогать разбойникам, или же ожидать грозных репрессий. В море болтается какой-то кораблик, который должен помогать нам своей артиллерией. Наши конные опять пошли берегом моря. Цепи снова ведут наступление от зданий маяка. После короткого боя деревня занята, и красные загнаны под землю.

В деревне, оказывается, сидел всё время наш контрразведчик. Он выдаёт всех: человек 60 расстреляно и повешено. Потом вешают… самого контрразведчика за то, что он на многих наклеветал напрасно. Есть убитые и раненые с обеих сторон. Наши подвозят бочки с мелинитом и начинают снова бесконечные взрывы.

Отсюда из города любопытно за этим наблюдать. Сидишь себе под вечер на бульваре и наслаждаешься дивной погодой. Море, синее, как индиго, сливается с небом, и на нём изредка белеет какой-нибудь парус. Вечернее солнце пригревает прибрежный песок и золотит высокие тополя. Вдруг на чистом небе появляется высокий чёрный столб где-то за крепостью, за ним другой, третий… пятый… Словно гигантские грибы. Потом методично, через почти равные промежутки времени, тяжко громыхают пять взрывов. Вздрагивают листья на тополях.

г. Керчь
Апрель 1919 г.

Девять часов вечера. Звонок по телефону, очевидно, из крепости. У телефона голос Николая Старосельского. Видно, что он взволнован. Тяжело ранили Фиркса… Да… Возможно, что

умрёт… Необходимо сейчас же достать санитарный автомобиль и вывезти его из Старого Карантина… Это всё, кажется… Вот тебе раз! Бедный Димка; неужели он умрёт? Ранен в левое лёгкое навылет…

С трудом достаю автомобиль. Он довольно комфортабельный и мягкий. Это легковая машина фирмы «Пежо». Быстро, несмотря на отвратительную дорогу, мчимся мы к крепости. При луне её чёрные форты, туннели, массивные ворота – всё это словно в сказке. Мелькают деревья, с громом переносимся через мост. Вот Карантинные ворота. Шофёр идёт берегом моря: должно быть, боится обстрела. Въезжаем в деревню. Встречаем солдат-гвардейцев; спрашиваем, где раненые – лазарет оказывается в здании школы.

Большая слабо освещённая комната полна запахом эфира, хлороформа и других лекарств. На стене большие карты частей света и рисунки для курса ботаники. Недавно ещё здесь зубрили малыши. Теперь страдания и смерть.

Долго не могу найти среди раненых Фиркса. Неужели это бледное, обросшее щетиной, старчески сморщенное и худое до неузнаваемости лицо – неужели это наш Димка? На нём нет рубашки и вся его грудь забинтована; волосы на голове сбились.

Он меня, должно быть, не узнаёт. В груди хрипит и клокочет: это кровь, которая заполнила лёгкое и мешает дыханию. Стараюсь его успокоить, но видно, он решил, что дела плохи, и пал духом. Потихоньку выхожу из комнаты и иду искать доктора. Доктор уверяет, что хотя рана тяжёлая, но опасности для жизни нет никакой. Чёрт его разберёт, врёт он, чтобы успокоить, или же правда рана несмертельная.

Все наконец готовы. Ещё одно вспрыскивание морфия, и автомобиль снова летит в сумерках ночи. Осторожно спускаемся мимо крепости к морю и тихо подъезжаем к городу. Я сижу рядом с шофёром. Внутри, у Фиркса, сидят Маклаков и писарь Голосовский. У всех винтовки наготове, так как это опасное место.

По городу мимо бульвара мы идём уже быстрее. Небо посветлело, и скоро будет рассветать. Вот и Воронцовская улица. По ней мы поедем к вокзалу. Но что это? Взрыв, что ли, или ручная бомба? Потом выстрелы: один, другой, потом опять взрыв, но уже ближе. Бегут вооружённые люди прямо толпой. Выстрелы уже рядом, потом вспышка света и оглушительно рвётся ручная граната на перекрёстке улицы. Шофёр старается повернуть автомобиль, мы пятимся, натыкаемся и снова останавливаемся. Сзади нас кто-то стреляет, кто-то кричит нам, но разобрать слов нельзя. Сбоку в другой улице снова рвутся бомбы и трещат

выстрелы. Мы снова пятимся, поворачиваем и несёмся назад; кто-то кричит: «Стой!», но нам уже всё равно. Вдогонку летит запоздалая пуля и теряется где-то над домами. Мы спасены.

Когда всё уже успокоилось, мы снова двинулись к вокзалу и благополучно прибыли. Здесь полно раненых, преимущественно гвардейцев, офицеров и солдат из-под Старого Карантина. Худой обнажённый до пояса человек мечется, сидя в постели. Он даже не забинтован: маленькая дырочка в области печени просто залеплена крест-накрест пластырем. Он то беспорядочно размахивает руками, то крутит головой и что-то мычит. Потом постепенно затихает. Я встречаюсь с ним глазами, и не могу больше отвести своих. Постепенно глаза его теряют свой лихорадочный блеск и стекленеют. Потом делаются пристально-неподвижными и тусклыми. Это смерть.

Другой – рядовой Егерской роты – ранен в живот. Вся рубаха его черна от запёкшейся крови. Он лежит на спине и обмахивает живот этой заскорузлой кровавой рубахой. Должно быть, начало перитонита.

У одного офицера совершенно забинтована голова: говорят, едва сумели остановить артериальную кровь. В перевязочной кто-то отрывисто кричит, и там мелькают озабоченные сёстры то с инструментами, то с перевязочными материалами.

Как печальна и некрасива изнанка войны – та часть её, которая не описывается в романах и не изображается художниками и поэтами. Le rever de la medaille [31]…

г. Керчь. Завод
Апрель 1919 г.

Моё ночное дежурство кончается. Я стою на берегу моря и любуюсь восходом солнца. Картина восхитительная. Море, белое, словно серебро, начинает окрашиваться в медные тона. Оно молчит, немое и прекрасное. Зато в ветвях деревьев несмолкаемое щебетанье проснувшихся и голодных птичек.

Что-то странное делается в Заводе. Раздалось несколько орудийных выстрелов, и даже видны белые дымки разрывов; но странно, что стрельба в самом Заводе! Чуть ли не среди зданий и садов!! Если внимательно прислушаться, то слышна, правда, очень слабо, но всё же слышна перестрелка. Что там случилось? В эту минуту меня вызывают к начальнику гарнизона.

С Брянского завода сообщают, что совершено нападение врасплох на наши части и что много погибло и взято в плен «товарищами»; бой продолжается и оттуда просят подмогу. Положение отчаянное. Немедленно зазвонили телефоны. Я начал собирать людей и ждать автомобиля. Прошло 10-12-15 минут, а

автомобиля всё нет. Наконец всё готово.

Уже часов 5 утра. Мы несёмся полным ходом по пыльному и сонному предместью. Вот места, где только что был бой. Около тюрьмы мы слезаем и цепью проходим по садам. Нет никого. В Заводе всё кончено, и мы опять опоздали.

Нападение было смелое и предательское. Один из главных разбойников, одетый в офицерскую форму, обошёл наши посты, некоторые из них снял, узнал пропуск и пароль. Затем подошли к рассвету цепи товарищей и сразу напали на дом, где жил вр. <временно> командующий нашим полком полковник кн. Вахвахов (переяславец [32]). Забросали дом ручными гранатами, застрелили наповал князя, тяжело ранили полковников Лельевра и Бастамова. Затем почти одновременно атаковали эскадроны, дома офицеров и прочих жителей Завода. Все растерялись. Корнет Накропин был смертельно ранен в живот осколком бомбы.

После первой паники началась отчаянная защита. Конечно, эскадрон новобранцев, почти безоружных, был захвачен почти целиком. В других зданиях Карцев, Счастливцев, Врангель, Кусов, Юзвинский и другие наскоро устраивали баррикады, стреляли из окон, дверей, из-за каменных заборов и углов зданий. Артиллерия наскоро запрягла лошадей и карьером выскочила из ворот под самым носом удивлённых «товарищей», успевших только дать залп вдогонку.

Ездовые подвезли орудия к самому берегу моря – единственному месту, где ещё можно было защищаться, т.к. Завод был уже почти весь занят, а город был также отрезан цепями большевиков. После первых же выстрелов, довольно, кстати, удачных, «товарищи» замялись, тем более, что стало уже светло, а от каменоломен они оторвались уже довольно далеко. Этой заминкой воспользовались остатки наших, сделали нажим, прорвались к морю, к орудиям и там залегли.

Когда я прибыл, всё было уже спокойно: подбирали убитых и раненых, узнавали, кто жив, кто в плену. Рассказывали друг другу, кто как спасся и разные эпизоды боя. Чудом спасся полковник Счастливцев. Его припёрли в угол какого-то здания и дали по нём залп. Он стоял боком, и четыре пули чиркнули по его серому офицерскому пальто как раз против живота, оставив четыре царапины. Он выстрелил. Потом была брошена бомба. Когда дым рассеялся, его уже не было: он воспользовался им и бежал. Действительно, подвезло человеку!

Бастамов ранен в грудь, плечо раздроблено, и кровь идёт сильно. Лельевр ранен тяжело в ноги. Пропало около <цифра отсутствует> человек и два пулемёта. Пулемётчики вместе с взводным (или вахмистром) Потаповым сами предались красным.

В общем, разгром полный, и теперь в Аджимушкае под землёй идёт ликование.

Керчь. Завод
Апрель 1919 г.

Полуденное солнце жарко припекает, и ослепительно блестят белые стены рабочего городка. Резко выделяются красные черепицы. Около крайнего со стороны Аджимушкая домика находится застава. Офицеров при ней трое: Карцев, Люфт и я. Задача у нас нелёгкая: надо уследить за тем, чтобы от нас никто не перебежал к «товарищам» и чтобы нас не захватили врасплох. Дело идёт к вечеру. Скоро придётся выставлять секреты и полевые караулы.

А что толку в этих секретах? Ведь достаточно, чтобы оказалось двое негодяев в них, и «товарищи» свободно пройдут никем не замеченными! А такие двое уже имеются: это Башков и Журов… Про них мне всё рассказал охотник Голосовский, человек верный.

Он слышал разговор весьма характерный, в котором участвовали двое упомянутых драгун и третий – Герман. Говорилось, что в случае нападения сохрани, Боже, стрелять, а лучше прямо броситься на офицеров, обезоружить их и перейти к большевикам. Миленькие разговорчики!! Можно ли воевать после этого?

Но делать нечего. Башкова и Журова пошлю как связь к соседним частям. Если желают перейти, то пусть лучше переходят скорее; двумя мерзавцами меньше будет… А в охранение выставлю более надёжных.

А кто эти «более надёжные»? Голосовский, Диденко, пожалуй, Цибульников… А остальные? Щербина мне определённо не нравится; его брат – также; остальные не то что перебегут, но драться особенно упорно тоже не станут, просто ходу дадут. Придётся самому всю ночь обходить посты.

А ночь тёмная и безлунная. Сырость и роса такая, что трава вся сегодня, как тёмное серебро. Вдали горят высокие фонари Завода и слабо освещено небо над городом.

Керчь. Крепость
Май 1919 г. [33]

Опять крепость. Все мы несём дежурства по дивизиону. Ночью объезжаем верхом все посты. Их много: один у Морских ворот, затем у пристани, у Южных и Северных ворот, у Карантинных ворот, у Минного люнета и у Гауптвахты.

Гауптвахта вся переполнена. Здесь есть и арестованные за буйство и скандалы офицеры, и красные шпионы, и агитаторы, и просто уголовные особо опасные преступники. Ко вторым принадлежит Белоус, Павленко; к последней категории – убийцы семьи Золотарёвых: Стельман, Чудаков и ещё двое.

Дело Золотарёвых – дело кошмарное: целая семья была вырезана самым бесчеловечным образом. Сегодня передано по телефону, чтобы мы повесили этих господ. Они уже знают об ожидающей их участи, но держатся с удивительным достоинством: спокойно, но без вызова. К ним входит Ю. Абашидзе. Его почему-то на гауптвахте все даже любят. Убийцы просят, чтобы их не вязали, но Абашидзе на это замечает, вполне, впрочем, резонно, что рисковать не желает: «А вдруг удерёте? Чёрт вас знает…». Они улыбаются и обещают не удирать.

Внизу у подножия фортов есть полянка – небольшая, уютно покрытая зелёной травкой, с одиноко растущими развесистыми деревьями. Прямо восхитительный уголок, словно предназначенный для пикников. Но сегодня не пикник там будет, а что-то совсем другое… На ветвях одного из деревьев висят пять верёвок. Имеется и табуретка: всё, что нужно. У ствола толпится народ: драгуны, которые будут вешать, много офицеров, охраняющих полянку, священник и просто любопытные солдаты. Их лица, смутно белеющие в наступающих сумерках, выражают любопытство и нетерпение.

Преступников ещё не привели. Впрочем, вот и они. Их только трое: одного – Чудакова – помиловали. Руки их привязаны к туловищу и связаны крепкими тонкими верёвками. Один из них прямо красавец – высокий, статный, с кудрявыми чёрными волосами. «Выходи кто-нибудь!»

Один из убийц, не дожидаясь повторений, смело выходит вперёд. Забраться на табуретку ему нелегко, так как руки связаны; кто-то помогает и подпихивает его вверх, но оказывается, верёвка слишком коротка и от головы до неё остаётся ещё с четверть аршина. Приходится на руках поднять его, чтобы голова была на одном уровне с верёвкой. Он тяжёлый, и это нелегко. Его чуть не роняют, но наконец голова попадает в петлю, и он сам движением головы поправляет верёвку, застрявшую у подбородка. Потом табуретка падает на землю, и человек пять ещё дёргает его вниз, думая, что он скорее задохнётся. Но получается только хуже. Верёвка обрывается, и тело с глухим шумом падает на траву. Кто-то хватает его за верёвку и, волоча по земле, тащит к яме. Но, видно, мы плохие палачи… Жертва ещё не умерла, она хрипит и бьётся, как какая-то рыба: «Если вы не умеете вешать, так… не беритесь…

проклятые… только… мучаете даром…»

Все невольно бледнеют. Холодный пот выступает у меня на лбу. Противно, и жалко, и стыдно. Даже Абашидзе, далеко не мягкий, растерялся и приказывает дострелить. Маклаков и Люфт, почти не целясь, поднимают свои винтовки. Два почти одновременных выстрела… Лёгкий синий дымок, брызги мозга и крови… Тело падает на траву; дёргается развороченная голова, кровь с бульканьем и хлюпаньем идёт из горла, потом всё затихает. Пахнет тошнотным запахом крови. Тащат <казнённого> к яме. Тело ещё дёргается, и когда кто-то спихивает его вниз, оно, словно тяжёлый мешок, согнувшись пополам, падает на землю, долгий хрип ещё раз раздаётся из его горла. Но уже никто не обращает внимания, и земля крупными комьями скоро покрывает дёргающееся тело…

Второй разбойник, Стельман, не выдерживает и нервным, прерывающимся голосом протестует:

– Что же это такое? – живого человека в землю закапываете!

– Он уже не живой, – успокаивает его кто-то из драгун.

– Ну, выходи, следующий!

Оба переглядываются, но никто не выходит. Видно, их мужество дрогнуло. Да это и не удивительно! Потом, чуть слышно: «Ну, выходи ты, ведь ты первый резал…» И Стельман выходит. Ему предлагают расстрел вместо повешения. Он отказывается. Происходит какой-то странный кошмарный торг…

– Уверяю вас, что расстрел лучше: раз – и готово.

– А мы настаиваем, чтобы нас повесили.

– Вы же сами видели: драгуны не умеют вешать; только мучение будет.

– Вам приказано вешать, так и вешайте!

…Наконец Стельман устало машет рукой – делайте, мол, как хотите. Не всё ли ему, в сущности, равно?

Темнота уже спустилась и чёрным саваном покрыла полянку. Закончилась сцена из драмы человечества. Театр ужасов, и крови, и смерти. Характерно, что после того, как казнь была совершена, все, как один человек, вынули папиросницы и закурили. Хоть слабый, а всё-таки дурман. Потребность искусственного возбуждения.

Впрочем, уже через полчаса все забыли про казнь, и я сам ужинал с немалым аппетитом.

Керчь. Крепость

Май 1919 г.

Бывают кладбища удивительно живописные: старинные могилы чередуются там с великолепными гробницами,

художественными памятниками и мавзолеями. Бывают и поэтические кладбища. Там грустные плакучие ивы склоняются к мрамору плит и, словно мистические чёрные зловещие свечи, вырезываются на светлом фоне неба пахучие могильные кипарисы.

Бывают мрачные, страшные склепы, где тяжело давит низкий свод, словно крышка гроба, где тяжело оставаться одному с мертвецами. Но не променяю наше крепостное кладбище ни на Генуэзское Campo Santo, где лучшие гении человечества создавали себе бессмертную славу, ни на простое грустное деревенское кладбище, ни на роскошный склеп. В нём лишь скромные земляные холмики с простыми деревянными крестами. На его скудной глиняной почве, овеваемой со всех сторон суровым морским ветром, не уживаются даже самые неприхотливые кусты. Но сколько в нём простоты и величия!

Словно гигантская каменная шпора, впивается в море узкий крутой мыс. Со всех сторон море, со всех сторон воздух. Его склоны почти отвесны. С одной стороны где-то внизу толпятся домики, копошатся люди, вьётся пыль, дым, словно в муравейнике; дальше море, чудесная голубая бухта, мыс Еникале. С другой – море, необъятное, бесконечное, а над ним небо с беспокойными, рваными, гонимыми ветром облаками.

Керчь. Крепость
Май 1919 г.

Я снова в Карантине. Осада ещё продолжается. Взрыв за взрывом, воронка за воронкой… Уже две трети входов завалены. В воронки на всякий случай загоняются проволочные ежи, и потом всё это ещё засыпается.

Население Карантина мобилизовано и работает. Они прекрасно сознают своё ничтожество и пред сарказмами Львова только опускают голову. Чтобы им показать, как надо работать, мы решаем сделать подземную разведку. Гвардейцы заметили наши приготовления и смотрят недоверчиво. Не верят, что мы рискнём войти в эти дырки, даже проходить около которых они боятся. Но вот всё готово, и мы входим.

Здесь как-то мрачнее, чем в Багерово. Галереи уже и потолок ниже. Меньше длинных прямых галерей, а всё какие-то бесконечные повороты и тупики. Настоящий лабиринт… Находим бочки с селёдками, потом натыкаемся на лошадей. Бедные животные зверски привязаны на слишком короткий недоуздок и дрожат от ужаса, голода и, главное, невыносимой жажды. Мы спешим их вывести и снова углубляемся под землю.

Натыкаемся на «товарищеский» цейхгауз. Чего тут только

нет! И зерно, и крупа, и мука – всего около 50 мешков. На стене на крючьях висит мясо. По стене идёт телефонная проволока. Здесь где-то, по показаниям Воронкова, должен находиться автомобиль. Мы долго его ищем и наконец находим в конце обрушенной галереи.

В общем, день удачный, тем более что мы извлекли ещё знамя красного отряда. Оно, конечно, ярко-красное, и на нём белыми буквами написано: «Грозный балшевицкий Ден. отряд».

«Ден.» обозначает, что это отряд Денисенки. Денисенко раньше был подпрапорщиком в пехоте и имел полный бант. Это человек редкой находчивости и непоколебимой твёрдости и мужества. У него есть помощник: некто Татаринов, начальник команды разведчиков, бывший дотоле лакеем, метрдотелем и даже актёром-любителем. Это тоже очень храбрый человек.

Если прибавить к этому, что каменоломщики – идеальные стрелки, то становится понятным, что борьба с ними – нешуточное дело, и нелегка будет победа.

Керчь. Крепость

Май 1919 г.

В Карантине всё кончено. Гвардейцы наглухо засыпали все ходы. Часть разбойников пробралась в Аджимушкай, часть – в Оливинскую скалу, часть погибла.

Эскадрон перешёл в Аджимушкай к Брянскому Заводу. Я остаюсь в Крепости, так как в Карантине вывихнул себе ногу.

В Аджимушкае идёт бой. Из крепости выстрелов не слышно, но зато видно всё как на ладони. В рейде стоят английские миноносцы №№ 77 и 58 и бьют по деревне Аджимушкай. Туда же бьёт наш бронепоезд с Завода. Снаряды разбивают дома, крошат каменные заборы и подымают облака пыли. Выстрелы гулко раздаются в бухте.

Аджимушкай серьёзнее Багерова и Старого Карантина. В Багерове было около 60 разбойников и у нас 2 эскадрона; в Карантине было около 150 разбойников, а у нас – наш полк и гвардейцы. Здесь у врага около 600-800 человек, а у нас кроме нашего Сводно-Кавказского полка и гвардейцев есть ещё 2-й Офицерский конный генерала Дроздова [34] полк, затем Крымский конный полк, казачьи сотни – Таманская и Слащевского конвоя [35], кроме того, так называемая Керченская рота.

С первого же наступления мы загнали противника под землю. Но самое расположение отверстий – беспорядочное и на огромной площади – и то, что отверстия частью выходят в самую деревню между домами, делает осаду крайне трудной и опасной.

Керчь. Крепость
Май 1919 г.

Ранены Николай Старосельский, корнет Массальский и штабс-ротмистр Лухава. Старосельский ранен очень тяжело – в обе ноги гранатой и пулей. Левая нога просто прострелена, правая сильно разворочена. Львов рассказывал, что когда Старосельского перевязывали, то из открытой раны так и сыпались куски жёлтого жира! Такой он был упитанный юноша.

Массальский, вероятно, умрёт: пуля пробила грудь и, по-видимому, задела позвоночник, так как вся нижняя половина тела от пояса и ниже уже отнялась. Лухава ранен легко – пуля задела плечо.

Убит капитан Юрий Червинов, храбрый начальник нашей подрывной команды. Его привезли хоронить в крепость. Убит он был следующим образом: стояли двое – он и Ю. Абашидзе – у входа в галерею. Червинов прицелился, так как ему показалось, что в глубине что-то мелькнуло. В этот момент грянул выстрел. Бедняга только вздохнул и упал замертво. Пуля попала прямо в правый глаз и вышла из затылка.

Если так будет продолжаться, то каменоломни дорого нам обойдутся.

Керчь. Крепость
Май 1919 г.

Мы сидим прямо над обрывом. Перед нами бухта, невидимая в темноте безлунной ночи. Только около берегов бесчисленные огни трепетно дрожат и отражаются золотистой рябью в воде. Город весь сияет огнями и окутан светлой дымкой. Там всё спокойно: так же медленно и беспрерывно переливается толпа, и рестораны полны народом.

Здесь у нас тоже спокойно и тихо под звёздным небом. А там – в Аджимушкае – в это время идёт бой. Ночной бой. Льётся кровь, ружейная трескотня похожа то на треск разрываемой материи, то на клокотание кипящей воды. Пулемёты дают очередь за очередью, ленты всё идут и идут, и, наверное, уже давно кипит вода в круглых стальных кожухах. Беспрерывно бьют орудия с поезда и с двух английских контрминоносцев.

Сверля воздух алмазным мечом, беспокойно передвигаются лучи прожекторов, то скользя по деревне Аджимушкай, то внезапно впиваясь в какое-нибудь особенно интересное место. Невидимые в темноте дома внезапно ослепительно вспыхивают, когда добирается до них любопытный луч. И тогда, вероятно, всё ложится в том месте, объятое паникой… Потому что луч редко бывает один: за ним следует громовой выстрел, и, переходя с

высокого тона на альт, летит снаряд и врезывается в землю оглушительным снопом осколков, визжащих, шипящих и воющих, как рассерженные звери.

Изредка где-то, вероятно, около завода медленным, плавным подъёмом взметается ракета, то синяя, то кроваво-красная, вспыхивает, как какая-то сказочная звезда, и сейчас же вслед за ней раздаётся выстрел с английского миноносца, более резкий, чем орудийный. Что-то летит, словно курьерский поезд, с шумом, шипением и треском. Потом лопается, и вдруг, словно какое-то ночное солнце, появляется ракета: огромная, ослепительно-яркая, освещающая самые затаённые закоулки Аджимушкая. Она медленно, словно нехотя, опускается вниз и гаснет где-то у самой земли. Подымается невообразимая трескотня; молчаливые в темноте, пулемёты сразу начинают трещать на все лады. Бьют гранатами, бьют с кораблей. Как только гаснет ракета, те, что лежали, вскакивают, делают перебежки, бросаются вперёд, атакуют, кричат; только слышны отдельные выстрелы в упор.

Так как расстояние до Аджимушкая большое и свет передаётся быстрее звука, то получается обманчивое впечатление, будто когда вспыхивает ракета – всё молчит, потом, когда она гаснет – подымается стрельба. Мы тихо сидим и внимательно смотрим. Странно чувствовать себя в полной безопасности, когда там идёт такой смертоносный огонь. Впереди у меня хороший ужин, потом мягкая пружинная кровать, а там будут драться, может быть, до утра; глаз не сомкнут уже наверняка и будут промокшие лежать, дрожа от холода и сырости в мокрой траве и липкой глине. Немного стыдно. Мы все сидим и смотрим. Стараюсь вообразить себе, что там делается и что переживают в эти минуты наши солдаты и офицеры.

Постепенно всё стихает. Кто победил? Пока неизвестно. Но отдельные выстрелы и очереди из пулемётов не умолкнут до самого утра. Будут лежать <противники>, притаившись, как звери, и наблюдать, а с первыми лучами солнца бой возобновится.

Всей душой рвусь туда, в этот разрушенный Аджимушкай, но нельзя ехать – нога болит.

Керчь. Крепость
Май 1919 г.

Приехал Борис Абашидзе. По его рассказу, дело было так. После прибытия из крепости эскадроны расположились перед Аджимушкаем. Ночью раздалась стрельба. 4-й эскадрон отступил под напором противника. 3-й и переяславцы пошли на подмогу, потом были отбиты, но затем снова перешли в наступление. Там

все эскадроны несколько раз передвигались то вперёд, то назад. К утру мы были окончательно отброшены к полотну железной дороги.

У бедного Бориса Абашидзе ужасно жалкий вид: он измучен утомительными боями и сторожёвками, нервы у него истрёпаны, он всё видит в мрачном освещении, не надеется на будущее, клянёт начальство и убеждён, что скоро будет убит. Жаль его.

Керчь. Крепость
Май 1919 г.

Я уже почти поправился, но Львов, несмотря на мои неоднократные просьбы, ни меня, ни Маклакова из крепости не выпускает. Изредка хожу к полковнику Потёмкину, начальнику штаба генерала Ходаковского (начальника гарнизона). Он очень милый человек и живёт в крепости в хорошем, большом доме на самом берегу моря. На большой террасе, сидя за хорошо сервированным столом, чувствуешь себя, глядя сквозь белую балюстраду на синее море, где-нибудь на Лидо или на Ривьере.

В Аджимушкае военные действия затягиваются, и уже целую неделю идёт лишь вялая стрельба. В «сферах» твёрдо решили покончить с этим злом, и сегодня ночью будет общее наступление и ночная атака.

Керчь. Крепость
19 мая 1919 г. [36]

По телефону сообщают из Аджимушкая, что деревня и каменоломни окружены и заняты. Ранены Б. Абашидзе, гр. Мусин-Пушкин, поручик Синькевич (переяславец) и много драгун. Дольше сидеть в крепости я не могу. Сажусь на линейку, забираю мешок с бельём, винтовку, полушубок и еду в город. Со мной Люфт.

Настроение мрачное. Абашидзе ранен очень тяжело: пуля пробила шею, ноги отнялись; Пушкину пуля зверски раздробила правую руку, она осталась висеть на куске мяса – кости, словно щепки, торчали во все стороны. Руку отняли у локтя. Синькевичу разбили вдребезги левую руку, и ему сделали ампутацию у самого плеча.

Как всё это печально! Лазарет в здании мужской гимназии полон ранеными. В палате полумрак. Страшно-бледный, с лихорадочными глазами лежит Пушкин. Вместо правой руки – культяпка, толсто обмотанная бинтами. На нём нет рубашки, и тело какого-то землистого цвета, словно у трупа. Абашидзе лежит на спине. Голова так забинтована, что видно только глаза, нос и открытый рот. Ему тяжело. Он не может двигать руками и чуть

слышным шёпотом выговаривает только одно слово: «Мухи». Я сажусь и отгоняю их, когда они садятся ему на лицо…

Синькевич тоже мучается. И ему, и Пушкину кажется, что руки их ещё не отрезаны и чувствуется боль в несуществующих уже пальцах. Какое-то чувство жалости ко всем этим калекам, к другим, ещё не убитым, к самому себе, который тоже, быть может, будет подбит через час, охватывает меня. Нервы не выдерживают, и я начинаю судорожно рыдать. Плачут и Люфт, и Воронков. У Маклакова слёзы так и катятся по щекам. Стыдно проходящих по коридору: я отворачиваюсь к стене и опираюсь на винтовку. Кто-то ласково берёт мою руку. Это сестра Стессель. Надо взять себя в руки… Довольно.

Слёзы высыхают, только горят ещё глаза, и слепая злоба вдруг охватывает меня с такой силой, что кулаки судорожно сжимаются… Ах так! Ну, ладно, ещё посмотрим, кто кого победит… Посмотрим ещё, сумеем ли мы отомстить… Увидим, кто будет болтаться на фонарях!!!

«Вали скорей!» Мчится линейка, прыгает на ухабах. Аджимушкай уже близко. Идёт перестрелка. Изредка громыхнёт ручная граната и хлопнет мина. Около Царского кургана есть другой, поменьше: его прозвали Комиссарским. Почти на самом его гребне стоят два пулемёта, и около них возится Ермолов. Его уже чуть не задело.

Стрелки против нас отличные, а расстояние пустячное: каких-нибудь 50-100 шагов! Пули то и дело отскакивают от пулемётных щитов и чиркают по камням. Противника не видно: он засел среди разрушенных домов, холмиков, каменных заборов и камней. Как только появится на мгновение чёрная фигурка, надо бить… бить скорее: если сам не убьёшь, то почти наверняка получишь пулю в лоб.

Эскадрон залёг за хребтиком немного сбоку. Надо до него добраться, а это не так просто. Для этого надо пробежать шагов сто по совершенно открытому месту, которое всё время обстреливается в упор. Но делать нечего. Собираюсь с духом, совершенно с таким же чувством, как ныряешь вглубь или прыгаешь с высоты, и пускаюсь полным ходом, низко пригнувшись к земле. Рядом бежит Люфт. Пули так и свистят. Ложимся, а то они пристрелялись. Маленький холмик едва защищает нас от пуль. Рядом кто-то лежит и стонет. Оказывается, мы не одни: рядом Гоппер, раненый солдат Герман – тот самый Герман, что вёл подозрительные разговоры, и фельдшер. Герман ранен в живот, пока носил патроны для эскадрона. Фельдшер его перевязал, но вынести его до вечера нет возможности, а теперь только утро! Весь день промучится на жаре!

Осталось пробежать шагов 25-30, но противник сбоку тоже шагах в 40-50!! Не одна винтовка нацелена, наверное, на наш холмик, зная, что мы скоро вынуждены будем бежать вперёд. Страшно и даже невозможно кажется идти дальше… А идти надо! Чтобы оттянуть неприятный момент, предлагаю Гопперу покурить. Курим нарочито медленно и с расстановкой. Но как-то быстро оказывается, что папироска выкурена и что бежать всё-таки надо. Тем более что все на нас смотрят. Гоппер собирается с духом, вскакивает на четвереньки…Пуля в одно мгновение вздымает песок и камешки около самой его головы. Какой-нибудь вершок! Он снова ложится. Выкуриваем ещё по одной папироске… Я предлагаю бежать поодиночке: «Ну!.. раз! два… три!!»

Разом вскакивает Люфт, за ним я, сзади тяжело бежит долговязый Гоппер… Шумит только ветер в ушах да чиркают, поют, свистят пули то справа, то слева, то между ног, то у самого уха. Скорей… Скорей… Вот и эскадрон! С размаха бросаемся прямо мордой в пыль и тяжело дышим. Последняя пуля где-то фальцетом поёт над головой, но теперь уже нестрашно. Пусть себе поёт на здоровье. Мы вас уже больше не боимся!

Весь день лежим мы в грязи. Два раза шёл дождь. Два раза снова появлялось солнце и сушило нас. После второго дождя мы, вероятно, не вполне просохли. Мой полушубок линяет чем-то жёлтым, вероятно, мелинитовой пылью.

Весь день шла стрельба и бросание гранат. Уже второй убитый лежит среди нас, широко раскинув руки и смотря стеклянными глазами в вечернее небо. Из дырки в голове на траву вывалились мозги, но он дышит ещё, хотя и бессознательно. Уже не одна сотня пустых гильз валяется у наших ног. Руки пахнут порохом, и хочется спать.

Кто-то бежит с Комиссарского кургана. Кругом него летают пули. Передаёт беленький конвертик, тот самый, из-за которого он сейчас чуть не был убит. Приказание гласит, чтобы немедленно рыли окопы в том месте, где сейчас находимся.

Рыть так рыть. Окопы придётся сильно загибать, так как позиции иногда обстреливаются фланговым огнём. Начинаем копать. Земля твёрдая и каменистая и плохо поддаётся. Рыть приходится лёжа. Я тоже рою, потом спускаюсь немного ниже. Мне эти окопы не нравятся. Сбоку откуда-то положительно бьют по нам! Или это кажется только? Нет, уже отчётливо свистнула пуля, где-то под ногами. Ясно, что хотят попасть именно в меня и Люфта. «Знаете, уйдёмте куда-нибудь, к чёрту, отсюда, а то это рытьё окопов кончится бедой!»

Но Люфт не хочет уходить. Опять пуля резко пропела на

уровне головы. Вдруг какой-то резкий удар подбросил правую руку вверх. Будто палкой по руке… Такое чувство бывает, когда ударишься локтем об край стола, и электрический ток неприятно проходит по телу. Потом острая, ноющая боль сразу сжимает руку у локтя, словно что-то дёргается и дрожит в кости…

Я понимаю, что меня ранили, и быстро схожу вниз. Горячая кровь стекает по рукаву. Боль прямо невыносимая, холодеет всё внутри, и на всём теле выступает холодный пот. Хочется броситься на землю и кричать. Бритвой разрезают рубашку и делают перевязку индивидуальным пакетом.

Надо бежать к кургану, так как уже темно, и надо ехать в город в лазарет. Но бежать не могу, надо сначала придти немного в себя, а то как-то весь ослаб. Ложусь на спину и лежу минут пять, посматривая на вечернюю зарю. Потом разом вскакиваю и во всю прыть бегу назад. По дороге машу шапкой, чтобы успокоить своих, что сидят на кургане.

Ермолов бьёт из обоих пулемётов, чтобы ослабить огонь противника. На кургане мне делают ещё одну, более тщательную, перевязку. Затем сажусь на линейку и еду в город.

После стрельбы здесь как-то странно тихо. Купы деревьев темнеют сплошной массой, и на их фоне белеет церковь. Откуда-то несётся запах белой сирени. Сквозь листву горят окна пригородных дач и слышится пение. Поёт женский голос. Как здесь спокойно и хорошо! И при мысли, что мне не придётся больше ночевать в мокром тулупе под открытым небом, что меня ждёт тёплая белая лазаретная палата, что я отдохну и скоро пройдёт самая боль, и что я, наконец, ранен, меня охватывает безумная радость. Хорошо быть легко раненным! Будешь потом гулять этакой «жертвой» войны.

В лазарете 5-й тех. дивизии меня долго заставляют ждать. В перевязочной уже кончается работа; я последний раненый за сегодняшний день. В ящике полно уже от окровавленных бинтов и марли. Доктор устал: день был жаркий.

Руку разбинтовывают. С болью отдирают повязку. Бог ты мой! Ну и рука!.. Вся оранжевая и испещрённая, словно мрамор, тёмно-лиловыми пятнами и полосами. Это кровоподтёки и подкожное кровоизлияние. С обеих сторон по маленькой аккуратненькой дырочке, из которых пульсируя выползает кровь. Доктор пробует вертеть рукой, но боль тогда делается нестерпимой. Очевидно, затронута кость.

В палате я спать не могу. Сестра обещает морфий, но почему-то его не даёт. Я всё ворочаюсь, но боль такая, что спать немыслимо. Кругом стоны: то кто-нибудь просит воды, то кто-то бредит. Мешает лампа наверху, и какое-то пятно на стене словно

пухнет и растёт. Скоро оно займёт всю стену. Эге! Да это попросту бред… Значит, жар есть всё-таки.

Ночью заходит сестра:

– Вы, я вижу, всё ещё морфия дожидаетесь; ну, Бог с вами.

Смеётся и идёт за шприцем. От морфия как-то тупею, но спать всё-таки не могу.

Тамань

20 мая 1919 г.

Пароход плавно отчаливает от берега. Палуба мирно вздрагивает, как будто внутри, под нею, бьётся огромное послушное сердце. От всего случившегося, от боли, от бессонной ночи в голове какая-то пустота и всё тело ноет. Но теперь, днём, болит меньше.

Пароход называется «Киев». На его стройной мачте широко развевается флаг Красного Креста. В главной каюте устроена перевязочная. Там кого-то потрошат. Пароход страшно переполнен. На палубе не протолкнёшься, но зато можно дышать, а внизу, где лежат тяжелораненые, хуже. Там лежат Пушкин и Синькевич. Пушкин держится настоящим героем. Ни слова жалобы, ни стона.

Уже близок Таманский берег. Он обрывистый, наверху станица, где когда-то был Лермонтов. У пристани дожидаются двуколки. Мы попадаем в лучший госпиталь – Алексеевский. Другие значительно хуже. Когда я вхожу в госпиталь, уже ночь. Толпа больных с любопытством разглядывает новоприбывших. Меня с Пушкиным сажают на стулья, появляется сестра, тёплая вода, щётки, мыло, полотенце. Нас в одну минуту раздевают, моют, дают чистое бельё и халаты, ведут в палату, укладывают в чистую постель и в довершение блаженства дают чаю… Вот это лазарет!

Рядом со мной лежит Николай Старосельский и Пушкин. Дальше – полковники-переяславцы Лельевр и Бастамов. Бедному Старосельскому очень плохо. Дело в том, что, когда он был на «Киеве», ему сделали неудачную операцию и зашили рану. Здесь сняли швы и увидели, что начинается сильное нагноение и гангрена. Пришлось сделать ещё одну жестокую операцию. В общем, за эти операции ему вырезали несколько фунтов мяса!! Он не может шевельнуться, страдает и, по-видимому, боится умереть.

В комнате (это здание школы) горит перед образом лампадка. Похоже на часовню. Когда я об этом сказал Старосельскому, он страшно обозлился. Бедный мальчик сделался мнительным и суеверным.

Тамань

21 мая 1919 г.

Эту ночь я опять не спал. Сегодня мне сделали перевязку. Немного неприятно, что перевязки делают одновременно чуть ли не восьми человекам; сидишь на стуле и видишь, как роются в ранах, делают перевязки, и люди стонут, корчатся и мучаются.

После перевязки я блаженно растянулся и закурил. Пришла старшая сестра Щетинина – жена Щетинина, Екатеринославского губернатора – та, что вчера меня мыла. Какая милая женщина и какая работница! Вот энергия! Прямо диву даёшься…

Вообще здесь все вполне приличные сёстры и очень симпатичные: Одинцова, Ольхина, Фрейберг, Яновская и другие. Яновская прямо душка. Бывают женщины, которые самой природой предназначены быть сёстрами милосердия. Ухаживать, утешать и успокаивать… Когда она входит только в комнату и смотрит на вас своими добрыми голубыми такими женскими глазами, уже кажется, что боль как-то утихает. Всё в ней мило: и мягкая неслышная походка, и руки, которые не делают больно, и голос, в котором такие нотки, которые сразу утешают и умиротворяют.

Но довольно об сестре Яновской, а то ещё можно подумать, что я в неё влюблён. А этого нет. К тому же она красотой не отличается.

Тамань

22 мая 1919 г.

Мне гораздо лучше. Боль почти прошла и только ноет где-то в костях. Впервые за эти дни я выспался, но так, что все даже удивились: спал часов 18 подряд. С трудом оделся и вышел в сад.

Какая прелесть! Белые акации густо покрыты цветами, словно опушены снегом. Гудят пчёлы, и свежий, сладкий запах проникает даже в наши палаты. Старосельского и Пушкина вынесли в сад. Их носилки лежат рядом в густой зелёной траве. Солнце сквозь густую листву акаций играет яркими бликами по белизне простынь. Сверху падают лепестки акаций, словно душистый, как мёд, снег.

Меня охватывает какая-то детская радость – радость жизни, радость молодости. Как всё хорошо складывается в жизни! Даже индюк, который напыщенно делает круги около нас, и тот нужен для общей гармонии: он – необходимый штрих общей картины.

Невольно взглядываю на Пушкина и Старосельского, и радость моя меркнет. Делается стыдно за свой эгоизм. И не такими весёлыми кажутся уже золотые зайчики, которые бегают по бледному лицу Пушкина. Он лежит, и глаза его неподвижно

устремлены куда-то вдаль. О чём он может думать? Бедный, бедный Алексей!!!

Тетрадь 2-я. Гражданская война 1919 г

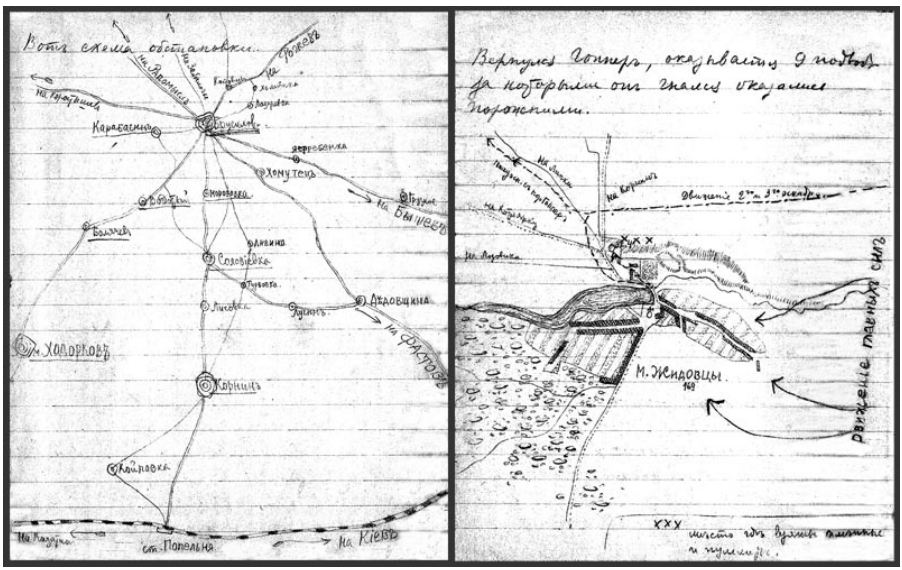

Иллюстрация: Схемы боевых действий из дневника А.А. Столыпина

с. Болячев
17 ноября 1919 г.

Вот и вернулся из Батума, но в каком виде – усталый, покрытый вшами, с хроническим бронхитом. Да оно и неудивительно: ехал 17 суток. До Ростова добрался благополучно; там узнал, что Екатеринослав занят шайкой Махно и поезда не ходят.

Это даже не шайка, а настоящая армия численностью до 15 000 пехоты и кавалерии при пулемётах и артиллерии. С запада прорвались к нему 5000 при 16 орудиях и 100 пулемётах. Будучи прижат к Петлюре частями 5-ой пехотной дивизии генерала Оссовского (2-го Армейского корпуса генерала Промптова), он собрал свои силы в этом тылу и обрушился на участок Севастопольского полка <нрзб> фронта <нрзб.> на востоке,

где и захватил несколько городов – Мариуполь, Бердянск, Александровск и Екатеринослав.

Поэтому мне пришлось ехать через Лозовую, Харьков, Полтаву, Кременчуг, Знаменку, Бобринскую, Христиновку, Казатин. До Казатина доехал на базе бронепоезда «Новороссия». Приятная служба на бронепоездах! Повоевал, вернулся в базу, вымылся, потом выспался в тепле и утром снова вперёд. От Казатина доехал до станции Попельня, что на Фастов-Киев.

Кстати, чтобы иметь возможность доехать последние 18 вёрст, пришлось мне и ехавшим со мной офицерам ломать забор, пилить вытащенные брёвна пополам, волочить их до паровоза, грузить их на тендер и чуть ли не помогать машинисту растапливать паровоз. Да, настали последние времена, как говорится.

В Попельне встретил нашу летучую почту, взял подводу и поехал через Койповку, Корпин на деревню Соловеевку. В Соловеевке встретил корнета Люфта с разъездом и наш полковой обоз с поручиком Счастливцевым. И как со мной всегда бывает, с места попал в разъезд.

Дело в том, что мимо нас промчались (именно промчались) совершенно обезумевшие артиллеристы 4-й Корниловской батареи. Их сильно обстреляли (по их словам) около д. Морозовка. Они начали отходить и, по-видимому, так поспешно, что одно орудие на повороте у моста слетело с насыпи и повалилось в глубокую канаву, где и застряло.

Обсудив создавшуюся ситуацию, я собрал три разъезда, которые случайно были в этой деревне: как сейчас помню, это были разъезды корнета Лемаршана 2-го эскадрона, поручика Юзвинского, тоже 2-го эскадрона, и корнета Люфта 3-го (нашего) эскадрона. Будучи старшим в этой компании, я стал во главе этого соединённого разъезда, приказал артиллеристам подать передок орудия, посадил ездовых и повёл всю компанию на деревню Морозовку.

Было уже темно, но всё же можно было ориентироваться, так как кругом смутно белел снег, талый, пористый, покрытый лужами. Туман скрадывал всё, что было в стороне от дороги. Еле выступали мокрые ветви деревьев, заборы и чахлые кустики боярышника.

Выслав дозоры, я двинулся вперёд. К счастью, противник не успел ещё занять Морозовку, а то бой был бы неравным, так как у меня было всего 10 человек, измученных разъездом. Орудие нашли <там>, где оно и было брошено, <лежавшее> на одном боку, затопленное грязью и жёлто-красной глиной. Со своим беспомощно поднятым комлом оно имело довольно жалкий вид.

Поработать пришлось часа два, пока наконец не вытащили орудия из канавы и не выехали из деревни. Только тогда, когда в жёлтом тумане растаяли силуэты домов деревни, я вздохнул свободно, ведь неприятель как-никак был всё время в каких-нибудь двух вёрстах от нас.

На следующий день я догнал полк в д. Карабачин. Наш эскадрон был на разведке. Я зашёл к священнику. Он не знал от радости, чем нас угостить. Его дом весь разорён, двери выломаны, мебель изрублена, шкафы разбиты. Другой священник его села сошёл с ума. Здесь была чрезвычайка, вся жидовская, как и полагается, и творила всякую скверну.

Зашёл в штаб полка. Оказывается, мы находимся в тылу той группы большевиков, что действует на фронте Фастов – Киев. Станция Фастов занята Волчанским партизанским отрядом и Терской бригадой. На Бердичев ведётся наступление при участии двух наших новых, недавно выпущенных Одесскими заводами бронепоездов «Новороссия» и «Ураган», третий бронепоезд «Доброволец» работает у Фастова. Итак, вся линия Казатин-Киев в наших руках. С нами работают части 2-го корпуса генерала Промптова, именно: 5-ая армейская пехотная дивизия генерала Оссовского. В неё входят, кроме нас, 75-й Севастопольский полк и 78-й Навагинский. Они оба очень маленького состава. Например, рядом с нами в селении Водотый ночует пять рот 75-го полка в составе… 150 штыков (!!!).

Вчера вернулся наш эскадрон. Неприятное чувство испытал я, когда попал в совершенно новую компанию офицеров. Командует эскадроном какой-то полковник Рутковский – хам, грубиян. Словом, господин с весьма тёмным прошлым и неприятнейшим характером. Со мной он, впрочем, как со старым нижегородцем весьма любезен и предупредителен даже в мелочах. Младшими офицерами являются поручик Эртман и подпоручик Вишневский. Оба они и Рутковский – пехотинцы, но, кажется, оба храбрые офицеры. Из старых только Люфт. Маклаков [37] ещё не оправился от раны. Гоппер болен, Львов в Ростове, Старосельский ещё не выздоровел после своего ранения. Да и моя рана даёт себя чувствовать. Нога ниже раны бесчувственная и мёрзнет на холоду. Видно, на всю жизнь остался калекой.

Днём началась артиллерийская и ружейная стрельба. Сначала выслали 4-й эскадрон, затем наши 3-й и 4-й взводы с Люфтом. К двум часам выступил весь полк, спешились у деревни и стали ждать. В направлении на Брусилов слышались залпы и частая ружейная стрельба. Скоро затрещало несколько пулемётов, и началась орудийная стрельба. Впереди среди густого тумана видны были на снегу чёрные силуэты пулемётных тачанок. Через

полчаса появились сани и в них штабс-ротмистр Лухава 4-го эскадрона в довольно жалком виде. Бледный, он лежал на санях, и кровь текла у него изо рта красной струйкой. Пуля пробила ему левое лёгкое выше сердца и вышла у лопатки. Оказывается, неприятель в составе 300 человек пехоты с орудиями, пулемётами и кавалерией воспользовался туманом и атаковал Брусилов. Навагинцы [38] отошли на д. Водотый, а мы на д. Болячев.

Сегодня мы пока что ждём. Люфт и юнкер Ваксель (взводный 2-го взвода) пошли с разъездами. Вчера мы целый день не ели пищи, только утром пили чай. Попали на ночлег к 10 часам вечера с замёрзшими ногами, мокрые, усталые и голодные как волки.

Посмотрим, что будет дальше.

с. Дивино
18 ноября 1919 г.

Выступили в 8 часов утра и двинулись на с. Водотый. Задача была весьма боевая для нас. 75-й и 78-й пехотные полки должны были атаковать Брусилов с юга и юго-востока. Мы же – с западной или даже с северо-западной окраины, т.е. с фланга или тыла.

Перед боем у меня всегда немного приподнятое настроение. У других, очевидно, то же самое, но все стараются сделать вид, что им совершенно безразлично. Да и я тоже. Немного жутко, но и приятно.

В Водотые английские орудия 4-й батареи, запряжённые тяжёлыми лошадьми. Есть одно орудие с английскими мулами. Огромные, тёмной масти мулы спокойно стоят, и их тёмные силуэты спокойно отражаются в лужах на дороге. Узнаю и спасённое в Морозовке орудие. Офицеры как будто меня не узнают. Впрочем, дело тогда было ночью.

Впереди идёт разъезд юнкера Вакселя, взводного 2-го взвода, за ним головная застава с Люфтом. Сзади наш эскадрон. За нами 4-й, 1-й и 7-й. 6-й эскадрон при пехоте. Нами командует Голицын.

Село Карабачин, где мы недавно были, оказывается не занятым неприятелем, и мы проходим по знакомым улицам до выхода на Брусилов. Там собираемся и выставляем охранение.

Вот схема обстановки <см. рисунок>.

Мы, в сущности, ждали, чтобы наша пехота начала боевые действия, для того чтобы самим начать обход Брусилова от Карабачина на север. Но человек предполагает, а Бог располагает. Внезапно в тылу у нас началась стрельба. Все вскочили и заволновались. Больше всех, разумеется, Голицын.

4-й эскадрон рысью пошёл назад от церкви через плотину. Наш эскадрон сел на коней и за Голицыным и Рутковским рысью

пошёл тоже к плотине на главную улицу. Когда мы подъезжали к плотине, затрещало сразу несколько пулемётов. Встретили всадника 1-го эскадрона. Оказывается, неприятельская пехота заняла уже чуть не полдеревни. Положение не из приятных. Масса конницы, стеснённая в улицах, крик, затерянные среди моря людей и лошадей пулемётные сани. Голицын совершенно растерялся, и если бы не Рутковский, дело могло бы кончиться хуже. Признаюсь, несмотря на всю его несимпатичность, он мне даже понравился. Подъехав к растерявшемуся Голицыну, он крикнул ему: «Теперь, г-н полковник, не время рассуждать, но действовать». И, выхватив шашку, повёл эскадрон за собой. Наши четыре пулемёта на санях выехали вперёд. Мы въехали на главную улицу. Промелькнули отдельные люди 4-го эскадрона, стреляющие через забор куда-то на запад. Промелькнуло несколько всадников, скачущих карьером по мокрой улице. Вылетев на окраину деревни, я приостановил коня, подождал несколько секунд, пока выехал эскадрон, тоже выхватил шашку и вместе с нашей лавой кинулся к пехоте на выстрелы.

Вместе со свистом ветра в ушах прожужжало несколько пуль. Какие-то фигурки промелькнули у крайних домов. Выскочила стриженая рыжая лошадка под офицерским седлом без всадника. Я оглянулся и невольно улыбнулся: от края и до края весь угол деревни охвачен огромной лавой – это наш эскадрон. Тёмная масса коней ещё толпится и выскакивает из улицы непрерывной струёй. Картина внушительная.

Постепенно тёмные пятна всадников, отчётливо, как будто вырезанные из тёмного картона, выделяясь на снегу, приходят в движение. Раздаётся сначала робкое, потом более громкое «ура». Сверкает одна, потом другая шашка. Затем вдруг все выхватывают оружие. Выходит красиво – совсем картинка для иллюстрированного журнала. Всё несётся, как вихрь; куда – в сущности, неизвестно, так же как и не выяснено количество красных.

Подо мной кабардинец Маклакова; он с места пошёл в карьер, и остановить его я не мог бы, даже если бы и хотел. Я тщетно стараюсь повернуть его направо – туда, где мелькают тёмные фигурки пехотинцев. Захватываю повод у самой головы, завязываю повод и обматываю его вокруг кисти. Всё это в течение нескольких секунд. Затем ещё раз оглядываюсь, вижу за собой несколько передних всадников. За ними скачет эскадрон, летят комья снега. Болезненно ноет левая рука, сдавленная поводом. Затем наклоняюсь вперёд и от быстроты движения уже почти ничего не вижу. Какие-то палки – должно быть, забор, угол хаты, кусты, задевающие за стремя, – и я во дворе. У стены несколько

красноармейцев; один прижался к белой стене, винтовка у него опущена к земле. Несколько всадников рубят других двух, страшная брань висит в воздухе.

Проскакиваю дальше. Впереди полуоткрытые ворота; на полном скаку пролетаю. Сильная боль в колене. Это, очевидно, столб у ворот, за который я зацепился. Теперь скачу уже вдоль улицы. Кто-то на рыжем коне скачет передо мной и обдаёт комьями мёрзлой земли и грязи. Правый глаз уже не видит: он залеплен куском грязи.

Стрельба стихла, и лава уже проскакала за деревню. Я собираю эскадрон и поворачиваю на север. В чём же дело? Вот какие-то фигуры вдали бегут к Брусилову. За ними скачет наш взвод и приводит их обратно. Их всего девять. Немедленно их раздевают, снимают хорошие сапоги и шинели. Эскадрон тихо возвращается обратно, впереди шлёпают красноармейцы.

Постепенно выползают перепуганные жители; среди них есть раненые, кажется, две бабы. Оказывается, вот что случилось. Ничего не подозревающие красные, думая, что Карабачин не занят, послали 38 разведчиков – «батальона связи». Они натолкнулись на наш пост, и из них ушло только 3 конных, пешие попались все: 11 в плен, остальные зарублены. Комиссар их натолкнулся на графа Шамборанта (4-го эскадрона), убил под ним лошадь, выстрелил второй раз в упор, но винтовка дала осечку. Эту-то именно рыжую лошадку я и видел у края деревни. У нас в эскадроне ранен 1. В 4-м эскадроне убито 3 лошади, 1 ранена. К вечеру пехота выбила противника из Брусилова, причём захватила 1 пулемёт и много шинелей. Если бы не Голицын, мы бы захватили и орудия, и весь отряд.

Пришли мы обратно в Карабачин к 8 вечера, стали на старые квартиры и приготовились к ужину. Но опять не подвезло. Выступили на Водотый, Морозовку, Соловеёвку, в с. Дивино. Полусырой гусь попал прямо с блюда в кобуру седла. К 12 часам ночи прибыли. Лошади выдохлись совершенно.

с. Дивино
19 ноября 1919 г.

Слышна стрельба. Ночью противник снова выбил наших из Брусилова. Это важный коммуникационный пункт, и красные боятся быть отрезанными от Ходоркова, где их вторая группа. Наша задача теперь дождаться Лабинского казачьего полка, двинуться на север снова, захватить Брусилов, но на этот раз уже полностью забрать весь их отряд вместе с орудиями. Задача интересная и вполне выполнимая.

Снова почему-то поседлали лошадей и запрягли обозных коней. Дело идёт к вечеру, и мы едва ли выступим.

с. Козичанка
20 ноября 1919 г.

Отвратительное село, грязное, полное тифозных больных и бедное. Выступили утром и по дороге встретили 78-й Навагинский полк, идущий на село Грузское. Местечко Бышев занято уже нашими войсками, но зато противник идёт от Ходоркова в нашем ближайшем тылу. Приехало двое наших драгун, бывших на постах летучей почты. Посты, получив приказание сняться, стали нагонять полк, но ночью были атакованы врасплох в Корнине. Что произошло, в сущности, неизвестно. Двое пока что есть, остальных девяти нет. Попались ли они в плен, убиты ли, бежали ли – неизвестно. Я ещё не теряю надежды, что они вернутся.

Корнет Люфт выслан в разъезд на деревню Великий Карашин, что около Рожева, немного в тылу Брусилова. Поручение опасное, и не знаю, чем оно окончится. Люфт должен вернуться к вечеру. Говорят, поляки заняли Житомир и занят вдобавок Бердичев.

с. Скрагливка
21 ноября 1919 г.

Деревня в середине густого леса. Я вёл головную заставу. Ночью выяснилось, что противник близко – в Сущанке и Мохначке, пришлось выслать ун. оф.<унтер-офицерский> разъезд из 5 человек с унтером Жугой и выставить, хотя была и не наша очередь, заставу у леса от 3-го взвода. Оказалось, что пехота не выставила охранения, где ей было приказано. Попов очень обозлился, и пехоте, соответственно, вставили фитиль. С перепугу они выставили 50 человек при двух пулемётах, что по теперешнему времени есть ни более ни менее как две роты.

с. Романовка
22 ноября 1919 г.

От нашего эскадрона был разъезд с корнетом Вишневским. Вечером выставлял сторожевое охранение у плотины, что на местечко Жидовцы: 4-й взвод при 2-х пулемётах. И у другой плотины, что на Мохначку, 8 человек при одном пулемёте. С юга и востока – охранение от пехоты.

Вечером приехали Кишинский, Гоппер, кн. Долгоруков и какой-то новый офицер туземной дивизии – Майборода (корнет). Кишинский попал к нам в 3-й, Майборода и кн. Долгоруков – в 4-й. Кроме этого приехал младший Маклаков и два новых

вольноопределяющихся – кн. Чавчавадзе и Леонард. Последний – избалованный и болезненный юноша, привыкший к своему автомобилю, сытному житью в Бессарабии, где теперь сравнительно жизнь течёт как и раньше. Вероятно, он не выдержит солдатской жизни и удерёт.

Вчера заболел Рутковский, и я принял эскадрон. Кажется, это навсегда. Чувствую некоторую гордость даже.

с. Лозовики
23 ноября 1919 г.

Славный боевой день. Первый день моего командования ознаменовался лихим делом. Это хороший признак. Поведено было наступление на местечко Жидовцы из Романовки. В лоб наступала пехота, то есть 75-й и 78-й полки и 1-й и 7-й эскадроны. Слева обходил 6-й эскадрон, справа мой и 2-й. Вторым командует ротмистр Денисов, лихой и доблестный офицер. Мы прошли севернее, полями без дорог по вязкому пахотному чернозёму. Была оттепель. Скоро левее нас послышались ружейная стрельба и пулемёты. Пулемёты стреляли не очень сильно, приблизительно, по звуку можно было определить, что стреляло их 3 штуки. Были слышны и несильные залпы.

Мы заняли перекрёстки дорог на Корнин и Липки. Вдали показалось несколько подвод (9), удиравших на Липки. Я послал туда Гоппера, а Денисов также послал туда свой взвод. Вскоре послышался выстрел, и подводы остановились. Но уже некогда было за этим наблюдать. На перевале, который скрывал от нас с. Жидовцы, показались тачанки. Быстро одна за другой они скакали прямо без дорог по сжатому полю. Мы поскакали навстречу. Первым дошёл с 4-м взводом и взвод 2-го эскадрона. Произошло замешательство, и тачанки остановились. В эту минуту кто-то крикнул: «Смотрите, г-н ротмистр, цепь появилась!» Действительно, даже я со своими плохими глазами заметил фигурки, точно муравьи или пчёлки, ползающие по полю там, откуда выскочили тачанки.

Эскадроны пошли рысью, ближайшие взводы – Люфта и Вишневского – выхватили шашки и понеслись в атаку. Хороший конь Люфта вынес его вперёд, и красиво развевался его белый башлык. Мы вкатились в деревню по узкой дороге. Пехота их крикнула: «Ура!» …Но и это «ура» не помогло. Красноармейцы легли в канаву, и их всех забрали в плен.

Интересная подробность: как только первые драгуны доскакали до пехотинцев, они крикнули не «Сдавайся!», не «Руки вверх!», а… «Давай сумки!!» (!!!). Это очень типично для Добрармии.

Втянулись в деревню. Справа колоссальный глинистый обрыв, слева огромный пруд. Дорога сначала огибает пруд, затем круто поворачивает вправо, и надо уже через плотину входить в село. Впереди Вишневский с несколькими всадниками встретил пехотинца с винтовкой. Кто-то выстрелил. Пехотинец взмахнул руками и упал с насыпи на белый лёд пруда. Сверху раздалось несколько выстрелов. Положение становилось критическим. В узком промежутке между прудом и крутым откосом мы были в страшной опасности.

Денисов решил выбраться снова наверх; я последовал его примеру и стал подыматься по крутой скользкой дороге. Не успел я вывести эскадрон, как случилось нечто совершенно неожиданное. С той стороны, где, несомненно, была наша пехота, в упор затрещали два пулемёта. Пули целым роем пронеслись сначала над головой, потом ниже, мимо нас. Одна свистнула над самым ухом. Несколько лошадей перевернулось вместе с всадниками. Упал Кишинский. Я едва успел крикнуть: «За сараи, ходу за сараи!» Через минуты, сбившись в кучу, мы уже стояли за сараями. Я перевёл дух и рассыпал эскадрон лавой. Пошли галопом в поле, потом, не слыша больше выстрелов, <я> перевёл в рысь и наконец остановил лаву. Кишинский сидел уже на пулемётной тачанке, с бледным лицом и покрытый грязью.

– Что с Вами?

– У меня убили лошадь, и, кажется, я сломал себе ребро.

– Жаль, лошадь была хорошая.

Я вызвал охотников, и мы сняли седло. Я тщетно искал, куда угодила пуля. Бедное животное было убито наповал, и раны не было даже видно. Стали подсчитывать трофеи: 4 пулемёта, из них 1 кольт, 2 маузера и французское ружьё-пулемёт; штук 60 винтовок, корзины с разной дребеденью, бельём и пр., 50 именных, агитационная литература и сахар.

Усталые и довольные, мы с Денисовым стали приводить себя в порядок и делить добычу. Корзины взломали, «литература» весело запылала. Среди именных всё больше мальчики лет 18-19-20. На многих нового образца шапки из зелёного сукна с наушниками.

Отдохнув, поехали в деревню, из которой неприятель был уже выбит. Оказывается, это передовые части 47-й дивизии, именно какой-то Гомельский полк. Расстреляли комиссара – жида по фамилии Фидельман – и двух-трёх коммунистов. Весь этот отряд, на 3-й батальон которого мы только что наскочили, имеет задачей поймать наш отряд, который, между прочим, именуется у большевиков Сводно-Одесским. К счастью, у них нет кавалерии, и потому у нас путём разведки больше сведений. Мы всегда знаем,

хотя и приблизительно, где они; у них же имеются только довольно туманные сведения.

Идёт, в общем, партизанская война и игра в кошки-мышки или даже в жмурки. Всего в Жидовцах захвачено до 80 пленных при 4-х пулемётах. Человек 100 успело удрать. Командир полка на доклад Денисова сказал лестную фразу, что, мол, от 3-го и 2-го эскадронов другого нельзя было и ожидать.

Вернулся Гоппер. Оказывается, 9 подвод, за которыми он гнался, оказались порожними.

с. Кошляки
24 ноября 1919 г.

Утром выступили обратно в Жидовцы, где пехота готовилась выступать на местечко Корнин. У нас задача: выбить противника из Корнина, деморализовать его и затем, невзирая на исход боя, отойти к железной дороге.

Вперёд пошла пехота. 75-й полк по большой дороге через Сахарный завод [39], 78-й вправо с 7-м, 6-м и 5-м эскадронами. Влево 4-й и 1-й на селение Кривое. 3-й и 2-й в резерве за 75-м полком. Подходили к Корнину очень медленно. Надо было подойти всем колоннам одновременно и вдобавок осторожно. Вскоре нарвались на пехоту в количестве 60 человек при пулемётах у Завода. Заставу эту севастопольцы [40] сбили без труда. К вечеру 3 батальона, что занимали Корнин, ушли почти без боя в направлении на Королёвку – Гнилец. 4-й и 1-й <эскадроны> нарвались на 60-80 человек у о. Кривое. С опушки их обстреляли из 4-х пулемётов. Они выкатили свои, и противник отошёл по улицам деревни. Граф Шамборант атаковал из улицы по направлению на кладбище, но его лошади завязли в топкой глине и приотстали. Был ранен 1 драгун и корнет кн. Долгоруков. Последний тяжело – в живот и руку. Наши пулемёты отогнали противника, и в общем забрано было 28 пленных. 1-й эскадрон начал обход, но натолкнулся на овраг и в бою участия не принимал. По дороге из Кривого Долгоруков скончался.

с. Кошляки
25 ноября 1919 г.

Днёвка – первая до сих пор. Хоронили бедного Долгорукова. Печальные были это похороны: скверная телега, запряжённая двумя лохматыми и маленькими, как козы, лошадками. На соломе простой деревянный гроб, на нём шашки и волчья папаха Долгорукова. Всю дорогу шёл снег. Хоронили уже почти в темноте. Торопились. Кое-как сделали то, что полагалось, и побежали домой, холодные, засыпанные снегом, простуженные и

злые.

с. Вербов
26 ноября 1919 г.

Наш и 1-й эскадроны пошли отдельно от полка. Мы посланы на присоединение к Симферопольскому офицерскому полку в д. Вербов. Шли целый день через деревни Романовка, Ерчики Жидовецки, местечко Жидовцы, Лозовики, Койловка и Котлярка. По дороге заблудились, плутали по снегу и нашли селение только по лаю собак.

В Вербове симферопольцев [41] нет. Карцев не знает, что делать. Кругом неизвестно кто, не выяснено, где неприятель. Приходится выставлять сторожевое охранение.

с. Вербов
27 ноября 1919 г.

Полковой праздник. Выслали разъезды во все стороны, пока они ещё не вернулись.

В эскадроне идёт пьянство. Достали самогону, скверного и вонючего, и вишнёвой наливки. Господа офицеры тоже «на взводе». Идёт дождь.

с. Кривое
28 ноября 1919 г.

27-е мы провели довольно неожиданно. Из Вербова решили перебраться в с. Котлярка, что и выполнили к вечеру. Разместившись по квартирам, совершенно неожиданно получили приказание присоединиться к полку.

Шли в проливной дождь, сбились с дороги, так как густой туман, словно саван, окутывал землю. Пришли голодные, усталые, промокшие до нитки и ругаясь, как ломовики [42].

Сегодня было пьянство в 4-м эскадроне.

с. Котлярка
29 ноября 1919 г.

Опять дождь и туман. Противника в Ходоркове нет, и он ушёл на север. Вели наступление на Яроповичи, но противник ушёл. Будем здесь ночевать. Пехота и артиллерия останутся в Вербове.

с. Котлярка
30 ноября 1919 г.

Пехота куда-то ушла из Вербова. Выслано 2 разъезда от нашего эскадрона. Один с Люфтом на Ходорков, другой с Гоппером на Корнин. 4-й эскадрон целиком выслан на Вербов –

Зарудницы.

От Шамборанта только что пришло донесение, что его обстреляли у Зарудницы 4 пулемёта и около 150 пеших, что он пытался атаковать, но не мог, только потерял двух лошадей. Затем его обстреляла артиллерия, и на него повели наступление, после чего он отошёл на Вербов. В подмогу выслан 2-й (дежурный) эскадрон.

Посмотрим, что нам даст вечер. Если противник не будет нас тревожить, мы простоим до сформирования отряда, т.е. до того времени, когда прибудут лабинцы [43], Волчанский партизанский отряд и пехота.

Вернулись Люфт и Гоппер. Люфт в поисках за комиссаром и председателем ЧК перепорол весь Ходорков, а Гоппер дошёл до Соболёвки, где нарвался на противника и был обстрелян.

м. Ходорков

1 декабря 1919 г.

По каким-то гадательным причинам выступили в 10 утра и припёрли в Ходорков. Жиды здесь совершенно разгромлены [44].

Наконец прекратилась непогода и настали морозы. По гололёдке приходится идти крайне медленно. Сейчас привели драгуна из 2-го эскадрона с приказанием Попова его расстрелять. Я вызвал вольноопределяющегося Маклакова[45] и моего вестового Наркевича и сдал им его. Не успели они выйти, как грянуло два выстрела, затем ещё один. Оказывается, он оттолкнул Маклакова и пытался бежать. К счастью, его убили.

Ночью поднялась пулемётная стрельба у заставы севастопольцев. Так как наш эскадрон был дежурным, то пришлось выслать унтер-офицерский разъезд. Через четверть часа ввалился драгун 6-го эскадрона, бывший при заставе. Забыл чуть ли не свою фамилию. Потерял лошадь и всё. За ним явился пехотный обозник. Оба в панике. Обозник потерял шинель. Вывели эскадрон. Опять из тёплой хаты в холодную звёздную ночь, под леденящий ветер. Однако севастопольцы справились и огнём прогнали противника.

Ночь, однако, была испорчена. Заснул часов в 12 ;, проснулся в 5 утра и пошёл в штаб.

с. Гнилец

2 декабря 1919 г.

Моему эскадрону дана отдельная задача. В то время как полк должен вести наступление на Соболёвку – Гнилец и выбить противника, 3-й эскадрон должен занять западную окраину Ходоркова и в случае наступления противника держаться до часу

дня. А если это невозможно, то отходить, задерживаясь на естественных позициях по дороге на Соболёвку. В двух словах, наша задача охранять отход полка и его тыл.

В 7 утра полк пошёл на северо-восток, а я на запад. Утро было чудесное. Мороз и ясное голубое небо. Под ясными лучами зимнего солнышка местечко имело унылый вид. Все жидовские дома разгромлены до основания. Выбиты стёкла. Выломаны двери. Жиды попрятались. У огромного пруда горит один еврейский дом. На утреннем морозце густой беловатый дым поднимается почти вертикально.

Мне припомнилось место из «Тараса Бульбы», где сказано: «Он разорил уже 18 местечек и пошёл на главный город Краков» или что-то в этом роде [46]. Действительно, мы снова переживаем какое-то средневековье.

Вишневский занял дорогу на Вербов с 2-м взводом и пулемётом Максима. Я с остальными взводами, двумя максимами и льюисом [47] заняли дорогу на Яроповичи. Подъезжая, мы ясно увидели у Яроповичей группу человек в 12-20 красных.

Было 8 утра. Сумею ли продержаться до часу? Время шло убийственно медленно. Я выставил наблюдателей вправо в хуторок для наблюдения за лесом и влево на крыше мельницы.

До 12 часов всё было спокойно. Вдали слышалась ружейная и пулемётная трескотня – это наши брали Соболёвку и Гнилец. Внезапно раздался орудийный выстрел. Снаряд упал где-то в местечке за нашей спиной. За первым полетело ещё штук 7-8. Шрапнель разорвалась довольно удачно и вслед за ней появились неприятельские цепи. Их было несколько: вышли они из Яроповичей и пошли по разным направлениям. Одна левее меня на местечко, другая – жиденькая на вид – в лоб, и, наконец, третья, самая грозная и внушительная, пошла вдоль леса и начала обходить мой правый фланг. Положение было не совсем приятное, но стрелять надо было. Это могло задержать противника, а во-вторых, приказано было наделать побольше шума.

Затрещали наши пулемёты. Идеально работал льюис, выставленный на соломенной крыше хаты. Максимы работали с перебоями. Взводы рассыпались в цепь, лошадей отвели назад. Под нашим огнём цепи противника остановились и залегли. Та, что была около леса, была уже в 1000 шагах; та, что была слева, шагах в 600, не больше. За нею шла другая цепь.

Гоппер остался у мельницы. Я же главное внимание обратил на лес и направил пулемёты туда. Вскоре меня совсем обошли. Было уже без четверти час. Пришлось отходить.

Вишневскому пришлось туже. Он уходил под сильным

ружейным огнём и потерял лошадь. К вечеру догнали полк. Противник в Соболёвке и Гнильце сопротивления не оказал.

с. Белки
3 декабря 1919 г.

Переночевали с 4-м эскадроном в доме попа. Ели полусырую гусятину и жидкий суп. Уснули, как убитые, но вставать пришлось рано, в 5 часов утра. Построились в резервную колонну и стали ждать прихода Попова.

Вдруг раздался выстрел: снаряд прожужжал где-то над головами и взорвался левее нас в мёрзлой пахоте. Мы стали вытягиваться. За первым пролетел ещё один снаряд и упал ближе. Это были всё гранаты и рвались они всё дальше и дальше. Мы поняли, что нас ещё не видели, а били по уходящим севастопольцам. Но едва мы вышли за рощу и появились в поле, как поднялась пулемётная трескотня и ружейная пальба. Мы как были колонной, так и пошли рысью. К счастью, противник был далеко, но всё же вдоль шоссе, по которому мы шли, пули взбивали лёгкие облачка пыли и песку.

Добравшись до Королёвки, мы рассыпались лавой по полю и стали ждать. Когда наши обозы ушли, а противник не появился, то ушли и мы. Прошли через Корнин, где стояли лабинцы, и дошли до Белок; но отдохнуть так и не пришлось. Оказывается, противник уже занял Кривое, и Попов решил его выбить.

В собачий мороз по чёртовой дороге двинулись мы к Сахарному заводу. Около Кривого виднелись конные лабинцы. Наша артиллерия подъехала. Английские мулы сделали лихой заезд. Орудия дали два выстрела и… прискакали два всадника и сказали, что навагинцы уже заняли Кривое (!!!). Итак, мы били по своим.

Я устал до крайности. Глаза болят, всё тело разбито. Я стал худой, как мощи, да и не я один: все переутомлены непосильной работой. Хоть бы отдохнуть завтра.

с. Пивни
4 декабря 1919 г.

Построились в 9 утра и выступили опять на Сахарный завод, что возле Корнина. 1-й, 6-й и 2-й эскадроны пошли вперёд. Лабинцы и пехота пошли на Кривое.

Сколько пулемётов у пехоты! У одних навагинцев 80 пулемётов, севастопольцы таскают с собой штук 40! Это уже сильно смахивает на пулемётные полки царского времени.

Выбит противник был легко; так легко, что это показалось нам даже подозрительно. Взято 30 пленных. Из них один

рассказывал, что третьего дня на мой эскадрон наступал целый пехотный (2-й Гомельский) полк. Но наш огонь был весьма неудачен. Ранен всего один, и то легко. Лабинцы ранили одного китайца. Он упал на лёд пруда и один отстреливался от целых двух сотен, пока не был смертельно ранен. Его последние слова были: «Всё равно живым не сдамся».

По сведениям разъездов и пленных выяснилась очень печальная картина. На Корнин делается демонстрация и делается лишь усиленная разведка. Главные же силы брошены на юг. Сегодня они заняли Жидовцы и ведут наступление на Романовку. Вероятно, Романовка уже взята. Одновременно севернее нас ведётся наступление через Турбовку. Мы почти окружены. В связи со слухами о падении Киева наше положение становится безнадёжным. Надо уходить и уходить скорее. Вперёд пошла пехота, за ней артиллерия и лабинцы.

Последними шли мы. Провели кошмарную ночь. Ужасно быть в хвосте обоза. Идут медленно, на каждом шагу остановка. Холод зверский. Ярко блещут звёзды, снега нет, и мёрзлая земля, звонкая, как стекло, изрыта комьями и ямами. Все ругаются. В общем, немного похоже на отступление французов в 12-м году. Некоторые завёрнуты в одеяла, так что картина получается полная.

Пришли к 2 часам утра и, дрожа от холода, улеглись на грязной соломе. Приехал Тургиев. Положение на фронтах катастрофическое. Что будет дальше?

с. Пивни
5 декабря 1919 г.

Я, кажется, заболел. Вот уж не вовремя так не вовремя. Жар. В комнате душно. Где-то под печкой кудахтают куры. Им, наверное, тоже душно.

Киев, говорят, почти взят. Идут бои на улицах города. В Фастове паника. Генерал Драгомиров уехал. Связь порвана. Лошади у нас посёдланы и обозы запряжены.

с. Винницкие Ставы
6 декабря 1919 г.

Накануне я едва забылся лихорадочным сном с бредом и мрачными кошмарами, как явилось донесение из штаба. Через полчаса – другое донесение, отменяющее первое приказание. Ещё через час пришло приказание обозу немедленно выступать на Фастов.

При тусклом свете ночника я едва рассмотрел, что был 12 ; час ночи. Стуча от лихорадки зубами, я оделся и в

полубессознательном состоянии повалился на солому, которая устилала дно телеги. Кто-то завернул мне ноги в одеяло, что-то мягкое подложено было под голову. Потом всё стало темно: это меня всего покрыли буркой. Дёрнули мохнатые крестьянские лошадёнки, и с громом покатилась телега по мёрзлой и ухабистой дороге. Что я испытал, не поддаётся описанию. Вот уж пытка, так пытка. Почище «Сада пыток» [48] будет. С безумной головной болью, дрожа от холода, ехать в лютый мороз (с ветром) от 12 ; ночи до 8 вечера, делая бесконечные остановки в поле, на тряской телеге!

Боже, что это за война!

г. Белая Церковь
7 декабря 1919 г.

Я немного ожил. Вчера полк вёл бой где-то около Фастова, но я ещё при обозе, который оторвался от полка. В Фастове увидел Львова, и он присоединился к нам.

Фастов имеет вид мёртвого города. Вся еврейская часть разгромлена так, как я ещё себе не представлял, чтобы город мог быть разгромлен. Ходорков и Корнин пустяки в сравнении с Фастовом. Дома не только все без окон и без дверей, но, по крайней мере, из пяти один сожжён дотла. Но жиды живут. Уже смотришь, из домика, который со стороны улицы имеет совсем нежилой вид, где-то из какой-то скважины вьётся узенькой струйкой дым. Значит, уже вернулся хозяин и где-нибудь под чердаком устроил себе логовище.

Станция загружена составами. Вывести их, конечно, не будет никакой возможности. Спасут только снаряды, патроны, обмундирование и мелочь. Остальное достанется красным.

Начальство страшно растерялось. Теперь мы уже в Белой Церкви. Где-то близко было имение Браницких [49]. Теперь от него, говорят, мало что осталось. Уничтожили не только дивный дворец и службы, его окружавшие, но даже школы (?), больницы для крестьян (?) и другие чисто демократические затеи Браницких. Здешние обыватели в панике. Ждут «товарищей» и трепещут, а выезжать нет возможности.

Цены поразительные: десяток яиц 70 р., фунт мяса тоже 70 р. Белый хлеб 200 р. и т.д. Крестьяне радуются нашему отходу. Когда мы уходили к Фастову, в тылу у нас восстало 10 волостей. Кое-кого выпороли, кое-кого расстреляли, тем дело и кончилось. Чувствуется украинско-большевицкое настроение. Их озлобило, что мы уже чересчур откровенно забирали почти даром фураж и провиант. Но в большевиках они ещё скорее разочаруются, ведь теперь там много китайцев, а китайцы – это такой народ, что

после него остаются только стоны, слёзы, кровь, разорение и проклятия.

Наши дела на фронте убийственны. Во всём виноват лишь тыл.

г. Белая Церковь
8 декабря 1919 г.

Имение Браницких окружено чудесным парком. Всё поломано, статуи сорваны с пьедесталов и куда-то исчезли. Обоз получил приказание догнать полк. Обоз 2-го разряда пошёл на Христиновку.

с. Фурсы
9 декабря 1919 г.

Догнали полк. У станции Кожанка был полк неприятельской пехоты. У Завода вёл бой 4-й эскадрон. 7-й и 6-й эскадроны поддержки почти не оказали. Полк потерял штук 15 лошадей и раненых, между прочим, двух офицеров 1-го эскадрона (новых). Забрали человек 60 пленных. Неприятель, по показаниям именных, понёс потери (около 180 чел.).

с. Шамрай
10 декабря 1919 г.

Мы будем отходить на 8 пароходах без боя. Это то, что называется на казённом языке штабов и вообще начальства «перегруппировкой войск», «уплотнением фронта» или «маневрированием». Отступление, впрочем, пока что далеко не паническое, и брошено сравнительно мало. Кое-что на станциях пришлось, конечно, сжечь, но это почти неизбежно бывает во время всяких отступлений и меня мало волнует.

с. Рубченки
11 декабря 1919 г.

Бесконечный переход. Нелегко сделать 25 вёрст, когда болит голова, темнеет в глазах и жар.

м. Тетиев
12 декабря 1919 г.

Остановились в чистеньком польском домике. У католиков Рождество. Вчера здесь были петлюровцы, Бог весть откуда появившиеся, в количестве 4000 человек, при 3 орудиях.

Люфт был в разъезде и поймал 2-х петлюровцев. Я был в головной заставе. Мы продолжаем отходить без боя.

м. Ситковцы

13 декабря 1919 г.

Сегодня опять славный день, полный удачи, веселья и счастья. И всё это несмотря на то, что число 13 считается роковым, а сегодня именно 13 декабря.

Вечером 12-го я получил извещение, что вследствие болезни графа Шамборанта я временно принимаю 4-й эскадрон. Грустно, тем более что офицерский состав 4-го эскадрона неважный в данное время. Исаев и новый офицер Майборода – оба не отличаются храбростью. Вано Старосельский уже давно зарекомендовал себя не с лучшей стороны.

Выступили из Тетиева и дошли почти до местечка Животов. Вдруг впереди идущие эскадроны пошли рысью. Я в это время ехал в экипаже с больным Шамборантом. Едва успел сесть на хромую серую кобылу Тускаева и догнать эскадрон. Овраг, затем крутой подъём и равнина. Подъезжаю к Попову.

– Смотрите, – говорит Попов и указывает по направлению на Животов. Я посмотрел… и замер… Целый ряд повозок – совсем близко – ползёт по дороге на Ситковцы. С ними эскадрон. Несомненно, настоящий, честь честью, как ему и полагается быть – эскадрон и пехота: может быть, рота, может быть, больше. А повозки всё ползут и ползут, как вереница маленьких чёрненьких жучков.

– Берите дивизион, обойдите овраг, что нас разделяет, займите вон ту возвышенность и обстреляйте эту колонну, а тверцы тем временем атакуют её в прямом направлении и справа.

Я повёл дивизион рысью. Параллельно 4-му шёл 3-й эскадрон с Гоппером, т.к. Львов тоже болен. Начали обходить бесконечный овраг, поросший кустарником. Вдруг шагах в 10 от меня поднялся заяц и перебежал мне дорогу.

– Плохая примета, – сказал Исаев.

Я послал его к чёрту, и мы перебрались наконец на другую сторону оврага. Вынырнув из лощины, мы увидели ту же колонну, но уже ближе. Пехотинцы рассыпались в цепь, и загремели первые выстрелы. Я развернул дивизион лавой, мы выхватили шашки и понеслись. Только ветер загудел в ушах. Наткнулись на канаву, и на минуту всё смешалось. Исаев и Майборода вместо того чтобы смело броситься в канаву и показать пример, только что-то кричали драгунам и без толку метались у рва. Я плюнул на всё, ударил лошадь шашкой раза два, перешёл канаву и понёсся дальше.

Третий эскадрон красивым веером подскакивал уже левее меня к противнику. 4-й тоже подлетал, но значительно правее

меня. Наконец я доскакал до первых пехотинцев; все бросились бежать, бросая оружие. Некоторые ложились на землю. На многих галичанские шапочки с чёрным околышем и большим козырьком.

Ура! Есть и пулемёты. И много: один, два, три, четыре, пять – и все максимы. Мечутся всадники кругом чего-то большого. Подлетает взволнованный и радостный Гоппер, театрально салютует блестящей шашкой и докладывает:

– Г-н ротмистр, 2 орудия при полных запряжках и с зарядными ящиками.

Боже мой! Это уже что-то уж слишком хорошо для одного раза: и пулемёты, и огромный обоз, и орудия, и пленные!!! С трудом собираю 4-й эскадрон. Все без всякого толка мечутся по полю; кое-где выстрелы – это по убегающей кавалерии или расстреливают китайцев. Появился и «знаменитый» 7-й эскадрон – стал и открыл по неизвестно чему огонь из пулемётов.

Наконец появился полковник Попов. Я ему доложил. Чувствую себя именинником. Ведь как-никак, а дивизион захватил два орудия, 8 максимов и 3 льюиса!!! И всё это без потерь! 11 пулемётов! Кроме того, захватили 5 сестёр милосердия и несколько офицеров. Пленных – человек сто.

Когда мы вернулись на ночлег в Ситковцы, то я почти полночи не мог сомкнуть глаз от радостного волнения. А вдруг дадут Георгий или оружие?

с. Цибулевка
14 декабря 1919 г.

Всё подсчитываем трофеи и роемся в добыче. Офицеры–галичане очень милы и любезны. Одна из сестёр прехорошенькая и теперь временно едет при нашем эскадроне, пока не проберётся к себе на родину (Киев).

Мы сделали мучительный переход – 30 вёрст, черепашьим шагом по мёрзлой кочковатой дороге. Лошади выбиваются из сил, падают, снова поднимаются, телеги ломаются, колёса отскакивают – прямо беда.

У бедного Шамборанта под 40 градусов, и он страдает. Я с ним в экипаже. Пропёрли по морозу от 8 утра до 7 вечера.

м. Устинград (с. Соколивка)
15 декабря 1919 г.

Вчера от моего эскадрона пошло два разъезда. Из них вернулся пока один – Старосельского. Он был обстрелян петлюровцами. Исаева ещё нет. Это меня немного беспокоит. Завтра днёвка. Мороз крепчает.

м. Устинград (с. Соколивка)
16 декабря 1919 г.

Мороз всё крепчает. Прямо дышать нечем. Шамборант уехал. Исаев вернулся. Он тоже был обстрелян петлюровцами. Мы находимся уже на уровне ст. Монастырище.

ст. Нестеровка
17 декабря 1919 г.

Мороз всё крепчает. Бедный корнет Майборода пошёл в ночной разъезд, благо ночь лунная.

с. Кочержинка
18 декабря 1919 г.

Выступили в 6 часов утра и пришли на ночлег в 10 часов вечера. Считая, что отдыхали 2 часа за всё это время, выходит, что 13 часов были на морозе градусов в 15-20. Это тяжело.

с. Вербовка
19 декабря 1919 г.

Опять славное дело. Положительно, наше отступление происходит более чем удачно. Усталые, проспав какие-нибудь 4 часа (это уже вторая такая ночь), утром в густом тумане выступили из Кочержинки. Лица у всех вследствие бессонницы какого-то землистого оттенка. В первом же селе узнали, что какие-нибудь четверть часа тому назад шёл бой.

Отходящая Государственная стража[50] (Киевская, Уманская и др.) наткнулась на село Ладыженское, где находился отряд Красных украинцев (Україна Радянска Республика) коммунистов (три полка при 7 орудиях и многочисленных пулемётах). Всего украинцев-коммунистов было человек 500 пехоты. Это был отряд, отколовшийся от Петлюры и под начальством Марка Волохова. Стража была отбита и прошла правее Ладыженского в своём движении на юг к Ольвиополю.

Вообще, теперь с взятием Кременчуга вся Киевская группа войск должна форсированным маршем двигаться по направлению на Ольвиополь. В Ольвиополь мы должны попасть 23 декабря вечером. Выходит в среднем по 30-35 вёрст в день, что, принимая во внимание состояние людей и лошадей, является цифрой ужасающей. Но самое грустное, что мы всё время принуждены пробиваться через неприятельские отряды и вести бои.

Приезжаешь на ночлег ночью. Пока приготовят поесть да чаю напьёшься, смотришь – уже 12 часов ночи. Едва заснёшь, как

входит прозябший, злой как собака ординарец и подаёт приказание штаба полка. Приходится основательно просыпаться, иначе забудешь потом содержание записки. Под утро, когда сон самый сладкий, является ещё один ординарец, а там, смотришь, восток светлеет; значит, пора и вставать. Я похудел и стал похож на драную кошку. Почти все больны: в нашем обозе много саней с тифозными и другими больными.

Но возвращаюсь к нашей славной победе над супостатом. Туман, густой, как молоко, обволакивал всю деревню. На площади следы крови, дальше – серая лошадь с задом, оторванным снарядом. Это следы боя стражи с украинцами.

Вышли из деревни. Туман превратился в мелкий, как пыль, дождик. Стало знобить, и сырость проникла через почерневший от воды полушубок.

Сбились с дороги. Вернулись в село и пошли по другой дороге. Прошли мимо Терских батальонов, собирающихся к бою. Смазывали пулемёты маслом, продёргивали ленты и готовили патроны. Настроение так себе. Главное, что продрогли и туман. Я опять заворачиваю дивизионом. Гоппер спокоен и острит. Я тоже стараюсь быть остроумным. Вообще, я заметил, что перед боем все стараются быть спокойными и весёлыми. И это желание казаться остроумными именно и показывает, что люди волнуются.

Между двумя селениями вёрст семь. Скоро раздался пушечный выстрел, и при этом так близко, что я даже вздрогнул. За ним другой и третий. Затрещали винтовки и пулемёты. Пролетел адъютант: «Пулемёты вперёд – вперёд!» По дороге пошёл 6-й эскадрон, правее его 5-й, левее наш, ещё левее 3-й. В густом тумане видно лишь 10-15 всадников, остальные где-то в тумане. Свистят пули, откуда – неизвестно. Лава идёт шагом. Отдельные всадники снимают винтовки и стреляют. Вперёд выезжают тачанки, поворачиваются задом и открывают огонь из пулемётов. Куда стреляют – тоже неизвестно. Иногда сливается из нескольких пулемётов и получается эффектно. Стараюсь держаться на уровне 6-го эскадрона, а 3-й равняется по мне.

Иногда продвигаемся рысью. Иногда переходим в шаг. Передаются по лаве откуда-то справа приказания. Тоже неизвестно от кого. В общем, положение тяжёлое. Где противник – неизвестно, где деревня – тоже неизвестно. Стрельба и справа, и слева, и посередине. Ясно, что нас не видят, но иногда пули так близко пролетают, что кажется, будто нас заметили. Стрельба то затихает, то снова возобновляется.

Пошли рысью по паханому полю. Земля уже отмёрзла, и делается грязно. Спускаемся в овраг, снова поднимаемся вверх по

крутому скользкому склону. Перебираемся через болото. Лошади уже сильно выдохлись. Вдруг в тумане что-то обозначается серой массой.

«Шашки вон, вперёд!» Это деревня. Сначала сады. Потом подъём. Узкие кривые улицы. Со мной рядом скачет Старосельский. По деревне отчаянная стрельба. Где-то «ура!». Сверкают шашки – это ворвался 1-й эскадрон. Проскакиваем через плотину мимо замёрзшего пруда. Переходим в рысь, проходим через экономию. Нет никого. Снова подымаем лошадей в галоп. Левее скачет 3-й эскадрон. Опять поле. Поедем: внизу с грохотом что-то несётся.

Громкое «ура!», мелькание шашек, страшные ругательства, и мы врезаемся в какую-то кашу повозок, людей и лошадей. Скачем дальше. Коммунисты убегают через пруд и скрываются в зарослях ивняка. Забираем именных. Кого-то уже рубят, кого-то стреляют. Наконец всё захвачено. Подсчитываем трофеи. 5 максимов, 3 льюиса, 3 траншейных орудия, одно 3-х-дюймовое, 62 лошади, 24 повозки, 2 мула, телефонное и иное имущество. Говорят, было золото, но оно поехало вперёд. Возвращаемся обратно и узнаём, что всего забрано 7 орудий. Словом, разгром неприятеля полный.

Лошади еле идут. Пот льёт градом, но настроение зато весёлое. Все завидуют нам. Опять отличился Нижегородский дивизион. Это редкий случай – такая атака в конном строю в густом тумане.

За время моего командования отбито дивизионом 17 максимов, 5 льюисов, 1 мансен, 1 маузер, 2 кольта, 3 орудия и 3 траншейки.

Попов приказывает расстрелять пленных, что и делается тут же. Прохлаждаемся часа два, потом сигнал и двигаемся дальше. Проходим ещё 15 вёрст и опять засыпаем в час ночи.

с. Кочубеевка
20 декабря 1919 г.

Опять заболел, не знаю чем. Подал рапорт о болезни и еду в экипаже. Отступает много частей. Грязь невылазная – вывезем ли обоз, отбитые орудия и пулемёты?

г. Ольвиополь
21 декабря 1919 г.

Выехал в экипаже. Через две версты бросил экипаж и перепряг лошадей в тачанку. Ещё через две версты бросил тачанку и, несмотря на сильную головную боль и слабость, сел верхом и доехал через 15 вёрст в Голту – пригород Ольвиополя.

Полк ещё не пришёл. В орудия впрягли по 20-30 лошадей. Вся дорога усеяна брошенными обозами.

г. Ольвиополь
22 декабря 1919 г.

Прибыл полк. Орудия уже на станции, где их будут грузить. На фронте трагично. Бои идут уже под Ростовом. Мы отрезаны от армии и имеем два пути к отходу – или на Одессу, или в Румынию.

г. Ольвиополь
23 декабря 1919 г.

Говорят о союзе с немцами. Будто бы они обещают нам к весне очистить Россию от красных и уже через неделю дать первые 4 корпуса. За это требуют установление монархии с главой из дома Романовых и немедленного объявления войны Англии и Франции.

г. Ольвиополь
24 декабря 1919 г.

Началось повальное пьянство. Пьяны все: и солдаты, и офицеры. Прямо тошно смотреть; главное, что сам пьян в дым.

г. Ольвиополь
25 декабря 1919 г.

Праздник прошёл вяло и скучно. Пьянство продолжается. Приехали Каниболотский и младший брат Шамборант. Я снова принимаю 3-й эскадрон. Львов поправляется.

г. Ольвиополь
26 декабря 1919 г.

Кажется, начинаю заболевать. Чем – не разберёшь; кажется, тифом. Придётся, по-видимому, эвакуироваться в Одессу в лазарет.

Тетрадь 2-я. Отступление

Иллюстрация: Аркадий Александрович Столыпин. Конец 1910-х гг.

с. Ставчаны
14 февраля 1920 г.

Вот уже давно я забросил свой дневник, но это не по моей вине. Сколько пришлось пережить за это время всяких мучений, и нравственных, и физических! Теперь у меня нервы истрёпаны, здоровье расшатано: я старая измотанная кляча, никуда не годная.

Начались мои испытания с того, что меня погрузили в Голте в товарный вагон и повезли в Одессу. Бред смешивался с действительностью. Было холодно. Вагон весь в щелях. Печка не греет; ноги мёрзнут, голова в огне; рядом стонет Гоппер, тоже больной сыпным тифом. Вишневский в бреду соскакивает с нар, бросается к выходу; его ловят и с трудом водворяют на место.

После четырёх дней настоящей пытки подъезжаем к Одессе, но к самому городу нас не пускают: не то пути забиты, не то просто начало паники, ведь городу грозит уже отдалённая опасность большевицкого нашествия.

У меня тяжёлый бред: кажется, будто большевики окружили нас и спасения нет – надо стреляться. Тяжело расставаться с жизнью в 25 лет, но, с другой стороны, такая апатия ко всему, такая усталость, что всё безразлично. Наконец наступает решительная минута, беру револьвер, поворачиваюсь почему-то лицом вниз и стреляю себе в голову. Раздаётся оглушительный выстрел, и я умираю. Странным кажется то, что после смерти всё остаётся по-прежнему: слышу разговоры окружающих, смутно в темноте вагона вижу красноватый отблеск печки. Минутами бред проходит, но тогда ещё больше ощущаешь жажду, и холод, и безвыходность положения. Нет ни врача, ни лекарств.

Наконец встречаем кого-то из нашего дивизионного обоза. За мной высылают тачанку и меня везут в город – вёрст за восемь. Холод нестерпимый. В полубессознательном состоянии я еду по улицам Одессы. Город представляет жалкую картину. Магазины почти все закрыты; жители мечутся в каком-то лихорадочном состоянии.

Оказывается, нигде в лазаретах нет места. Меня с трудом устраивают в только что открытый лазарет Союза городов. Но не отдых сулит мне это, а только начало новых мучений и испытаний. Нас ведут в приёмный покой и кладут на землю, на соломенные маты. Больные лежат рядами; тифозные, вперемешку с другими, полные вшей, заражая друг друга, в грязи, в изодранных шинелях. Иногда появляются сестра или доктор,

быстро обходят больных, но ни лекарств, ни какой-либо помощи всё равно не дождёшься. Температуру не меряют, пить дают прямо сырую воду.

Рядом со мной лежат доктор Гукасов – наш полковой доктор, Вишневский и Гоппер. На пятый день нам делают ванну. После горячей ванны заставляют подниматься по крутым лестницам на третий этаж и кладут на носилки в нетопленой комнате. Нет даже одеяла, чтобы укрыться. Градусов в комнате самое большее 3-4. Санитар из жалости даёт мне свою шинель. Мои вещи взяты в дезинфекцию.

Приходится устраивать скандал, и меня переводят в более тёплое помещение. «Более тёплое» – это, конечно, понятие относительное, ибо градусов там, наверное, не более восьми. Вместо одеяла на меня кладут матрац, набитый соломой. Холодно и голодно.

Кроме меня и Гоппера, в палате находятся ротмистр Чикваидзе, командующий 7-м эскадроном, и корнет Иртахов, тоже <из> 7-го эскадрона. Нас изредка навещает Боря Шереметев, кн. Давид Чавчавадзе и Шамборант, уже оправившийся от тифа. Нам привозят еду из обоза.

Числа 20 января Гоппер выписывается из лазарета и переезжает к нам в обоз, стоящий на окраине города. Становится скучнее, и – что всего печальнее – у меня внезапно снова поднимается температура. Мало оказалось с меня сыпного тифа – я заболеваю возвратным, но, к счастью, в лёгкой форме. Всё тело ломит, чувствуешь каждую косточку, каждый сустав. И лежишь при этом почти на голых досках.

Так проходит 22 дня. События идут своим чередом, и наступают грозные дни. Ростов, Таганрог и Новочеркасск захвачены красными; полк наш уже где-то под Вознесенском в тылу у большевиков. Позиции приближаются к Одессе. Уже осталось красным пройти до города только вёрст 80-50. В городе паника. Стараются организовать какую-нибудь защиту, но тщетно. Формируются какие-то фантастические отряды с пышными названиями, но все, даже устроители, чувствуют, что это бутафория, что ни «Отрядами священного долга», ни «Крестьянским отрядом атамана Струкова» не спасти Одессу. Здесь нужны боевые полки. В городе зарегистрировано до 45 000 одних лишь офицеров! Неужели нельзя объединить их?

Шиллинг растерялся и уехал. Первыми удирают, конечно, штабы и начальство. Скоро все магазины закрываются. Нельзя достать ни хлеба, ни молока – в лазарете выдают уже полпорции; затем хлеб совершенно исчезает с нашего горизонта. Мы голодаем.

В городе начинается уже стрельба – это многочисленные местные большевики подняли восстание. Наш лазарет отрезан от обоза. Англичане обещают устроить эвакуацию лазарета. Не поздно ли? Говорят, часть раненых и больных попадает в Алжир, часть в Варну. Но что делать там без вещей и без денег?

Наконец положение становится совсем угрожающим. Слышна уже канонада. Тяжёлые орудия английских броненосцев сотрясают воздух. За мной заезжает Боря Шереметев в коляске и берёт меня и Вишневского. У последнего всё ещё бред. Едем по пустынным улицам Одессы. Всюду паника; зрелище не из приятных.

Вот и обоз. Половина имущества бросается. Мы теряем около 300 сёдел – сёдел, которые мы целый год ждали, как манну небесную. Бросаем муку. Да мало ли что бросается в этот вечер в Одессе. Ночью выезжаем из города под аккомпанемент грохота английских орудий.

Куда мы идём и зачем? Определённо ничего не известно. Говорят, что Румыния под давлением союзников согласна нас пропустить. До границы недалеко: сделаем два-три перехода – попадём в Румынию. Оттуда – в Варну, где нам подадут пароходы и откуда нас перевезут в Новороссийск. Если бы я знал в этот вечер, сколько мне ещё предстоит мучений!

Начался поход, полный опасностей, неожиданностей и приключений, воистину «Ледяной поход»[51] со всеми его ужасами и страданиями.

Отход к полякам

24 января 1920 года часов в 9-10 вечера целый ряд повозок, фургонов, тачанок и даже элегантных экипажей проезжал по улицам Одессы. Это был наш обоз: дивизионный – под командой поручика Козлова и полковой – под командой Стецкевича и Томсена. Впрочем, беспорядок в обозе полный, так как, в сущности, распоряжаются все – и полковник Томсен, и Стецкевич, и кн. Туганов. Все мечутся. Много новых лиц: очевидно, за время моей болезни к нам попало много новых офицеров.

Город огромный, и мы без конца плутаем по почти тёмным улицам, так как освещение отсутствует. Впереди, сзади и с боков двигаются какие-то другие обозы и задерживают нас на поворотах. Постепенно мы всё-таки выбираемся из города.

Как красиво, должно быть, было здесь в мирное время. По обеим сторонам шоссе тянется ряд чудных садов. В их глубине

мелькают светлые дачки и домики. Да и теперь, при трепетном свете луны, которую то и дело закрывают облака, всё это сказочно красиво. Как будто какое-то мёртвое заколдованное царство.

Но какой холод! Лёгкие болят, и застывают руки и ноги от сидения в экипаже. А ходить нельзя: такая слабость, что сердце не выдержит. Наконец, после бесконечного перехода, уже совершенно замёрзшие и измученные, мы приходим в немецкую колонию Гросс-Либенталь. Колония скорее напоминает нарядный немецкий городок: дома в несколько этажей чисто городского типа, с садиками, окружёнными чугунными решётками; словом, с деревней имеет мало общего.

Начинаем тыркаться в дома – половина занята уже пехотой, которая нас к себе не пускает. Другая часть пуста: хозяева сбежали из боязни большевизма. Есть и такие, которые просто не желают пускать к себе обоз. Наконец порядок теряется окончательно – все разбредаются куда попало, и ищут себе квартиры самостоятельно. Я ещё долго брожу по холоду, пока Боря Шереметев не впускает меня в какой-то дом.

В одной половине наши «главковерхи», в другой – Каниболотский, Тускаев, Янович, я и наши две сестры. Вишневского, совершенно больного, положили тут же на соломе. У меня отморожены пальцы на обеих ногах, да это и неудивительно при английских сапогах с подковами. С наслаждением пьём чай и засыпаем мёртвым сном без сновидений.

25 января часов в 10 выступаем. Спать пришлось часа три. У всех серые злые лица, все устали, лошадям фуража досталось мало. В моём экипаже хорошие лошади – пара вороных поручика Козлова: Васька и Зайчик. Переход, к счастию, сравнительно небольшой – вёрст 12-15, но мы двигаемся черепашьим шагом, потому что нам то и дело преграждают дорогу чужие обозы. Обозы все невероятно большие; повозки следуют за повозками, и кажется, что им конца не будет. На некоторых сидят женщины – это или сёстры милосердия, или жёны офицеров, или просто дамы. Есть и совершенно штатская публика – беженцы в Румынию. Везут много лишнего, и я уже вижу заранее, как постепенно всё будет бросаться по пути.

К вечеру приезжаем в Франц-Фельд. Колония богатая, но уже не такого городского типа, как Грос-Либенталь. Со мной всё та же компания, но без сестёр. Ночью слышна стрельба. С нами двигается отряд пресловутого капитана Струка или, как его называют, «атамана Струка». Может быть, это он сражается с кем-нибудь. Настроение тревожное, никто не раздевается на случай тревоги.

27 января выступили из Франц-Фельда. Утро было чудесное: грело солнце и воздух был прозрачный, как это бывает только в зимнее утро. Со мной рядом в экипаже сидел Вишневский и обе сестры. Проехали с. Маяки и добрались до следующей деревни. Название ускользает из памяти: что-то вроде Беляки [52] Остановились, чтобы сделать привал.

Здесь именно случилось нечто совершенно неожиданное. Справа от нас раздалось несколько пушечных выстрелов. Потом пробежал мимо экипажа кто-то из наших офицеров и крикнул Шереметеву: «Смотрите, г-н полковник, показалась лава с пулемётными тачанками». Я выглянул из экипажа, и, признаюсь, сердце моё сжалось от страшного предчувствия. Правее нас спускалась с пологого холма огромная лава большевиков. Всего в первой лаве было человек 80, за ней шла ещё вторая лава, которую трудно было разглядеть, потому что солнце слепило прямо в глаза. Между конными можно было заметить и пулемётные тачанки.

Около моего экипажа стояли Тускаев и Фиркс. На каменном лице Тускаева нельзя было ничего прочесть; что касается бедного барона, то видно было, что он волнуется. Я постарался придать своему лицу выражение полной беззаботности и тоже вышел из экипажа.

– Доездились, – мрачно сказал Тускаев.

– Доездились, – как эхо, повторил за ним Фиркс.

Говорить как-то не хотелось, ясно было, что смерть уже близка. Оставалось шагов 1500, не больше. Затрещали пулемёты, и, вероятно, засвистали пули, но последних я слышать не мог, так как после тифа почти оглох. Вскоре началась и ружейная трескотня. В это время мимо нас проскакало несколько всадников из отряда Струка: «Большевицкая кавалерия нас отрезает спереди – надо скорее пробиваться».

Я и сам знаю, что каждая минута промедления отнимает у нас последний шанс на спасение, но обоз почему-то стоит и не двигается. При нас есть что-то вроде эскадрона, составленного в Одессе Юрием Абашидзе. Командует им Боря Шереметев. Боря оказался молодцом – выскочил вперёд и хотел атаковать неприятеля, но не то люди не пошли (обозный сброд), не то его кто-то удержал.

Потом вдруг всё ринулось; сначала рысью, потом галопом. Выехали в открытое поле и понеслись. Скакали, конечно, как попало, в полном беспорядке, благо почва была ровная, без канав и рытвин. Иногда пуля попадала в лошадь, и она падала, опрокидывая повозку. Среди нас с шумом и треском разорвалось несколько гранат, обдавая чёрным дымом и запахом пороха. Две

гранаты попали прямо в фургоны, превратив их в кучу обломков и лошадиного мяса. Но это я не видел – к нам на подножку вскочило трое: наш фельдшер Букачёв, денщик Лопухов и ещё какой-то драгун. Это из тех, которые вышли с тачанок и не успели сесть во время паники. А гранаты всё сыпались и сыпались, и мы всё неслись и неслись. Доблестный эскадрон, вместо того чтобы прикрывать наш тыл, скакал параллельно нам с явной тенденцией ускорить аллюр.

Если бы большевики вместо того чтобы нас обстреливать, атаковали бы нас, то ясно, что спасение было бы невозможным. Вообще, положение было безнадёжное, и спасти нас могло только чудо. И это чудо, этот единственный шанс случились. Большевики нас не атаковали. Испугались ли они нашего жалкого эскадрона, отвлекли ли их внимание обозы, следовавшие за нами, неизвестно, но факт тот, что они ограничились обозначенным преследованием и обстрелом.

С какой благодарностью и радостью посмотрел я вокруг себя, когда мы подъехали к лиману, посмотрел на ликующее голубое небо, яркое солнце и все эти мелочи, которые обыкновенно не замечаешь, но без которых общая картина была бы неполной. Боже, как хорошо жить на свете и как тяжело умирать!

Мне вспомнилась надпись на стене Киевской чрезвычайки – надпись, сделанная каким-то несчастным, приговорённым к расстрелу, надпись короткая, но ужасная: «Боже, как тяжело умирать в 21 год…» Да, жить всё-таки хорошо, и оценить это можно только, когда посмотришь смерти прямо в глаза и почувствуешь её близость.

Переход через лёд был медленным и трудным. Лошади падали, скользили, снова подымались, снова падали, разрывая постромки и ломая фургоны. Приходилось идти медленно, а это было довольно неприятно, так как до румынской границы оставалось ещё порядочное расстояние.

Пройдя версты 2 ; – 3 по лиману, мы вступили в область камышовых зарослей. Камыш этот невероятной высоты – в несколько раз выше человеческого роста – и с очень толстыми стеблями. Между этими зарослями извивается дорога, протоптанная шедшими впереди обозами. Дорожка эта идёт по льду и похожа на коридор среди зарослей осоки. Горизонта не видно. Верста за верстой тянется камыш, а Днестра всё нет и нет.

Солнце начинает уже склоняться, но у всех бодрое настроение: говорят, румыны пропускают и отбирают лишь огнестрельное оружие, которое потом отдают при посадке на суда в Констанце.

Вот уж и Днестр. Он в этом месте не широк, но берег его

обрывист и трудно обозам переправляться. Здесь много обозов, и от них мы узнаём новость, которая поражает нас, словно удар обухом по голове: оказывается, румыны ни под каким видом не согласны нас пропустить. Сначала они ставили следующее варварское условие: сдача всего – обозов, лошадей, имущества и оружия – и переход на положение именных в концентрационный лагерь, но затем по каким-то странным соображениям отказались даже от этой выгодной, казалось бы, для них комбинации. Сейчас идут переговоры между румынским командованием и нашими генералами Оссовским и Бредовым. К чему они приведут, Бог ведает, но пока что мы переправляемся через Днестр на румынский берег.

Вот что мы узнали от обозов, пришедших раньше нас. Эти несчастные провели ночь под открытым небом у костров, без пищи, на страшном морозе и, главное, в виду румынской деревни!

Вскоре мы переправились. Господи, сколько здесь обозов! Целое море повозок, лошадей, людей, среди которого здесь и там дымятся костры из прибрежного ивняка. Ожидание томит нас и также чувство или, вернее, предчувствие всех тех испытаний, которые нас ещё ожидают впереди. К Бредову поехал Шереметев, но его что-то долго уже нет.

Неожиданно раздался выстрел, но сразу трудно определить, в каком направлении. Впечатление, что от румын, но это кажется так дико, что вернее предположение, что большевики обнаглели до того, что обстреливают нас на иностранном берегу. Раздаётся следующий выстрел. Странно, но полное впечатление, что снаряд пролетел с румынской стороны. Вот и разрыв, совсем близко, шагах в 80 от нас, между нами и румынами. Немного неприятное чувство быть неподвижной целью для чужой артиллерии. Наконец раздался выстрел уже определённо от румын. Мы ушам своим не верили и буквально остолбенели от удивления.

Что же это такое? Среди переговоров, когда мы мирно ждём их результатов, начинается стрельба по беззащитному обозу, по больным, по женщинам и детям. Прямо чёрт знает что такое. Можно ли выдумать что-нибудь более бесчеловечное, более жестокое? Прогонять нас на тот берег, на верную почти гибель к большевикам! Между тем снаряды продолжали сверлить воздух над нашими головами и разрываться то впереди нас, то среди камышей. Румыны потом уверяли, что стрельба была лишь для устрашения, но результаты налицо: трое артиллеристов тяжёлой батареи, убитых в этот достопамятный вечер на румынском берегу.

Офицеры собрались в кучку. Что делать? Шереметева нет,

результатов переговоров нет, а между тем к артиллерийской стрельбе примешивается уже ружейная. Пожалуй, проще всего взять белый флаг и пойти к деревне. Убьют – чёрт с ними: бейте, подлецы. Вот приехал и Боря. Надо уходить на русский берег и идти на север на Тирасполь. Авось присоединимся к полякам.

Мы тогда не ели целый день. Мучит голод, холод, чувство полной беспомощности и сознание трудности положения. Дело, в общем, дрянь. Всю ночь мы шли. Что это была за ночь! Видит Бог, за эти четыре или пять лет войны я испытал немало лишений. Я мёрз на персидских перевалах, жарился в степях под Багдадом и нравственно мучился под Минском, когда начинался развал полка. Но такого соединения физических страданий и душевных у меня, кажется, никогда не было.

Лёд начал таять. Местами он трещал и проваливался. Потонула лошадь Шереметева. Шли страшно медленно. Цел наш начальник штаба Бредова (кажется, полковник Генштаба Галкин). Наконец выбрались из камышей и чуть не по колено в воде двинулись через лиман. Взошла среди утреннего тумана тусклая невесёлая луна и осветила бесконечную серую поверхность льда.

Наконец выбрались на берег и попали в какую-то огромную деревню. Прошли через неё, ещё через несколько деревень и под утро добрались до деревни Граденицы, сделав более 50 вёрст и потеряв более 57 лошадей.

Следующий переход был большой, нам нужно было скорее уходить, чтобы не было вторичного нападения на обоз. 28, 29, 30, 31 мы проходили через селения Гнилое, Ташлыки, Тирасполь и, наконец, 1 февраля вошли в местечко Дубоссары.

За два дня до этого у меня начался сильный жар – третий приступ возвратного тифа. На подъезде к Дубоссарам у меня начался сильный бред, и очень неприятный. Сначала мне мерещилось, что впереди нас большевики и что мы отрезаны. Затем совершенно ясно мы поняли, что мы уже в плену у большевиков. Слышал даже их голоса, приказания и пр. Затем я слышал выстрелы и видел на снегу трупы расстрелянных. Ночь была полна кошмаров.

На следующий день, 2 февраля, к нам присоединился полк. Только когда я собственными глазами увидел Львова, Маклакова и всех своих, я понял, что накануне бредил. В час дня мы выступили, и снова я стал забываться. Мне всё время казалось, что справа и слева от нас движутся лавы красных и их пулемёты.

Вечером прибыли в Артировку, а на следующий день сделали огромный переход до селения Мокрое. Селение оказалось занятым другими частями. Мы набились в одну хату и заснули только поздней ночью. Стали подсчитывать свои потери. Исчезли

полковник Кусов, штабс-ротмистр Чайка и Болдырев, а также много драгун. Про Болдырева известно, что он по льду перешёл в Румынию. Многие под Беляками потеряли свои вещи. Я дал смену белья Тускаеву.

Утром 4-го настроение было мрачное. Нам предстоял последний опасный переход, но зато приходилось переходить через полотно железной дороги, где, говорят, были сильные большевицкие части и ходили бронепоезда. Ходили зловещие слухи, что передовые обозы целиком уничтожены противником.

Постепенно выясняется, кто с нами отступает. Идут: 42-й Донской, Лабинский, 2-й Конный, 3-й Конный <полки>, Волчанский отряд и ещё из кавалерии всякая мелочь – партизаны и т.д. Из пехоты: Сводно-гвардейский, Белозёрский, Симферопольский офицерский и ещё другие <полки>. Кроме того, артиллерия почти без орудий и бесконечное количество команд разных бронепоездов, штабы Бредова и др., этапы и пр.

Переход через железную дорогу вовсе не оказался роковым для нас. Путь был взорван 42-м Донским, бронепоезд был нами обстрелян. Кавалерия прикрывала фланги, и все обозы благополучно прошли. Дальше начались горы. Мы с трудом перевалили <через> несколько хребтов и к вечеру прибыли в д. Красненькое. Это было 4 февраля.

5 февраля начались личные мои неудачи. Я всё время ехал с корнетом Вишневским. Соседство не из приятных, должен сознаться. Во-первых, он всё время дремлет, завёрнутый с головой в одеяло. Во-вторых, на нём столько вшей, что они не только сидят в его белье, но даже бегают снаружи по его полушубку. В какой-то деревне мой экипаж и экипаж Тускаева оторвались от остального обоза. Мы сейчас же заблудились и попали в густой лес. В скором времени увидели костры – это были 5-й и 6-й эскадроны, тоже отставшие от полка.

Во всякое другое время я бы оценил красоту картины. Огромные костры, вокруг них люди в бурках, разноцветных башлыках, в живописных позах греются и подбрасывают новые пучки соломы и хвороста. Старые огромные дубы тесно обступают полянку и полуразрушенный домик лесника. И иней, густо покрывающий их толстые корявые ветви, блестит и сверкает при свете огня. Что-то вроде этого есть в «Жизни за царя» [53], где поляки ходят взад и вперёд, звякая саблями и бердышами, в таком же густом и мрачном лесу. К довершению сходства появился и «Сусанин» в образе деревенского парня. Он увёл куда-то эскадроны, а мы снова отстали и всю ночь проблуждали в лесу.

Под утро снова очутились в той деревне, где были вечером, и проспали оставшиеся до рассвета два часа на краю в тесной

лачужке. Утром проехали через Алексеевку, где ночевал полк; здесь Тускаев уехал вечером и оставил меня одного. Вокруг меня начали группироваться оставшиеся повозки – офицерские вещи, патроны, часть околотка и т.д. За деревней попали в огромную балку. Сломались все четыре рессоры; стояли часами затёртые, как во льдах, среди тысяч повозок чужих обозов. К счастью, яркое солнце немного веселило душу и придавало бодрости.

Лишь ночью я прибыл в с. Студёное. Квартир уже почти не было. Спал с Даниловым и конюхами. 7-го двинулся дальше. В первой же деревне опять наткнулись на крутой и бесконечный подъём. Обозы застряли, и мы провели почти целый день на преодолении этого подъёма. Вечером случайно узнал, что полк стоит близко – в 5-ти верстах в с. Требушовка [54]. Немедленно пустились в путь, и к темноте я был уже среди своих. Какая это была радость!

Дальше шли почти без приключений. 8-го были в деревне Джугастра. 9-го – в Боровках. 10-го – в Озаринцах. 11-го – в Жеребиновке. 12-го в Житниках. Всё это были большие селения, и почти в каждом было разорённое имение. Эти имения были почти все польские. Некоторые прямо грандиозные – с дворцами, дивными парками и службами.

Почти каждая деревня находится в глубокой долине. Спуск к ней и подъём при выезде из неё представляют препятствия, на преодоление которых ежедневно тратится часа три-четыре. Одна из деревень, именно Житники, представляет собой уже настоящую картину Швейцарии. Домики лепятся на склонах каких-то глубоких пропастей, на дне которых бегут горные ручейки. Жители здесь одеваются в национальные костюмы; женщины в вышитых красивыми узорами рубашках. Чувствуется уже близость Галиции и Буковины.

На следующий день мы достигли местечка Новая Ушица, где наконец встретились с польскими войсками. Одеты они во французское обмундирование ярко-голубого цвета. И признаться, вид у них весьма опереточный, но, в общем, одеты они чисто и аккуратно. Физиономии у них розовые и раскормленные, и рядом с нашими солдатами, ободранными, худыми, обтрёпанными и покрытыми с ног до головы засохшей грязью, эти чистенькие, вымытые, подтянутые, хорошо одетые солдатики выигрывают. Но это именно на вид, по крайней мере, не солдаты, а «солдатики». Видим и офицеров. В общем, у наших куда более боевой вид и, вообще, в наших чувствуются бойцы, чего нельзя сказать про поляков.

Ночевали отвратительно – без фуража и голодные. 14-го прибыли в Ставчаны. 15-го в местечко Замехов. Местечко

разгромлено казаками и на две трети сожжено. Жиды частью бежали, частью перебиты, достать ничего нельзя. Вообще, картина полного разрушения. Первый раз мы попали на хорошую квартиру. Ели чудесный липовый мёд и спали сном праведных.

Теперь я езжу с Гоппером в другом экипаже, Вишневский имеет уже слишком много вшей. 16-го прибыли в с. Дашковцы. Квартира чудная. Львов как-то говорил, что лозунгом или, вернее, девизом здешних хозяев является слово «нема». Нема молока, нема яиц, нема хлеба и т.д. В Дашковцах в первый раз слово «нема» не было пущено в ход. Появилось сливочное масло, хлеб, молоко, сметана, яйца. Словом, в результате все объелись и на следующий день имели вид подавленный.

17-го была ложная тревога. Обоз, и в том числе наш экипаж, выехал версты за три, простоял под страшным ветром и вернулся затем снова на старые квартиры. Мы всё время в непосредственной близости от неприятеля. Уже пятый день, как правее нас стрельба из орудий и расстояние до противника то 10, то 15, то 8, а сегодня всего 3 версты. Поэтому мы несём очень тяжёлую сторожёвку. Эскадроны соединены по два. Один Тверской (Первый сводный эскадрон), один наш (3-й + 4-й) и Северский. Нашим командует Львов, помощником его Юрий Абашидзе, 1-м взводом командует Люфт, 2-м – Маклаков, 3-м – Старосельский (3-й взвод – это жалкие остатки 4-го эскадрона). Остальные офицеры несут солдатскую службу в строю. У них в строю: Чухнов, Каниболотский, граф Шамборант 2-й, Беднягин. Кроме них, много присоединившихся к нам по дороге офицеров разрозненных частей, бронепоездов и т.д. Фамилий их я даже не знаю. Пулемётов у нас 7. Ими заворачивает Фиркс.

Отправили больных. Уехали: Тускаев, Исаев, Беднягин, кн. Туганов и много других. Их поместят в польские лазареты, а затем они хотят удрать в Россию. Янович уехал в Ковно, уехали и Михайловский, и Томсен. Не знаю уж, умно или глупо сделал я, что не поехал тоже. Будущее покажет.

Теперь всё, что было пропущено из-за моей болезни, записано. Конечно, многое пропущено, постараюсь снова правильно вести дневник.

с. Женишковцы
18 февраля 1920 г.

Вот и селение, предназначенное нам для отдыха. Хорош будет отдых, нечего сказать: противник находится от нас в 4-х верстах, а его передовые части, как сказано в вечернем приказе, в 1-й версте (!!!??!). Последнее уже как-то даже странно. Но лошадей не рассёдлывали, и обозные лошади были всю ночь в

хомутах.

с. Женишковцы
19 февраля 1920 г.

Ночь прошла спокойно. Наступили чудные дни: солнце, тепло, всюду с весёлым журчанием мчатся ручейки. И снег почти исчез. Зато грязь прямо потрясающая.

Только что узнали радостную новость. Оказывается, нас перебрасывают на Северный Кавказ. При этом сначала будут отправлять больных и раненых, и, вероятно, в том числе поеду и я с Гоппером.

Единственно, что меня смущает, это то, что Румыния уверяет, что у неё нет достаточного количества перевозочных средств и фуража и потому она забирает себе лошадей – у казаков она покупает их по 3 000 марок или больше; офицерам дозволяется провести собственных лошадей. Оружие складывается в особый вагон и выдаётся в порту. Попов заявил, что он лучше пойдёт в поход, нежели бросит лошадей. Говорят, он едет в Варшаву. Словом, всё это ещё не скоро.

Сегодня ходил с Фирксом и Гоппером в разрушенное имение генерала Исакова и забрал много книг.

с. Женишковцы
20 февраля 1920 г.

Несём очень тяжёлое сторожевое охранение. Три заставы по 15 человек при 3-х пулемётах. На следующий день 3 разъезда по 10 коней. Ежедневно перестрелки ружейные и пулемётные, так как наши посты видят посты красных.

с. Женишковцы
21 февраля 1920 г.

Осматривал разграбленное имение генерала Исакова. Дом огромный, но безвкусно устроенный. Много книг и журналов, много французских романов.

с. Женишковцы
22 февраля 1920 г.

Лошади подправились, да и мы отошли немного. Ежедневно орудийная стрельба, сегодня особенно сильная; похоже на атаку. На постах сторожевого охранения оружейная и пулемётная стрельба.

с. Женишковцы

23 и 24 февраля 1920 г.

Ежедневно утром пулемётная стрельба. Большевики становятся наглыми.

с. Женишковцы

25 февраля 1920 г.

Скука адская, единственное занятие – еда. Что делается на Ростовском фронте, не знаю. Может быть, там уже всё кончено и игра проиграна. Поговаривают, что в Сибири победа красных полная, даже утверждают, что Верховный Правитель – то есть адмирал Колчак – взят в плен и расстрелян.

Была тревога. Красные сделали что-то вроде демонстрации против сторожевого охранения, которое было от тверцев, и тверцы отошли. Обоз выехал, едва не застрял в грязи при выходе из деревни и только ночью вернулся.

с. Виньковцы

26 февраля 1920 г.

В два перехода прибыли в «тыл». В Женишковцах нас сменили волчанцы-партизаны. Выступил сначала обоз часов в 7 вечера и прибыл на ночлег в 2 ночи, сделав… 4 (!!!) версты и потеряв 1 экипаж и 2 фургона. Ночью местные большевики сделали нападение на людей, оставшихся при экипаже, и обратили их в бегство. На следующее утро полк, проходя по тем же местам, захватил человек 8-10 этих господ и уничтожил их.

Вот, кстати, выдержка из приказа командира полка, где говорится про нашу дальнейшую судьбу:

«По соглашению с Польским командованием, с 24.II началась отправка в тыл нашей Армии (громко!), причём через Ярмолинцы, где будет происходить сдача огнестрельного оружия, будет проходить 1000 здоровых + 500 больных.

В Ярмолинцах мы получим польский обед и забираем продовольствия на 4 дня. В тот же день войска выступают дальше на Городок, где будет баня. Из Городка после бани наши войска перейдут в Гусятин, где назначен карантин. Сначала пойдут части 2-го корпуса, затем Гвардия, группа генерала Шевченко и группа генерала Склярова».

Кстати, говорят, что Сербия и Болгария объявили войну Румынии.

с. Виньковцы

27 февраля 1920 г.

Пробудем, кажется, долго. Вчера провели телефон на нашу квартиру. Вечером в приказе по полку командир полка сообщил, что в Гусятин мы не поедем, а пойдём или в район Калиша, или Кракова, или Перемышля (??). Что-то всё это мало понятно.

Получили известие, что бедный Бородаевский жив, но что ему ампутировали обе руки, которые он отморозил себе на лимане.

с. Виньковцы
28 февраля 1920 г.

С утра сильная артиллерийская, пулемётная и ружейная стрельба. На всякий случай поседлали <лошадей>. Оказывается, «товарищи» решили перейти в наступление, но немного неудачно выбрали момент, именно: когда происходила смена полков 42-го Донского и 2-го Конного генерала Дроздова [55]. Таким образом, они наткнулись сразу на 2 полка, и их основательно потрепали – забрали пленных и т.д.

с. Виньковцы
29 февраля 1920 г.

Противник обстрелял наше сторожевое охранение. Прибыл батальон польской пехоты.

с. Виньковцы
1 марта 1920 г.

Ходим в разъезд в д. Дашковцы, где мы когда-то стояли. Расположились на окраине деревни, в то время как другую занимали «товарищи», но столкновения всё же не было.

с. Виньковцы
2 марта 1920 г.

Ходил на фуражировку с Борей Шереметевым, Гоппером, северцами и тверцами. Промотались целый день и вернулись уже в темноте.

Поляки роют вокруг Виньковцев окопы и для этого выгоняют на работу мужиков и жидов. Под Ушицей поляки переходят в наступление. Ходят слухи (из польских источников), что Добрармии уже нет. Если это так, то наше дело плохо. Впрочем, мало ли что врут.

м. Солобковцы
4 марта 1920 г.

Опять зима. Выстроились около штаба в 8 ; утра. Накануне Попов говорил по телефону с генералом Бредовым. Оказывается,

отношение поляков более чем корректное, и все слухи про то, что при разоружении они грабят, ложные и создаются с целью, чтобы драгуны продавали вещи жителям.

Когда мы выстроились, прибыл командир польского полка, офицер русской службы. И пожелал нам счастливого пути. Когда он благодарил нас за совместную с поляками работу, то голос его дрогнул и он прослезился. Всё-таки как никак, а долгие годы на русской службе не прошли даром. Они наложили на него неизгладимый отпечаток, и грустно было ему видеть уход последних русских полков.

Вот и кончилась наша работа на фронте. Может быть, уже никогда не придётся мне воевать, и последний раз ходил я в разъезд? Кто знает? Пять лет воевал я – потерял за это время веру в людей, здоровье, энергию. Да мало ли что потерял! Пять лет молодости.

Пять лет молодости – лучшие годы жизни – истрачены без пользы в бесплодном шатании по деревушкам, городкам, лесам и пустыням в стужу, жару и проливной дождь. И теперь всему этому конец. Выброшен, можно сказать, за борт.

м. Городок
5 марта 1920 г.

С тяжёлым чувством выступили мы из Солобковцев. Что нас ждёт впереди?

День хороший. Яркое солнце согрело землю, и уже пахнет весенним запахом, в котором смешиваются и запах тающей земли, и снега, и ещё какие-то почти неуловимые и неизвестные ароматы.

Вот в лощине станция Ярмолинцы. Вьётся дымок паровоза. В декабре и ноябре 1915 года я уже был в этих местах. Ярмолинцы, Фельштин, Новое Село, Выхватинцы – всё это знакомые места. Но какая разница во всём! Какими гордыми победителями мы были тогда; какой это был полк! А теперь? Почти что пленники, эмигранты…

У станции началось наше разоружение. С обеих сторон нас окружили поляки, преимущественно уланы 8-го и 9-го полков. Вид у них нарядный. Часть одета в тёмно-синее с жёлтым, часть в серое сукно. На головах – кивера-конфедератки [56], сбоку тяжёлая блестящая сабля. У всех или австрийские карабины, или немецкие. У пехоты, одетой в серо-голубое французское сукно или в серо-оливковое – австрийское, пехотные французские винтовки, довольно старого образца. Надо отдать справедливость полякам: оружие у них в идеальном виде.

Проходим через две шеренги улан и отдаём шашки и винтовки (кроме шашек азиатского образца). Офицеры сохраняют своё оружие. Потом начинается отмечание лошадей. Лошадей проводят мимо офицеров особой приёмной комиссии и клеймят. Буква К – кавалерия, А – артиллерия и Т – табор, то есть обоз. Кавалерийских лошадей у нас тут же отбирают, так же как и сёдла. Потом мы выстраиваемся группами по 100 человек и идём обедать. На обед – каша, по 3 селёдки и 1 банка консервов на 3 человека. Хлеба не дают.

Так тянется часов до 8 вечера. Уже в темноте двигаемся и делаем переход в 20 вёрст до Городка. Часть людей идёт пешком. Приходим ночью. Люди и лошади помещены отвратительно. Часам к 3-м засыпаем, мрачные, голодные, злые на поляков. Могли бы лучше всё это обставить, что и говорить.

с. Ольховка
6 марта 1920 г.

Сделали переход в 30 вёрст и прошли мимо Гусятина. Кругом горы: видно, начинаются предгорья Карпат.

Нам выдали продукты. В день на человека по ; баночки консервированной американской солонины и по 1/5 хлеба. Кроме того, немного кофея. Конечно, на это прожить нельзя, и потому придётся пограбить жителей.

с. Ольховка
7 марта 1920 г.

Мы начинаем слегка голодать. Вчера, например, утром ели суп из одной утки, а нас было человек 10 – не меньше. Вышло по неполной тарелке и микроскопическому кусочку на брата. Днём пили чай с кусочком хлеба, а вечером хлеба уже не было, и поели картошки, что не особенно питательно.

Львов, правда, продал ещё до разоружения наши экипажи и часть лошадей, но эти деньги он бережёт на будущее, так как пока что голода ещё нет, просто приходится отвыкать от прежнего обжорства.

Правда, приезжают к нам из Гусятина торговцы, но за белый хлеб и колбасу они берут только кроны, марки и николаевские и притом спекулируют. Керенки, донские [57] и деньги Добрармии не ходят вовсе.

с. Ольховка
8 марта 1920 г.

Очень скучно и голодно. Поляки определённо считают нас чем-то вроде военнопленных и, по-видимому, воюют они не

столько против большевиков, сколько против России.

Наша «эвакуация» затягивается ещё на 4 дня. Говорят, что перебрасываются польские войска на Галицию. Для чего?

Поляки определённо морят нас голодом. Сегодня я ложусь спать на голодный желудок. Хлеба не выдали, мяса выдали так мало, что противно смотреть. Брать нельзя, а покупать не хватит денег. Что будет, когда у солдат кончатся деньги? А это будет скоро…Уже между ними ходят разговоры, что, мол, напрасно в своё время не перешли к большевикам и т.д. Господи, сколько ещё испытаний впереди!!

с. Ольховка
9 марта 1920 г.

Какая тоска! Прямо умереть да и только. На войне, когда нечего делать, остаются мелкие утехи человеческой жизни: курение, еда, спаньё и пр. Спаньё, конечно, остаётся – его не отберёшь, но табака нет, и приходится забыть про этот приятный порок. Насчёт еды плохо, пробавляемся картошкой.

Командир полка послал меня в Гусятин к генералу Фалееву за новостями. Новостей и приказаний нет. Сам Гусятин наполовину разрушен ещё в прошлую войну. Когда я возвращался обратно по мокрому осклизлому шоссе мимо полуразрушенной снарядами церкви, у меня невольно как-то сжалось сердце. Всюду грязь, разрушение; бесконечные ряды проволочных заграждений – старых, гниющих; никому уже не нужные окопы, залитые водой, обросшие травкой. Кое-где братские могилы.

Для кого и во имя чего умирали эти люди на этих мокрых и неприветных полях? Теперь холодный ветер расшатывает почерневшие от сырости кресты и завывает в разрушенных домах. Грустно всё это. Тоска.

Питаемся слухами. Говорят, в Москве восстание и переворот. Особенно этому не верю. Вчера был в Гусятине. Пообедал вкусно и даже с коньяком в маленьком кабачке. Обошлось это нам (нас было 9 человек) в 1300 крон, т.е. на донские деньги 27 000 рублей (!!!).

Сегодня уходит первый эшелон нашего полка в Стрый (1-й и 3-й эскадрон). Мы идём, кажется, завтра.

с. Ольховка
10 марта 1920 г.

Пехота начала грузиться. Больных отправили во Львов.

с. Ольховка
11 марта 1920 г.

Сдали остаток лошадей. Донские деньги, т.н. «колокольчики» (на деньгах Добрармии изображён Царь-колокол), которые ничего не стоили, теперь поднялись. Сначала 15 р. за тысячу (!!!), потом 20 р., теперь они стоят уже 45 р. Это уже хороший признак.

с. Ольховка
12-20 марта 1920 г.

17-го застрелился тверец, барон Врангель. Он был болен тифом и, говорят, застрелился в бреду. Пуля прошла через рот и вышла около позвоночника. Он жил ещё с ; часа. Очень жаль его: он был храбрый офицер и красивый молодцеватый парень. 20-го выступили в 7 часов утра. Как всегда бывает при всех посадках и погрузках, пошёл дождь, мелкий, совсем не весенний.

У польских комендантов беспорядок такой же, как у наших. Повели солдат в поезд-баню, где вода оказалась холодной, и дали подобие ужина. Наконец, под вечер поехали.

г. Станиславов
21 марта 1920 г.

Едем по историческим местам, где в 1914 и 1915 году шли страшные кровопролитные бои. Что ни станция, то историческое название: Станиславов, Гусятин, река Збруч, Бучач… Все геройские эпизоды Великой войны, славные страницы нашей истории; какими трудами всё это было захвачено. Даже теперь, видя по пути непрерывные ряды глубоких, местами бетонированных окопов, с траверсами и ходами сообщений, можно судить о том упорстве, с каким наши войска наступали. Местами ещё до сих пор земля усеяна стаканами снарядов и изрыта тяжёлой артиллерией. Колючая проволока, почерневшая от ржавчины, уже давно собрана крестьянами в огромные клубки; но и теперь, безобидная уже и бесполезная, она страшна, напоминая чёрных сплётшихся змей.

Здесь уже чувствуешь себя за границей. Часто встречаются австрийские кепи. Домики почти все свежевыстроенные: видно, старые разрушены были в своё время артиллерией. Поляки сегодня нас совсем не кормили; вообще, положение неважное.

г. Львов
24 марта 1920 г.

Нас пропускают на улицу и в соседний парк. Это, конечно, пустяк, но всё же скрашивает наш «плен». Парк хороший, тенистый. По его аккуратным дорожкам гуляют благонамеренные австрийцы, менее благонамеренные поляки и наши «деникинцы» (так называют нас поляки). В парке памятник какому-то

польскому патриоту [58]; внизу шоссе, ведущее в город.

Вчера многие наши офицеры удрали уже в город, миновав рогатки с охраняющими их добродушными часовыми. Сегодня уже стало строже, так как вчера многие вернулись в пьяном виде и, кажется, со скандалом. Удивительно, как наши не умеют себя вести!

Сейчас вернулся из города. Должен сознаться, что, как говорится, «малость» не подвезло на этот раз. Так как сегодня пропусков не выдавали, то пришлось пробираться с массой предосторожностей. Во-первых, разделились на две группы, чтобы не так бросаться в глаза. Во-вторых, пустились окольными путями. Первый часовой (у ворот) пропустил безнаказанно; другой (у рогатки) посмотрел несколько косо, но всё же не задержал. Спустились до трамвая. Здесь первый скандал: вооружённый жолнеж [59] разом задержал нас и воротил назад. Но мы не пали духом. Пустились окольными улицами и благополучно минули четвёртого часового.

Город очень красив. Огромные церкви и здания, красивого стиля. Прекрасная площадь с памятником какому-то крулю Яну [60]. Против памятника здание городского театра. Вообще, совсем европейский город, но противно то, что много жидов. Жиды здесь ходят в длинных пальто с пейсами – словом, совсем библейский вид.

Побродили немного по городу и решили подзакусить. Тут-то скандал и вышел. К нам подошёл «элегантный штатский» с рыжими усами, торчащими, как у кота, и любезно предложил пройти к коменданту. Мы приняли по возможности непринуждённый вид и «проследовали». Комендант, любезный немец, хотел было отправить нас домой с часовым, но мы дали слово самим дойти и благополучно ретировались.

Оказывается, наши вчера опять учинили какой-то дебош со скандалом, и сам генерал Промптов просил польские власти не пускать офицеров в город. Стыдно за наше русское хамство. Не могут вести себя прилично.

Вторую нашу группу – кн. Абашидзе, Старосельского, Гоппера и гр. Шамборанта тоже арестовали и отправили домой.

г. Львов

25, 26, 27 марта 1920 г.

Жизнь наша течёт по-прежнему однообразно. Ещё один эшелон ушёл на север. Скоро будет и наша очередь.

В Варшаву приехал генерал Шиллинг, так доблестно бросивший нас под Одессой. Он тоже ведёт какие-то переговоры с Пилсудским и польским командованием. Третьего дня дверь

нашего помещения открылась и к нам вошла какая-то личность в невиданном дотоле мундире. На голове кепи вроде польского, серо-зелёного цвета; вокруг околыша обвиваются два толстых золотых жгута, а спереди вместо польского орла – сильно выпуклая золотая кокарда русского образца, но более круглая. Шинель приблизительно такая же, как и у поляков, но на тесаке… нечто совершенно неожиданное – русский георгиевский темляк!!!

Личность заговорила по-украински и предложила украинцам поступать в войска генерала Омельяновича-Павленко, которые борются с большевиками и уже заняли Умань, Черкассы, Елисаветград и Екатеринослав, названный теперь Сечеславом. Бедный Екатеринослав.

г. Львов

28 марта 1920 г.

Погода стоит прекрасная. Нас повели в баню. Баня выстроена ещё русскими в 1914-1915 годах. Она очень хорошо оборудована. Имеется дезинфекция, где все вши убиваются на месте.

После бани я пошёл с графом Шамборантом в город, выпил кофея с сахарином и съел хлеба с отрубями. Однако на обратном пути меня ссадили с трамвая и под охраной часового отправили на гауптвахту. Там коменданта не было, и потому обошлось без отеческого внушения. Меня встретили как старого знакомого, дали пропуск и отправили домой.

Сегодня нас не пускают (не говоря про город) даже в парк. За проволоку выйти немыслимо. Часовые удвоены и даже утроены.

г. Перемышль

29 марта 1920 г.

Покормили нас супом из капусты с мясом, настолько тухлым, что вся казарма наполнилась вонью, и посадили в вагоны. Вернее, не посадили, а напихали по 30 человек (без нар) в вагон. Хлеба, конечно, не дали.

Вечером было ужасно тягостное столкновение с комендантом станции. Тяжело иметь дело с победителями (хотя нас они и не побеждали), но с заносчивыми и самодовольными хамами совсем невыносимо. Началось с того, что нас заставили выждать, чтобы «дать нам понять». Потом по телефону говорилось по-польски (якобы, мы не понимаем), что надо «накормить какой-нибудь дрянью этих дорогих союзников»… Потом на замечание Львова, что нас буквально морят голодом, польский солдат вдруг заорал, что «нас вы в 1914 году вешали (?), так теперь сидите смирно» и т.д. Всё это в присутствии польского офицера. Когда Фиркс ему заметил, что мы всё-таки союзники и вместе воевали, он только

презрительно пожал плечами.

Всё это действует на нервы, тем более что самолюбие наше давно уже страдает. Видеть грубое отношение какой-то 23-летней польской обезьянки, затянутой в узкий мундир какой-то тыловой крысы, к герою кн. Львову, Георгиевскому кавалеру, – это приводит меня в бешенство.

Вечером нас также не кормили. Сегодня первый день Пасхи. Невольно проносятся в памяти все предыдущие Пасхи, такие светлые, радостные, полные веселья и оживления. Вспоминаются огромные пасхальные столы, на них рядом с барашком из сливочного масла лениво возлежал заливной поросёнок, красовалась фаршированная индюшка, окорока всех сортов – и варёный, и копчёный, и цельный, и маленький без костей. А язык? А колбасы всех сортов? Уж не стану говорить про куличи, бабы, пасхи сметанные, творожные, ванилевые, сливочные, с изюмом, цукатами и классическим маленьким розаном, похожим скорее на камелию, нежели на розан, воткнутым в самую вершину.

Сколько во всём этом было поэзии и своеобразной красоты! Как горели пёстрые яички, когда скользили по ним солнечные лучи… Красные, синие, зелёные, жёлтые, они красивыми сочными пятнами оживляли и без того пёстрый стол, уставленный цветами. И погода как-то всегда устанавливалась ясная, солнечная, свежая от ещё не совсем стаявшего снега.

А может быть, всё это и не было так хорошо, как кажется теперь, и кажется всё это так мило только потому, что это было в прошлом, в детстве, когда всё скрашивается жаждой жизни и беспечной весёлостью. Длинный пост, мрачные в своём грустном величии службы, невольный трепет перед исповедью, умилённая торжественность причастия, любовь и ласка от всех, подарки и наконец впереди после экзаменов каникулы, деревня, поля, леса, купание в светлой, быстрой реке, прогулки верхом в свежем лесу, ещё сыром от ночной росы…

Боже, как это всё хорошо! Милое детство, невозвратные годы, как грустно, что они не повторятся!

г. Краков
30 марта 1920 г.

На нас смотрят как на диких зверей. Это и забавно, и обидно. Толпа всегда была и будет равнодушной и жестокой. Что может быть, в сущности, противнее сытой нарядной толпы, гуляющей под звуки весёлого оркестра и с любопытством рассматривающей толпу оборванных, грязных и полуголодных людей, почти пленников? А наши люди действительно имеют теперь жалкий вид. Английское обмундирование порвалось, истрепалось,

покрылось пятнами и заплатами. Лучшие вещи давно проданы: проданы и нарядные полушубки, и вообще зимние вещи, а летние ещё не получали.

Вчера накормили нас только утром кофеем, затем люди целый день ничего не ели и получили обед только ночью в 11 ; часов!

Вообще наш русский солдат никогда не умел одеваться. Взять хотя бы англичанина: будет себе носить свои вещи – правда, они сделаются рваными и мятыми, но хулиганского вида у него никогда не будет. Наш же «серый герой» ухитряется так напялить на себя тот же английский френч, что похож на куль муки, а через месяц уже у него такой вид, что с ним страшно встречаться в тёмном углу. Иностранный солдат, идя в место, где его увидит народ, подтянет пояс, отряхнётся от пыли, оденется, вычистит сапоги, наш же как был без пояса, с расстёгнутым воротником, с развязанными башмаками и надетой криво фуражкой, так и пойдёт, находя как будто в этом даже особенный шик или какую-то лихость.

ст. Лодзь
31 марта 1920 г.

Проезжаем через места, где в 1914 году воевали наши нижегородцы. Стояли на станции Колюшки, около которой была знаменитая атака нашего полка (главный удар приняли на себя 4-й и 5-й эскадроны под командой ротмистров Наврузова и кн. Чавчавадзе [61]).

Сидя в вагоне, мы не без некоторого благоговения смотрели на те самые луга, поля и перелески, где когда-то среди свиста пуль, размахивая шашками, неслись наши нижегородцы. Так и мерещится эта картина, и как будто слышится храп лошадей и громкое ура, смешанное с самыми последними ругательствами. Словом, всё что полагается в атаке – и красивое, и уродливое; смесь геройского со смешным, где рядом с подвигом иногда кроется самая подлая трусость.

Козлов показывал нам все эти места и объяснял картину боя. Мы по очереди проехали мимо того хутора, где раненным упал Наврузов, мимо леса, куда «уклонился» в своё время Кесарев: атака была ведена издалека с 4 ; – 5 вёрст. Вот элегантный домик – вернее, лесная дачка, – где был перевязочный пункт и где мучились наши раненые. Вот, наконец, и конечная цель атаки: германская батарея, скрытая в лесу. Лесок ещё молодой, сосновый; лишь кое-где среди молодняка возвышаются старые сосны. Наши проскакали тогда и через поле, и через лесок, уничтожая всё на своём пути.

Невольно вспоминаю я самую страшную атаку изо всех тех, где я участвовал, – атаку под Ново-Александровской (или Гапсином) – и сравниваю её с атакой 19 ноября 1914 года под Колюшками. Конечно, моя атака в смысле потерь с нашей стороны была менее кровопролитна, но ещё неизвестно, где забрали больше пленных и где зарубили больше неприятелей. И там, и здесь атака велась издалека, в обоих случаях неприятель имел прекрасный обстрел и защищался до последней минуты с крайним упорством и с мужеством отчаяния. Наконец, для довершения сходства, оба раза наши после блестящей и доведённой до победного конца атаки вынуждены были отступить под напором неприятельской пехоты.

Сейчас уже вечер, тёплый, почти летний. Мы целый день занимались кухней – драгуны украли картошки с соседнего поезда. И так как господа поляки сегодня нас совершенно не кормили, пришлось изощряться в приготовлении всевозможных картофельных комбинаций. Голодное время, что и говорить.

ст. Скальмержице
(Skalmierzyce)
1 апреля 1920 г.

Мы переехали границу бывшей России ночью и теперь стоим в германской Польше. Забавно слушать разговоры поляков, когда речь касается Германии. Это целые обвинительные речи, настоящие потоки самой отборной брани. Редко видывал я где-нибудь такую ненависть одного народа к другому. Посмотрим, что будет дальше.

Лагерь Щалково
Oboz Szalkow
2 апреля 1920 г.

Идём страшно медленно. Кругом аккуратненькие немецкие городки и местечки. Поля тщательно обработаны, и мы не можем не любоваться на хорошо содержащихся, вычищенных рабочих лошадей, которые вдобавок и в хорошем теле. Хозяйство больше хуторское.

Вот и Szalkow, где нам предстоит выдержать ещё один карантин, так как львовский карантин, в сущности, карантином назвать нельзя; здесь, говорят, будет очень строго и уходить из лагеря не придётся.

Идём пешком две версты от станции до лагеря. В лагере уже немало раньше нас прибывших деникинцев, и потому население особенно нас не рассматривает. Кроме нас в лагере, по-видимому, есть большевики и петлюровцы. Здесь и наши 1-й и 3-й

эскадроны, то есть тверцы и северцы, а также штаб полка, Шереметев, Попов, Голицын, кн. Туганов, Хуршилов, Стецкевич и другие наши главковерхи.

Встреча радостная: они рассказывают нам про Стрый, как они голодали, как им давали лишь капусту, да и то разбавленную водой, так что было больше воды, нежели капусты. Мы им рассказываем про Львов: о том, как тоже голодали, как потихоньку удирали в город, как нас ловили и торжественно водили к коменданту для внушения. В конце концов после долгих сравнений и споров единогласно решаем, что всё-таки Львов был несравненно лучше, так как в нашем распоряжении был чудный сосновый парк и так как нам кроме той же капусты давали, в минимальных, правда, дозах, повидло, затем, по 5 папирос в день на человека и хлеб.

Пока мы болтали, подоспело обеденное время и принесли суп. Суп, надо ему отдать справедливость, прекрасный: густой, сытный, с мясом. И после львовской и стрыйской капусты мы облегчённо вздохнули. Вообще, здесь всё «обилием дышит» и цены соответственно гораздо ниже львовских и гусятинских. Например, на станциях хлеб стоит 2-3 марки! Но какой хлеб – чуть ли не в аршин длиной и фунта 4 с лишним весом и почти белый! Конечно, цены, по которым хлеб продают у бараков, гораздо выше – тот же хлеб стоит 7 марок, сигары (папирос нигде достать нельзя) 3 марки, 4 марки, если она побольше.

Здесь мы временно, вероятно, всего день, до тех пор, пока нам не сделают бани и полной дезинфекции всех вещей. После этого мы попадём в специальные офицерские бараки, где уже будем отделены от драгун. Кроме командира полка никто не будет иметь возможности видеть эскадроны.

Лагерь Щалково
3 апреля 1920 г.

Лагерь представляет собой настоящий город с улицами, площадями, переулками, церквями и даже театром. Как и во всяком уважающем себя городе, есть в нём более шикарные кварталы, где живёт наша лагерная аристократия – штабы, «генералитет», офицерство хороших полков и т.д. Есть кварталы похуже – это те бараки, где находятся офицеры менее шикарных полков, разных Белозёрских, Симферопольских и других. Есть кварталы совсем нешикарные, окраины «города», там живут наши солдаты-добровольцы.

Наконец, есть совсем мрачные улицы – там ютятся в полуподземных и мрачных бараках, словно в предместьях города, большевики и пленные галичане. Положение их незавидное:

грязные, оборванные, босые или в деревянных башмаках. Они ходят по лагерю, исполняя различные самые тяжёлые работы: возят в бочках нечистоты, копают картошку, работают в бане при дезинфекционных машинах, производят чистку лагеря – подметают, вывозят в вагонетках сор, скребут и чистят всюду кругом бараков. Поляки с ними обращаются как со скотами. Если большевик попадётся на пути «жолнежа», то самые страшные клятвы и ругательства сыплются ему на голову. Не дай Бог попасться им на глаза «пану капралу». Капрал – это тип с нашивками на погонах, что-то типа нашего вахмистра или, вернее, подпрапорщика. Капралы всегда очень важны и особой любезностью к нам не отличаются.

Солдаты-добровольцы тоже немного работают, но лишь постольку, поскольку это их касается: варят обед, чистят для этого картошку, бураки, морковь и другие овощи. Словом, наши, в сущности, ничего не делают. Большевики на положении почти рабов или рабочей скотины, про галичан я уже не говорю – более забитых и замученных людей я не видел.

Большевиков особенно мучить всё-таки нельзя – в Совдепии есть много польских пленных. И если здесь, в Щалкове, будет произведён слишком сильный нажим на пленных, то это сейчас же будет известно в России: информация поставлена у «товарищей» превосходно, и пленных там тоже будут преследовать.

Галичане беззащитны – часть их здесь и колеблется [62] в коммунистах. Часть тоже где-то болтается, и дела их неважны. За них некому заступиться, и поляки это знают и этим пользуются.

Лагерь очень большой, делится он на четыре части. В одной офицеры, в другой солдаты, в третьей «товарищи», в четвёртой, «новоукраинской», разные малоросские «товарищи», галичане и прочие народности.

Упоминаемые географические названия

Аджимушкай (Аджим-ушкай), посёлок в черте г. Керчи, в районе которого находятся обширные подземные каменоломни, где издавна добывался известняк-ракушечник для строительных целей.

Ак-Манай – название села Каменское до 1945 г., расположенного в Крыму в 100 км от Керчи на берегу Азовского моря.

Александровск, название города Запорожье до 1921 г.

Алексеевка, село в Ильнецком районе Житомирской области.

Артировка (Ахтырка), село в Чернянском районе Молдавии, ныне в Белгородской области России.

Аустерлиц, город в Австрийской империи, где 2 декабря 1805 г. в решающем сражении наполеоновская армия одержала победу над армией антинаполеоновской коалиции, куда входила Россия, ныне город Славков-у-Брна в Чехии.

Багдад, крупный древний город на реке Тигр, столица Ирана.

Багерово, посёлок городского типа в Крыму в 15 км от г. Керчи.

Батуми, город и порт в Грузии, на побережье Чёрного моря, столица Аджарии.

Белая Церковь, город, районный центр в Киевской области Украины, расположен в 80 км к югу от Киева.

Белград, столица Югославии, Сербии.

Белки, село в Попельнянском районе Житомирской области.

Беляевка, село, ныне город в Одесской области Украины, районный центр.

Бердичев, город в Житомирской области Украины, районный центр, в 43 км к югу от Житомира.

Бердянск, город, районный центр Запорожской области Украины, известный курорт.

Берн, столица Швейцарии.

Бессарабия, историческая область между Чёрным морем и реками Дунай, Прут, Днестр, восточная часть исторической Молдавии, в 1873-1917 гг. Бессарабская губерния России, в 1918-1939 гг. входила в состав Румынии, в 1939-1991 гг. – в состав СССР, с 1991 г. южная часть – в составе Украины, остальная часть в составе Молдовы.

Бече, дача Столыпиных в Литве близ Ковно (Каунаса).

Бобринская, железнодорожная станция в Черкасской области (г. Смела), ныне станция имени Шевченко.

Болячев, село в Брусиловском районе Житомирской области Украины.

Боровки, село в Винницкой области Украины.

Брусилов, посёлок городского типа в Житомирской области Украины, райцентр, в 85 км к западу от Киева, в 80 км к востоку от областного центра Житомир.

Буковина, историческая область в Восточной Европе, ныне отчасти расположена в Черновицкой области Украины, отчасти в Румынии.

Бучач, город в Тернопольской области Украины, районный центр, расположен в 72 км от Тернополя, известен с XIII века.

Бышев, село в Макаровском районе Киевской области Украины.

Варна, портовый город в Болгарии на Чёрном море, известный курорт.

Великий Карашин, село в Макаровском районе Киевской области Украины.

Вербов, село в Житомирской области Украины.

Вербовка, село в Городищенском районе Черкасской области Украины.

Вербовка, село в Ильнецком районе Житомирской области Украины.

Винницкие Ставы, село в Васильковской районе Киевской области Украины.

Виньковцы, посёлок в Хмельницкой области Украины, районный центр.

Водотый (Водотыи), село в Брусиловском районе Житомирской области Украины.

Вознесенк, город в Николаевской области Украины, районный центр.

Выхватинцы, село на реке Днестр в Рыбницком районе Молдавии.

Галиция, историческая область в Восточной Европе, расположенная на территории современных Ивано-Франковской, Львовской, Тернопольской областей Украины и в Польше.

Галлиполи, полуостров европейской части Турции между Саргассовым заливом Эгейского моря и проливом Дарданеллы. В 1920-1921 гг. после эвакуации Белой Армии из Крыма стал центром Белого движения. В 1921 г. образовано Общество галлиполийцев, существующее и поныне.

Гнилец (ныне Долиновка), село в Брусиловской районе Житомирской области Украины.

Гнилое, село в Молдавии.

Голта, село, пригород г. Ольвиополя Херсонской губернии (ныне г. Первомайска Николаевской области Украины), в настоящее время исторический район этого города.

Городок, районный центр в Хмельницкой области Украины.

Граденицы, село в Беляевском районе Одесской области Украины, близ границы с Молдавией.

Гросс-Либенталь, немецкая колония, ныне посёлок городского типа Великодолинское в Одесской области Украины.

Грузское, село в Макаровском районе Киевской области Украины.

Гусятин, посёлок в Тернопольской области Украины, районный центр.

Дашковцы, село в Виньковецком районе Хмельницкой области Украины.

Дедовщина, село в Фастовском районе Киевской области.

Джугастра, село в Крыжапольском районе Винницкой области Украины.

Дивин (Дивино), старинное село в Брусиловском районе Житомирской области Украины.

Днестр, река в Восточной Европе, впадающая в Чёрное море, протекает по территории Украины, Молдавии и Приднестровья.

Дубоссары, город в Молдавии на левом берегу реки Днестр, районный центр Приднестровья.

Екатеринодар, название г. Краснодара, краевого центра России до 1919 г.

Екатеринослав, название г. Днепропетровска до 1926 года, крупнейшего областного центра Украины.

Елисаветград, название г. Кировограда до 1924 г., областного центра Украины.

Еникале (Ени-Кале), мыс и крепость на берегу Керченского пролива в северо-восточной части г. Керчи.

Ерчики Жидовецки (Ерчики), село в Попельнянском районе Житомирской области Украины.

Женишковцы, село в Виньковецком районе Хмельницкой области Украины.

Жеребиновка, село в Винницкой области Украины

Животов (Новоживотов), село в Оратовском районе Винницкой области Украины.

Жидовцы, название села Чапаевки в Погребищенском районе Винницкой области Украины.

Житники, село в Винницкой области Украины.

Житомир, один из старейших крупных городов Украины, административный центр Житомирской области и Житомирского района.

Забелочье, село в Радомышльском районе Житомирской области.

Замехов, село в Новоушицком районе Хмельницкой области Украины.

Зарудницы, село в Ружинском районе Житомирской области Украины.

Збруч, река, левый приток Днестра на западе Украины.

Знаменка, город областного значения в Кировоградской области Украины.

Казатин, город в Винницкой области Украины, районный центр.

Калиш, старинный город в Великопольском воеводстве Польши, в Российской империи был центром Калишской губернии.

Карабачин, село в Брусиловском районе Житомирской области Украины.

Керчь, город в восточной части Крыма на берегу Керченского пролива, один из старейших городов мира.

Киев, столица и самый крупный город Украины.

Ковно, ныне Каунас, крупный город в Литве, центр Каунасского уезда, затем района, столица Литвы в 1920-1940 годах.

Кожанка, посёлок в Фастовском районе Киевской области.

Козичанка, село в Макаровском районе Киевской области Украины.

Койловка, село в Попельнянском районе Житомирской области Украины.

Колноберже, имение Столыпиных в Литве близ Ковно (Каунаса).

Колюшки, город в Польше в Лодзинском воеводстве.

Констанца, крупнейший город и морской порт на Черноморском побережье Румынии.

Корнин, посёлок городского типа в Попельнянском районе Житомирской области Украины, в 5 км от ж.-д. станции Кривое (на линии Фастов — Житомир) и в 60 км к юго-востоку от Житомира.

Королёвка, село в Попельнянском районе Житомирской области Украины.

Коростышев, город, районный центр Житомирской области.

Костовцы, село Брусиловском районе Житомирской области.

Котлярка, село в Попельнянском районе Житомирской области Украины.

Кочержинка (Кочержинцы), село в Уманском районе Черкасской области Украины.

Кочубеевка, село в Уманском районе Черкасской области Украины.

Кошляки, село в Попельнянском районе Житомирской области Украины.

Краков, крупнейший древний город в Польше, столица до 1610 г., ныне административный центр Малопольского воеводства.

Красненькое, село в Рыбницком районе Молдавии, в Приднестровье.

Кременчуг, город в центральной Украине на реке Днепр, районный центр Полтавской области Украины.

Кривое, озеро в Попельнянском районе Житомирской области Украины.

Кривое, село в Попельнянском районе Житомирской области Украины.

Ладыженское (Ладыжинка), село в Уманском районе Черкасской области Украины.

Лазаревка, село в Брусиловском районе Житомирской области.

Лидо ди Езоло, курорт в Италии, расположен в 36 км к северо-востоку от Венеции, у основания песчаной косы, отделяющей венецианскую лагуну от Адриатического моря.

Липки, село в Попельнянском районе Житомирской области Украины.

Лодзь, третий по величине исторический город в Польше, в 120 км к юго-западу от Варшавы, центр Лодзинского воеводства.

Лозовая, город в Харьковской области Украины, районный центр, крупная железнодорожная станция.

Лозовики (Лозовик), село в Макаровском районе Киевской области Украины.

Львов, крупный областной центр на западе Украины в 70 км от границы с Польшей.

Мариуполь, город на юго-востоке Украины, на берегу Азовского моря, крупный морской порт.

Махинджаури, поселение (ныне посёлок городского типа) в Аджарии, на Чёрном море, в 6 км от Батуми.

Маяки, село в Беляевском районе Одесской области Украины.

Минск, столица Белоруссии.

Митридат, гора в центре г. Керчи, где располагался древний город Пантикапей, названа в честь царя Митридата VI Евпатора.

Мокрое (Мокра), село в Молдавии, в Рыбницком районе Приднестровья.

Монастырище, город в Черкасской области Украины, районный центр и железнодорожная станция.

Монтрё, город в Швейцарии в франкоязычном кантоне Во, расположенный на берегу Женевского озера в 90 км от Женевы и в 40 км от Лозанны, один из самых престижных летних курортов.

Морозовка, село в Брусиловском районе Винницкой области Украины.

Мохначка, село в Попельнянском районе Житомирской области Украины.

Нестеровка, село в Маньковском районе Черкасской области Украины.

Новая Ушица, посёлок в Хмельницкой области Украины, ныне районный центр.

Новоалександровка (Ново-Александровка), село, ныне в Запорожском районе Запорожской области.

Новое Село, село в Ярмолинецком районе Хмельницкой области Украины.

Новороссийск, крупнейший город-порт краевого подчинения на Чёрном море в Краснодарском крае России, в 1895-1920 гг. центр Черноморской губернии.

Новочеркасск, город в Ростовской области России, столица Донского казачества.

Одесса, город на черноморском побережье Украины, административный центр Одесской области, самый крупный порт Украины, крупный промышленный, культурный, научный и курортный центр; узел шоссейных и железных дорог.

Озаринцы, село в Могилёв-Подольском районе Винницкой области Украины.

Олив, имение в Крыму близ Керчи, недалеко от Оливинской скалы, где расположены карьеры по добыче камня.

Ольвиополь, название г. Первомайска Николаевской области Украины до 1919 г.

Ольховка, село в Хмельницкой области Украины.

Париж, столица Франции.

Перекоп, город (до 1920 года) на Перекопском перешейке, образующем сухопутную связь между Крымом и континентом, стёрт с лица земли в результате сражения между Красной Армией и Русской армией генерала Врангеля, ныне рядом расположено одноимённое село.

Перемышль, город на юго-востоке Польши, вблизи границы с Украиной.

Пивни, село в Фастовском районе Киевской области Украины.

Полтава, город на Украине, областной центр, расположен в северо-восточной части страны, на Приднепровской низменности.

Попельня, посёлок в Житомирской области Украины, районный центр.

Радомышль, город, районный центр Житомирской области.

Ривьера, французско-итальянское побережье Легурийского моря, где расположены известные курорты: Канны, Ницца, Марсель, Генуя, Сан-Ремо и другие.

Рождественское, село в Крыму близ Перекопа.

Рожев, село в Макаровском районе Киевской области Украины.

Романовка, село в Попельнянском районе Житомирской области Украины.

Ростов-на-Дону, город в России, расположенный на юго-востоке Восточно-Европейской равнины, на берегах реки Дон, в 46 километрах от места ее впадения в Азовское море.

Рубченки, село в Володарском районе Киевской области Украины.

Севастополь, крупный город на Черноморском побережье Крыма, незамерзающий морской порт, военно-морская база Черноморского флота России и Украины.

Семь Колодезей, железнодорожная станция на Керченском полуострове, в пос. Ленино.

Середниково, имение Столыпиных в Московской губернии (ныне в Солнечногорском районе), парково-усадебный ансамбль конца XVIII — начала XIX века, одно из наиболее известных лермонтовских мест России.

Силезия, историческая область в Центральной Европе, большая часть входит в состав Польши, меньшая находится в Чехии.

Ситковцы, село в Немировском районе Винницкой области Украины.

Скальмержице, деревня и пограничная железнодорожная станция в Пруссии, где в 1919-1924 гг. был лагерь для военнопленных и интернированных.

Скерневице, город в центральной части Польши, в Лодзинском воеводстве.

Скрагливка (Скраглевка), село в Фастовском районе Киевской области Украины.

Соболёвка, село в Брусиловском районе Житомирской области Украины.

Соколивка (Соколовка), село в Васильковском районе Киевской области Украины.

Солобковцы, село в Ярмолинецком районе Хмельницкой области Украины.

Соловеевка, село в Брусиловском районе Житомирской области Украины.

Ставрополь, краевой центр на юге России, в 1777-1935 гг. Ставрополь-Кавказский, в 1935-1943 гг. Ворошиловск.

Ставчаны, село в Новоушицком районе Хмельницкой области Украины.

Станиславов, название города Ивано-Франковска (областного центра Украины) в 1662 – 1772 и 1918 – 1939 гг., в 1772 - 1918 гг. и 1939-1962 гг. город назывался Станислав, 9 ноября 1962 г. переименован в честь писателя Ивана Франко.

Старый Карантин, деревня близ г. Керчь, где располагались каменоломни.

Стржалково, село в Польше в Новогрудском воеводстве, где в 1918-1924 годах располагался лагерь для военнопленных и интернированных в Польше.

Стрый, город в Львовской области Украины, районный центр.

Студёная, село в Песчанском районе Винницкой области Украины.

Сущанка, село в Попельнянском районе Винницкой области Украины.

Таганрог, город в Ростовской области России, порт на берегу Азовского моря.

Тамань, станица в Темрюкском районе Краснодарского края России, на Таманском полуострове.

Ташлыки (Ташлык), большое молдавское село, центр Ташлыкского сельского совета Григориопольского района.

Тетиев, город в Киевской области Украины, районный центр.

Тирасполь, крупный город в Молдавии на берегу Днестра, ныне центр непризнанной Приднестровской республики.

Трибуховка, село в Дунаевецком районе Хмельницкой области Украины.

Турбовка, село в Попельнянском районе Винницкой области Украины.

Умань, город, районный центр Черкасской области Украины.

Устинград (Юстинград), местечко на Украине в Киевской области, еврейское поселение, претерпевшее разгром в августе 1919 года, окончательно уничтожено во время немецкой оккупации в 1941 году.

Фастов, город в Киевской области Украины, административный центр Фастовского района, расположен в 64 км (по железной дороге) к юго-западу от Киева.

Фельштин, посёлок в Хмельницком районе одноимённой области, бывшее еврейское поселение, 16 февраля 1919 г. в результате петлюровского погрома в местечке погибло около 600 евреев, в 1941-1942 годах погибли почти все евреи и в настоящее время там не проживают.

Францфельд, немецкая колония, село Одесского уезда Херсонской губернии.

Фурсы, село в Белоцерковском районе Киевской области Украины.

Харьков, крупнейший город на востоке Украины, административный центр Харьковской области, главный научный, индустриальный, транспортный и студенческий центр страны.

Ходорков, большое старинное село в Попельнянском районе

Житомирской области Украины.

Хомутец, село в Брусиловском районе Житомирской области.

Хомянка, село в Брусиловском районе Житомирской области.

Христиновка, город (до 1954 г. посёлок), районный центр Черкасской области Украины, железнодорожный узел.

Цибулёвка, село в Великомихайловском районе Одесской области Украины.

Черкассы, город в центральной части Украины, областной и районный центр Черкасской области, сыграл большую роль в формировании казачества, ныне крупный промышленный и культурный центр.

Шамрай (Шамраевка), село в Сквирском районе Киевской области Украины, в 22 км от станции Белая Церковь.

Щалково (Стржалково), лагерь для интернированных и военнопленных в Польше, располагавшийся недалеко от лагеря Скальмержице.

Ярмолинцы, железнодорожная станция в Хмельницкой области Украины близ Нового Села.

Яроповичи, село и станция в Житомирской области Украины.

Ястребенька, село в Брусиловском районе Житомирской области.

Упоминаемые исторические лица

Абашидзе Борис Дмитриевич, князь, окончил Николаевское кавалерийское училище (1914), в Добровольческой армии и ВСЮР помощник командира 3-го эскадрона 17-го драгунского полка, штабс-ротмистр, смертельно ранен в Керчи в мае 1919 года.

Абашидзе Георгий (Юрий) Дмитриевич, князь, помощник командира 4-го эскадрона, штабс-ротмистр 17-го драгунского полка, в Добровольческой армии и ВСЮР весной-осенью 1919 года служил в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, весной 1920 г. эвакуирован в Сербию, 21 июля — 1 августа1920 г. возвратился и воевал в Крыму, ротмистр, умер 10 июня 1921 года в Галлиполи.

Арсеньева Елизавета Алексеевна (1775-1845), урождённая Столыпина, сестра Д.А. Столыпина, бабушка М.Ю. Лермонтова.

Балашов, корнет Переяславского драгунского полка, участник Белого движения, в частности, Бредовского похода, бежал вместе с А.А. Столыпиным из лагеря Щалково.

Бастамов Георгий Богданович (1861- ?), полковник, на службе с 1883 г., в Добровольческой армии и ВСЮР воевал в 15-м драгунском Переяславском полку, в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, в апреле 1919 г. тяжело ранен в г. Керчи.

Башков, рядовой 17-го драгунского полка Добровольческой армии, служил под командованием А.А. Столыпина.

Беднягин Алексей Петрович, прапорщик, воевал в Добровольческой армии, участник 1-го Кубанского похода, затем воевал во 2-м Сводном полку Кубанского казачьего войска, с 27 января 1919 года хорунжий, во ВСЮР служил в эскадроне 17-го драгунского полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, участник Бредовского похода, корнет, к 20 июля 1920 г. эвакуирован в Югославию, после 20 августа1920 г. возвратился и воевал в Крыму.

Белоус, красный партизан, разведчик, расстрелян в мае 1919

г. в г. Керчи.

Богров Мордехай Гершкович (Дмитрий Георгиевич, 1887-1911), агент охранного отделения полиции, член кружка анархо-коммунистов, смертельно ранил П.А. Столыпина, осуждён и повешен.

Бородаевский, вероятно, полковник, начальник штаба, сослуживец А.А. Столыпина, участник Бредовского похода, при переходе границы с Румынией отморозил руки, которые были ампутированы.

Бредов Николай Эмильевич (15 ноября 1873— после 1945), генерал-лейтенант (1917), участник Русско-японской войны, 1-й мировой войны, Гражданской войны на стороне Белого движения, с конца 1918 года в Добровольческой армии командир 7-й пехотной дивизии, затем командир группы войск ВСЮР на правобережной Украине, совершил известный Бредовский поход в Польшу (январь-февраль 1920 года), после соединения с Польской армией его войска были интернированы, с частью солдат (около 7000 чел.) вернулся в Крым в Русскую армию генерала Врангеля, из Крыма эвакуировался в Турцию, в эмиграции жил в Болгарии, был заведующим Русским инвалидным домом в г. Шипке, в 1945 г. арестован НКВД и, по-видимому, погиб в лагерях.

Будённый Семён Михайлович (1883 — 1973), советский военачальник, участник Гражданской войны, командующий Первой Конной армией, один из первых маршалов Советского Союза, трижды Герой Советского Союза.

Букачёв, фельдшер, сослуживец А.А. Столыпина по Сводному полку Кавказской кавалерийской дивизии.

Ваксель Александр, вольноопределяющийся во ВСЮР, юнкер, взводный 2-го взвода эскадрона 17-го Нижегородского драгунского полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, участник Бредовского похода, к 1 июля 1920 года находился в госпитале лагеря Стржалково (Польша).

Вахвахов Давид Агафонович (1873-1919), князь, полковник 15-го Переяславского драгунского полка, в Добровольческой армии и ВСЮР в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, в апреле 1919 г. временно командовал этим полком и

был убит в перестрелке с красными партизанами.

Вишневский, подпоручик, сослуживец А.А. Столыпина в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, бывший пехотинец. Возможно, это Вишневский Евгений Леонтьевич (ок. 1895 – не ранее 1923), подпоручик, участник Белого движения в армии генерала Б.С. Перемыкина (командующего 2-й пехотной дивизией), в эмиграции в Польше, к 21 сентября 1923 г. находился в лагере Стржалково.

Волконский П.М., князь, вероятнее всего, Волконский Петр Михайлович (1861-1948), камергер, Балашовский предводитель дворянства, эвакуирован летом 1920 года из Ялты, жил в эмиграции во Франции, умер в Париже.

Волохов Марк, командир отряда петлюровцев; может быть, Волохов Марк (1886-1979), в эмиграции во Франции; возможно, под этим именем упоминается Волох Емельян Иванович (1886-1937), атаман, сподвижник С. Петлюры, активный деятель УНР, затем РККА ("красный гайдамак"), после Гражданской войны состоял на службе в органах советской власти, арестован в 1933 г., расстрелян в 1937 г.

Воронков, подпрапорщик 5-го эскадрона 17-го драгунского полка Добровольческой армии, взводный, служил под началом Ю.Д. Абашидзе.

Врангель Петр Николаевич (1878-1928), барон, окончил Горный институт (1901), академию Генштаба (1910), генерал-лейтенант, начальник Уссурийской конной дивизии, 7-й кавалерийской дивизии, командующий 3-м и Сводным конным корпусами, Георгиевский кавалер, в Добровольческой армии с 25 августа 1918 г.; с 28 августа 1918 г. командир бригады 1-й конной дивизии, с 31 октября 1918 г. начальник 1-й конной дивизии, с 15 ноября 1918 г. командир 1-го конного корпуса, с 27 декабря 1918 г. командующий Добровольческой армией, с 10 января 1919 г. командующий Кавказской Добровольческой армией, с 26 ноября по 21 декабря 1919 г. командующий Добровольческой армией, эвакуирован в феврале 1920 г. из Севастополя; с 22 марта 1920 г. главнокомандующий ВСЮР и Русской Армией, в эмиграции жил с 1924 г. начальник образованного из Русской Армии Русского общевоинского союза (РОВС), с сентября 1927 г. проживал в Брюсселе, где и умер.

Врангель, барон, офицер 16-го Тверского драгунского полка, застрелился 17 марта 1920 г. в бреду, вероятно, Врангель Константин, выпускник Елисаветградского кавалерийского училища (1912), офицер 15-го драгунского полка, штабс-ротмистр 16-го драгунского Тверского полка, в Добровольческой армии и ВСЮР в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, ротмистр с 30 сентября 1919 года.

Галкин, полковник Генштаба 2-го армейского корпуса, во второй половине 1919 года временно исполнял обязанности начальника Генштаба.

Гемеркин, взводный 3-го эскадрона 17-го драгунского полка Добровольческой армии, сослуживец А.А. Столыпина.

Герман, рядовой 17-го драгунского полка Добровольческой армии, подчинённый А.А. Столыпина, тяжело ранен в живот 19 мая 1919 года в Керчи.

Гоголь Николай Васильевич (1809-1852), великий русский писатель.

Голицын Борис Львович (1878-1958), князь, окончил Елисаветградское кавалерийское юнкерское училище (1904), поручик, позднее полковник, сослуживец А.А. Столыпина в Крыму, командовал 2-й кавалерийской дивизией (по свидетельству А.А. Столыпина), в эмиграции жил в Италии, затем во Франции, умер в Каннах.

Голосовский, писарь эскадрона 17-го драгунского полка Добровольческой армии, сослуживец А.А. Столыпина.

Гоппер Василий, корнет 3-го эскадрона 17-го драгунского полка, поручик (с 5 ноября 1919 года), в Добровольческой армии и ВСЮР в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, в эмиграции жил в Англии, умер 28 октября 1928 года в Лондоне.

Горчаков Александр Дмитриевич (1798-1884), светлейший князь, видный российский дипломат и государственный деятель, канцлер.

Гукасов, полковой доктор Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии ВСЮР, сослуживец А.А. Столыпина.

Денисенко, командир красного отряда, базировавшегося в каменоломнях под Керчью, в 1-ю мировую войну подпрапорщик, полный Георгиевский кавалер.

Денисов, ротмистр, командир 2-го эскадрона 17-го драгунского полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, сослуживец А.А. Столыпина. Вероятно, Денисов Александр Николаевич, окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1912), офицер 7-го уланского полка, штабс-ротмистр 16-го драгунского полка, в Добровольческой армии и ВСЮР в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, ротмистр (с 20 августа 1919 г.).

Диденко, рядовой 3-го эскадрона 17-го драгунского полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, возможно, Диденко Тихон Логвинович, рядовой, служил во ВСЮР и Русской Армии в кавалерийских частях до эвакуации Крыма, на 18 декабря 1920 г. был в составе 2-го кавалерийского полка в Галлиполи.

Долгоруков, князь, корнет 17-го драгунского полка, с июня 1919 г. в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, убит в бою 24 ноября 1919 г. под Корниным.

Драгомиров Абрам Михайлович (1868-1955), генерал от кавалерии, главнокомандующий войсками Северного фронта, Георгиевский кавалер, с августа 1918 года помощник верховного руководителя Добровольческой армии, в октябре 1918 года – сентябре 1919 года одновременно председатель Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР, в сентябре-декабре 1919 года главноначальствующий и командующий войсками Киевской области, в эмиграции жил в Югославии (в г. Белграде), затем во Франции.

Дроздовский Михаил Гордеевич (1881-1919), русский военачальник, Генерального штаба генерал-майор (1918), участник Русско-японской, 1-й мировой и Гражданской войн, один из видных организаторов и руководителей Белого движения на юге России, организатор и руководитель 1200-вёрстного перехода отряда добровольцев из Ясс в Новочеркасск в марте-мае 1918 года, командир 3-й стрелковой дивизии Добровольческой армии, умер в Екатеринодаре в январе 1919 года от гангрены вследствие ранения.

Дыбенко Павел Ефимович (1889-1938), советский военный деятель, командарм 2-го ранга (1935), 1-й народный комиссар по морским делам РСФСР, в 1919 г. командовал Крымской Красной Армией, затем различными дивизиями Красной Армии, военными округами, репрессирован и расстрелян в 1938 году.

Елкашев, вахмистр эскадрона 17-го драгунского полка Добровольческой армии, сослуживец А.А. Столыпина.

Ермолов Леонид Николаевич, окончил Николаевское кавалерийское училище в 1908 г., в офицерском чине с 1910 г., штабс-ротмистр 18-го драгунского полка, в Добровольческой армии и ВСЮР в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, с 20 августа 1919 г. ротмистр, участник Бредовского похода, 20 июля 1920 года эвакуирован в Югославию, возможно, возвратился в Крым.

Жуга, унтер-офицер, командир унтер-офицерского разъезда, сослуживец А.А. Столыпина, участник Бредовского похода.

Журов, рядовой 3-го эскадрона 17-го драгунского полка Добровольческой армии, служил под началом А.А. Столыпина в Керчи.

Золотарёвы, купцы 1-й гильдии, крупные промышленники, владельцы завода в Керчи, члены этой семьи были убиты весной 1919 года.

Иртахов, корнет 7-го эскадрона в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, сослуживец А.А. Столыпина, участник Бредовского похода.

Исаев Всеволод, офицер 4-го эскадрона 17-го драгунского полка Добровольческой армии в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, сослуживец А.А. Столыпина, участник Бредовского похода.

Исаков, генерал, владелец имения в селе Женишковцы, вероятно, Исаков Сергей Николаевич (1859-1946) либо его отец Николай Васильевич (1821-1891).

Каниболотский, офицер, сослуживец А.А. Столыпина в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, участник Бредовского похода.

Карцев (Карцов) Тарас Николаевич, выпускник Пажеского корпуса (1914), адъютант 16-го драгунского полка, в Добровольческой армии и ВСЮР служил в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии в чине ротмистра, в эмиграции жил в Алжире, умер 5 октября 1977 г. в Ницце (Франция).

Кесарев Иван, подполковник 17-го драгунского Нижегородского полка, Георгиевский кавалер, имел также наградное Георгиевское оружие, сослуживец А.А. Столыпина в 1-ю мировую войну.

Кибич, полковник, участник Белого движения, комендант г. Керчи в 1919 г.

Кишинский Сергей Петрович, выпускник Александровского лицея (1915), корнет 17-го драгунского полка, в Добровольческой армии и ВСЮР в апреле — декабре 1919 года служил в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, поручик, в эмиграции жил в Кишиневе, умер после 1929 г. (по ошибочным данным убит в начале 1920 г. румынами на Днестре).

Козлов, поручик, командир дивизионного обоза, бывший вахмистр 17-го драгунского полка, сослуживец А.А. Столыпина, участник Бредовского похода.

Колчак Александр Васильевич (1874-1920), российский политический деятель, вице-адмирал Российского императорского флота, адмирал Сибирской флотилии, полярный исследователь и учёный-океанограф, участник Русско-японской, 1-й мировой и Гражданской войн, руководитель Белого движения на востоке России и в общероссийском масштабе, Верховный правитель России в 1918-1920 гг., признанный на этом посту всеми руководителями Белого движения и государствами Антанты, в январе 1920 года выдан Чехословацким командованием Иркутскому ревкому, расстрелян без суда 7 февраля 1920 г.

Константин, повар-кондитер, сослуживец А.А. Столыпина в Керчи, из пленных красноармейцев.

Кусов Абубекир-Эль Мурзович, казначей Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии, сослуживец А.А. Столыпина в

Керчи.

Кусов, полковник, участник Бредовского похода, возможно, он и Кусов Абубекир одно и то же лицо; менее вероятно, что это Кусов Афако Заурбек-Эль Мурзович, выпускник Елисаветградского юнкерского кавалерийского училища (1906).

Лельевр Борис Александрович, ротмистр 15-го Переялавского полка, впоследствии полковник, участник Белого двидения, служил в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, был тяжело ранен в г. Керчи в апреле 1919 г.

Лемаршан, корнет 2-го эскадрона 17-го драгунского полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, сослуживец А.А. Столыпина.

Леонард, вольноопределяющийся в Добровольческой армии, сослуживец А.А. Столыпина.

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814-1841), великий русский поэт.

Либис, ротмистр 18-го Северского драгунского полка, в Добровольческую армию в Крым ехал вместе с А.А. Столыпиным.

Лопухов, рядовой эскадрона 17-го драгунского полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, денщик, сослуживец А.А.Столыпина, участник Бредовского похода.

Лухава Филипп (Ильич?), штабс-ротмистр 4-го эскадрона 17-го драгунского полка Добровольческой армии, сослуживец А.А. Столыпина, очень тяжело (смертельно?) ранен 16 ноября 1919 г. в бою под Брусиловым, возможно сын полковника Ильи Филипповича Лухавы.

Лухава, брат штабс-ротмистра Филиппа Лухавы, сослуживец А.А. Столыпина.

Львов Сергей Александрович (1885 - ?), князь, командир 3-го эскадрона, ротмистр, затем подполковник 17-го драгунского полка, Георгиевский кавалер, в Добровольческой армии и ВСЮР в апреле — декабре 1919 г. командовал Нижегородским эскадроном в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии.

Люфт Георгий Георгиевич, корнет, в Добровольческой армии и ВСЮР в июне — декабре 1919 года, вахмистр в 3-м эскадроне 17-го драгунского полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, участник Бредовского похода, 20 июля 1920 года эвакуирован в Югославию, затем возвратился в Крым.

Майборода Виктор, выпускник Николаевского кавалерийского училища (1917), корнет 2-го Дагестанского конного полка, в Добровольческой армии и ВСЮР в апреле-декабре 1919 года прикомандирован к эскадрону 17-го драгунского полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии.

Маклаков Алексей Николаевич, корнет 3-го эскадрона 17-го драгунского полка, во ВСЮР с апреля 1919 года служил в эскадроне своего полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, участник Бредовского похода, 20 июля 1920 г. эвакуирован в Югославию, 20 августа1920 г. возвратился в Крым, поручик, эмигрировал во Францию, в 1940 г. вывезен в Германию, пропал без вести в 1945 году в Берлине (вероятно, расстрелян советскими войсками в госпитале).

Маклаков Леонид Николаевич, учащийся Александровского лицея, вольноопределяющийся, во ВСЮР с апреля 1919 года служил в эскадроне 17-го драгунского полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, участник Бредовского похода, эвакуирован в Сербию, 20 августа 1920 года возвратился в Крым, в эмиграции жил во Франции, служил в Иностранном Легионе в Африке, умер после 1929 года.

Марченко, керченский помещик, происходивший из крестьян.

Массальский, корнет 17-го драгунского полка Добровольческой армии, сослуживец А.А. Столыпина, тяжело (смертельно?) ранен в мае 1919 г. в Керчи.

Махно Нестор Иванович (1888-1934), анархо-коммунист, в 1918-1921 годах предводитель отрядов крестьян-повстанцев, действовавших на юге, известен как «батька Махно», в эмиграции жил во Франции.

Михайлов, генерал, командир отряда в Керчи, сослуживец А.А. Столыпина.

Михайловский, офицер, сослуживец А.А.Столыпина, участник Бредовского похода.

Мусин-Пушкин Алексей Владимирович, граф, корнет 4-го эскадрона 17-го драгунского полка, в Добровольческой армии и ВСЮР служил в эскадроне своего полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, тяжело ранен в мае 1919 года в Керчи, в полк не вернулся, поручик (с 20 августа 1919 года), в эмиграции жил в США, умер 27 января 1966 года в Нью-Йорке.

Наврузов Теймур Бек, ротмистр 17-го драгунского Нижегородского полка, сослуживец А.А. Столыпина, в ноябре-декабре 1914 года находился на излечении в госпитале в Царском Селе, за ним ухаживали императрица Александра Фёдоровна и великие княжны Татьяна и Мария Николаевны, в ноябре 1917 г. служил в Татарском конном полку.

Накропин, корнет 17-го драгунского полка Добровольческой армии, сослуживец А.А. Столыпина, смертельно ранен в апреле 1919 года в Керчи.

Наркевич, вестовой А.А. Столыпина в эскадроне 17-го драгунского полка Добровольческой армии.

Наумов, начальник белого партизанского отряда в г. Керчи в 1919 г.

Несенов, рядовой 3-го эскадрона в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, участвовал в бунте, расстрелян в апреле 1919 г. в Керчи.

Одинцова, медсестра таманского Алексеевского госпиталя.

Ольхина, медсестра таманского Алексеевского госпиталя.

Омельянович-Павленко Михаил Владимирович (1878-1952), полковник Российской Императорской армии, Георгиевский кавалер (орден 4-й степени), украинский военачальник, генерал-полковник армии Украинской народной республики (УНР) до июля 1921 г., в эмиграции жил в Чехословакии, где возглавлял Союз Украинских ветеранских организаций, во время 2-й мировой войны глава Украинского вольного казачества, занимался формированием украинских военных частей на германской

службе, с 1944 года жил в Германии, с 1950 г. – во Франции.

Оссовский Петр Степанович (1860 - ?), генерал-майор, воевал в Донской армии и ВСЮР, в ноябре 1918 г. начальник группы войск у г. Камышина, летом 1919 г. начальник дивизии, в ноябре —декабре 1919 г. начальник 5-й пехотной дивизии, затем Сводно-гвардейской пехотной дивизии, в Русской Армии генерала Врангеля до эвакуации из Крыма.

Павленко, красный партизан, разведчик, расстрелян в мае 1919 г. в г. Керчи.

Панфилов, вольноопределяющийся 3-го эскадрона в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, сослуживец А.А. Столыпина.

Петлюра Симон Васильевич (1879-1926), украинский военный и политический деятель, глава Директории (правительства) Украинской народной республики (УНР) в 1919-1920 гг., отличался особо жестокими методами ведения войны, еврейскими погромами, истязаниями заключённых и военнопленных, в апреле 1920 года от лица УНР заключил тактический договор с Польшей о совместном походе на Киев с целью прекратить большевицкую оккупацию Украины, в котором в обмен на поддержку УНР признал вхождение Галиции в состав Польши на правах автономии, после падения УНР жил в эмиграции в разных странах Европы, убит в 1926 году в Париже.

Пилсудский Юзеф Клеменс Гинятович Косьчеша (1867-1935), польский революционер, член Польской социалистической партии, государственный и политический деятель, первый глава возрождённого польского государства, основатель польской армии, маршал Польши, занимал также посты военного министра и премьер-министра, его правление отличалось особой авторитарностью, антисемитизмом и преследованием политических противников.

Попов Владимир, корнет 17-го драгунского полка Добровольческой армии, сослуживец А.А. Столыпина в Керчи.

Попов, полковник, командующий Сводным полком Кавказской кавалерийской дивизии, вероятнее всего, Попов Александр Владимирович (1880 - 1963), последний командир лейб-гвардии Семёновского полка, в эмиграции председатель

группы объединения и заведующим музеем этого полка во Франции.

Попов, прапорщик 4-го эскадрона в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, сослуживец А.А. Столыпина; скорее всего, он и корнет Попов Владимир – одно и то же лицо.

Потапов, сослуживец А.А. Столыпина, взводный (вахмистр) команды пулемётчиков в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, в апреле 1919 г. перебежал в Красную армию.

Потёмкин, полковник, начальник штаба генерала Ходаковского, командир Керченской Крепости.

Предвечный, рядовой эскадрона 17-го драгунского полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, сослуживец А.А. Столыпина, убит в апреле 1919 года в Керчи.

Промптов Михаил Николаевич (1857-1950), генерал-лейтенант (1917), участник Русско-японской войны 1904—1905 гг. (командир артиллерийской батареи), и 1-й мировой войны (командир 32-й артиллерийской бригады, затем 82-й пехотной дивизии и в 1917 г. - 22-го армейского корпуса), в Белом движении командир 2-го армейского корпуса Добровольческой армии в 1919-1920 гг., участник похода Бредова, в марте 1920 г. интернирован в Польше, в августе 1920 г. возвратился через Румынию в Феодосию, был зачислен в резерв Русской армии, с ноября 1920 г. в эмиграции жил в Югославии, руководил кадетскими корпусами, военными курсами, умер в Белграде в 1950 (1951?) году.

Пушкин Александр Сергеевич (1799-1837), великий русский поэт.

Растрелли Франческо Бартоломео, в православном крещении Варфоломей Варфоломеевич (1700-1771), знаменитый русский архитектор итальянского происхождения.

Рутковский, полковник, командир 3-го эскадрона Нижегородского драгунского полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, участник Бредовского похода, бывший пехотинец, отличался особой храбростью, возможно Рутковский Мечислав Никодимович, в 1914 году капитан 60-го пехотного

Замосцского полка, кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст.

Свободинский, есаул, командир текинской горско-мусульманской сотни весной 1919 г. в Керчи.

Синькевич, поручик 15-го драгунского Переяславского полка, сослуживец А.А. Столыпина весной 1919 г. в Керчи, ранен в руку в мае 1919 г. (рука ампутирована), вероятно, Синькевич Николай Евмениевич (1897-1976), окончил Елизаветградское кавалерийское училище (1915), офицер 15-го драгунского полка, в Добровольческой армии и ВСЮР в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, штабс-ротмистр (с 30 сентября 1919 г.), в Русской Армии до эвакуации из Крыма в Галлиполи, умер в Стратфорде (США).

Скляров Николай Васильевич (1875-1920), генерал-майор, окончил Николаевское кавалерийское училище (1896), участник 1-й мировой войны, с июля 1914 г. - командир 2-го Волгского полка Терского казачьего войска в чине полковника, участник Белого движения, с лета 1919 г. - командир Терской казачьей конной бригады, был произведен в генерал-майоры, во время Бредовского похода возглавлял Восточную колонну отряда генерала Н.Э. Бредова, по завершении похода был назначен начальником всех конных частей отряда, умер в Кракове в мае 1920 г. от тифа.

Старосельский Иван Гивич, выпускник Пажеского корпуса (1917), корнет 17-го драгунского полка, в Добровольческой армии и ВСЮР в апреле — декабре 1919 года служил в 4-м эскадроне Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии, в начале 1920 года переведен в лейб-гвардии Конный полк, поручик (с 20 августа 1919 года), из эвакуации 21 июля — 1 августа 1920 г. возвратился в Крым, в эмиграции жил во Франции, умер 30 августа 1979 г. в Париже.

Старосельский Николай Гивич (1901-1978), выпускник Пажеского корпуса (1917), корнет 17-го драгунского полка, в Добровольческой армии и ВСЮР в апреле — декабре 1919 года служил в 3-м эскадроне Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии, в 1920 г. в Русской Армии служил в конвое Главнокомандующего до эвакуации из Крыма, в эмиграции жил в США, умер 23 марта 1978 года в Филадельфии.

Стельман, уголовник, убийца семьи Золотарёвых, казнён в

Керченской крепости в апреле 1919 г.

Стессель, медсестра полевого лазарета в Керчи, возможно, родственница полковника Стесселя Александра Анатольевича (1876-1933), активного участника Белого движения в Крыму.

Стецкевич, командир полкового обоза Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии, участник Бредовского похода.

Столыпин Александр Аркадьевич (1863-1925 или 1930), отец А.А. Столыпина, брат П.А. Столыпина, известный журналист, литератор и общественный деятель, в эмиграции жил в г. Белграде.

Столыпин Аркадий Александрович (1894-1990), окончил 6-ю Санкт-Петербургскую гимназию, Пажеский корпус (1915), поручик 17-го драгунского Нижегородского полка, участник 1-й мировой войны, во ВСЮР в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, штабс-ротмистр (с 20 августа 1919 г.), позднее ротмистр, участник Бредовского похода, эвакуирован в Сербию, 20 августа 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым, тяжело ранен, до эвакуации из Крыма находился в Севастопольском морском госпитале, эвакуирован на корабле “Румянцев”, в эмиграции жил в Югославии (в Белграде), с 1944 г. в Австрии, с 1945 г. в Швейцарии, умер 8 сентября 1990 г. в Монтрё.

Столыпин Аркадий Дмитриевич (1822-1899), дед А.А. Столыпина, участник обороны Севастополя (1854-1855 гг.), Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. (командовал корпусом).

Столыпин Аркадий Петрович (1903-1990), сын П.А. Столыпина, с 1920 г. в эмиграции жил в Париже, известный журналист, член редколлегии эмигрантского журнала «Посев».

Столыпин Дмитрий Алексеевич (1785-1826), прадед А.А. Столыпина, генерал-адъютант, участник сражения под Аустерлицем, Отечественной войны 1812 года, военный теоретик, автор трудов по фортификации.

Столыпин Пётр Аркадьевич (1862-1911), выдающийся государственный деятель, Гродненский губернатор (1902), Саратовский губернатор (1903-1905), председатель Совета

Министров, министр внутренних дел России, гофмейстер, статс-секретарь (1906-1911), погиб от ранения, нанесённого террористом М.Г. Богровым 1 сентября 1911 года в театре в Киеве.

Столыпина Наталья Михайловна (1827-1889), урождённая княжна Горчакова, жена А.Д. Столыпина, бабушка А.А. Столыпина, участница Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в качестве сестры милосердия.

Столыпина Наталья Петровна (1894-1949), в замужестве Волконская, дочь П.А. Столыпина, в эмиграции жила во Франции.

Столыпина Ольга Борисовна (1849-1944), урождённая Нейдгардт, жена П.А. Столыпина, в эмиграции жила во Франции.

Столыпина Ольга Николаевна (?-1953), урождённая Мессинг, мать А.А. Столыпина, в эмиграции жила в Белграде, затем в Берне.

Струк (Струков) Илья (Илько) Тимофеевич (1896 – предположительно 1969), атаман организованной им армии-банды повстанцев, недовольных политикой военного коммунизма, участник 1-й мировой войны (моряк корабля «Штандарт», юнкер, прапорщик в пехоте), в 1917 г. дезертировал, его банда известна особо жестокими погромами еврейских поселений и советских учреждений и неудачным штурмом Киева в апреле 1919 г., банда действовала на Украине вплоть до 1922 г., когда атаман Струк эмигрировал в Польшу, сменил фамилию и род занятий, прожил, предположительно, до 73 лет.

Счастливцев (Щастливцев) Всеволод Николаевич, полковник, в мае 1919 г. командовал Сводным полком Кавказской кавалерийской дивизии в Крыму.

Татаринов, начальник штаба красного партизанского отряда Денисенко, в прошлом метрдотель, актёр-любитель.

Татищев, граф, организатор белого партизанского отряда в г. Керчи в 1919 г.

Толстой Лев Николаевич (1828-1910), великий русский писатель.

Толстой Сергей Львович (1863-1947), сын Л.Н. Толстого, один из первых российских композиторов-этнографов, профессор Московский консерватории, автор воспоминаний об отце и трудов по музыковедению.

Томсен, полковник, командир полкового обоза Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии, участник Бредовского похода.

Тотлебен Эдуард Иванович (1818—1884), государственный и военный деятель, инженер-генерал (1869), генерал-адъютант (1855), граф (1879), в 1848-1849 гг. участвовал в Кавказских войнах, во время Крымской войны 1853—1856 гг. играл видную роль в организации обороны Севастополя, в 1859–1877 г. руководил строительством Керченской крепости, во время Русско-турецкой войны 1877—1878 проявил себя как талантливый военачальник, с апреля 1878 г. по январь 1879 г. командовал действующей армией до заключения Берлинского мирного договора, с 1879 г. являлся членом Государственного Совета, в 1879 г. — одесским генерал-губернатором и командующим войсками Одесского военного округа, с 1880 г. — виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор и командующий войсками Виленского военного округа.

Туганов, князь, полковник, участник Бредовского похода.

Тургиев Тох, поручик 17-го драгунского полка, сослуживец А.А. Столыпина.

Тускаев Константин, окончил Тверское кавалерийское училище (1912), штабс-ротмистр, ротмистр (с 30 сентября 1919 года), в Добровольческой армии и ВСЮР в апреле — декабре 1919 года в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии (командир 4-го эскадрона 17-го драгунского полка), участник Бредовского похода, умер от туберкулеза в Польше в начале 1920 года.

Фалеев Александр Георгиевич, генерал-майор (6.12.1916), в 1915-1916 гг. командир 147-го пехотного Самарского полка, затем исполняющий должность начальника этапно-хозяйственного отдела штаба 8-й армии; участник 1-й мировой и Гражданской войн, в октябре 1919 г. – августе 1920 г. был начальником штаба 2-го армейского корпуса ВСЮР и Русской Армии, начальник снабжения Русской Армии до ноября 1919 г.

Фидельман, комиссар Гомельского полка 47-й дивизии Красной армии, расстрелян в с. Жидовцы 23 ноября 1919 года.

Фиркс Дмитрий, барон, поручик, затем штабс-ротмистр (с 20 августа 1919 года) 3-го эскадрона 17-го драгунского полка, в Добровольческой армии и ВСЮР в 1919 — в начале 1920 года служил в эскадроне своего полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии.

Фрейберг, медсестра таманского Алексеевского госпиталя.

Ходаковский (Ходак-Ходаковский) Николай Николаевич (1879-1920), окончил Киевский кадетский корпус (1898), Павловское военное училище (1900), генерал-майор, участник 1-й мировой войны, Георгиевский кавалер, командовал 165-м пехотным Луцким полком, 42-й пехотной дивизией, с 30 августа 1918 г. состоял в резерве чинов при штабе Добровольческой армии, в октябре 1918 г. – марте 1919 г. временно командовал 1-м Офицерским генерала Маркова полком, 1-й бригадой 1-й пехотной дивизии, войсками Невинномысского района, 2-й отдельной пластунской бригадой и левым участком 3-го армейского корпуса, бригадой 3-й пехотной дивизии, с 21 марта 1919 года комендант крепости Керчь, с 30 августа 1919 г. Керчь-Еникальский градоначальник с оставлением в прежней должности, убит в Крыму во время красного террора.

Хуршилов, военачальник Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии, участник Бредовского похода.

Цибульников, рядовой эскадрона 17-го драгунского полка Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии, подчинённый А.А. Столыпина в Керчи.

Чавчавадзе Давид Захарович, князь, ротмистр, затем подполковник 17-го драгунского Нижегородского полка, участник 1-й мировой войны, впоследствии командир Грузинского конного полка, Черкесского конного полка, Георгиевский кавалер, участник Белого движения, Бредовского похода.

Чавчавадзе, князь, вольноопределяющийся в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, сослуживец А.А. Столыпина, вероятно, родственник Д.З. Чавчавадзе.

Чайка, штабс-ротмистр, сослуживец А.А. Столыпина, участник Бредовского похода.

Червинов Игорь Владимирович, окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1914), штабс-ротмистр 18-го драгунского полка, в Добровольческой армии с ноября 1917 года, во ВСЮР служил в эскадроне своего полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, затем в Русской Армии до эвакуации из Крыма, полковник, в эмиграции жил в Югославии, Франции, Марокко, умер 3 ноября 1932 года в г. Старосельцы (Польша).

Червинов Юрий, капитан, сапёр, командир подрывной команды 3-го эскадрона 17-го драгунского полка Добровольческой армии, погиб в мае 1919 года в Керчи.

Чикваидзе, ротмистр, сослуживец А.А. Столыпина в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, командующий 7-м эскадроном, участник Бредовского похода.

Чудаков, уголовник, участник убийства семьи Золотарёвых в апреле 1919 г. в Керчи, был помилован.

Чухнов Николай Николаевич (1897-1978), корнет 17-го драгунского Нижегородского полка, сослуживец А.А. Столыпина в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, участник Бредовского похода, в эмиграции жил в Югославии, председатель Союза русской молодежи в Югославии, в 1924-1926 гг. издатель газеты «Наше будущее», 1926-1927 гг. главный редактор еженедельника «Словен» в Белграде, во время 2-й мировой войны служил в германской армии, с 1949 г. жил в США, участник монархического движения и член Руководящего Центра Общероссийского монархического фронта, редактор журнала «Знамя России», автор книги «В смятенные годы» (Нью-Йорк. 1967).

Шамборант Борис Александрович, окончил Николаевское кавалерийское училище, корнет 17-го драгунского полка, во ВСЮР и Русской Армии в апреле 1919 года — летом 1920 года в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии (командующий 4-м эскадроном), ротмистр, в эмиграции жил во Франции, умер 18 августа 1939 года в Париже.

Шамборант Лев Александрович (1892-?), граф, брат Б.А.

Шамборанта, штабс-ротмистр, затем ротмистр 17-го драгунского полка, воевал во ВСЮР и Русской Армии в 1919-1920 гг. в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, до эвакуации из Крыма находился в Севастопольском морском госпитале.

Шарай, прапорщик, сослуживец А.А. Столыпина в 17-м драгунском полку Добровольческой армии (3-й эскадрон).

Шевченко, генерал-майор, участник Бредовского похода, командовал группой войск, возможно, Шевченко Борис Павлович, уроженец станицы Кропоткинской Краснодарского края, выпускник Кубанского казачьего кадетского корпуса, в 1-ю мировую войну дослужился до войскового старшины, участник Белого движения, генерал, по непроверенным данным был комендантом Одессы, в эмиграции жил в Румынии, родственники получали от него письма до начала Великой Отечественной войны (данные о нем приводятся по свидетельству внучатого племянника Аскольда Шевченко).

Шереметев Борис, граф, полковник, сослуживец А.А. Столыпина, служил в штабе Сводного полка Кавказской кавалерийской дивизии, участник Бредовского похода.

Шиллинг Николай Николаевич (1870-1946), генерал-лейтенант (1917), окончил 1-е военное Павловское училище (1889), служил в лейб-гвардии Измайловском полку, в чине полковника командовал 5-м Финляндским стрелковым полком, участвовал в 1-й мировой войне, в мае 1915 г. был произведен в генерал-майоры, с марта 1916 г. командовал бригадой 2-й Финляндской стрелковой дивизии, с июля 1916 г. - лейб-гвардии Измайловским полком, в 1917 г. - командовал 17-м армейским корпусом, участвовал в Белом движении, с мая 1919 г. командовал 3-м армейским корпусом, с сентября 1919 г. по март 1920 г. был главнокомандующим и командующим войсками Новороссии и Крыма, в Русской Армии генерала П.Н. Врангеля командной должности не получил и выехал за границу, жил в Праге.

Щербина, рядовой 17-го драгунского полка Добровольческой армии, подчинённый А.А. Столыпина в г. Керчи.

Щетинина, старшая сестра таманского Алексеевского госпиталя, жена бывшего Екатеринославского губернатора Сергея Сергеевича Щетинина (в 1919 г.).

Эртман, поручик 3-го эскадрона в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, сослуживец А.А. Столыпина, бывший пехотинец.

Юзвинский Георгий Николаевич, корнет (с 20 августа 1919 года), затем поручик, штабс-ротмистр, в Добровольческой армии и ВСЮР служил в эскадроне 16-го драгунского полка в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, в эмиграции жил во Франции, умер 18 октября 1933 года в Париже.

Янович, офицер, сослуживец А.А. Столыпина в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии, участник Бредовского похода.

Яновская, медсестра таманского Алексеевского госпиталя.

Янцен Алексей Борисович, доктор, внук И.Н. Янцена.

Янцен Иван Николаевич, служащий с июля 1919 по июль 1924 года Учреждений Помощи Русским Беженцам в Польше.

Янченко, сослуживец А.А. Столыпина, взводный 2-го эскадрона 17-го драгунского полка Добровольческой армии, изменник, в апреле 1919 г. перебежал к красным партизанам в Старо-Карантинские каменоломни.

notes

Примечания

1

Столыпин Аркадий Александрович, р. 26 сентября 1894 г. в Москве. Сын А.Д. Столыпина. Окончил 6-ю Санкт-Петербургскую гимназию, Пажеский корпус (1915). Поручик 17-го драгунского полка. В Вооруженных силах Юга России в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии. Штабс-ротмистр (с 20 августа 1919 г.). Участник Бредовского похода. Эвакуирован в Сербию. 20 августа 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым. Тяжело ранен, до эвакуации Крыма в Севастопольском морском госпитале. Эвакуирован на корабле “Румянцев”. Ротмистр. В эмиграции в Югославии (в Белграде), с 1944 г. в Австрии, с 1945 г. в Швейцарии. Умер 8 сентября 1990 г. в Монтре (Швейцария).

2

Впервые опубликовано: Русское Прошлое. Кн. 3. СПб., 1992.

3

Поручик 17-го драгунского полка князь Юрий Гагарин с июня 1919 г. воевал в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии Вооруженных сил Юга России.

4

Поручик 17-го драгунского полка барон Дмитрий Фиркс впоследствии воевал в Добровольческой армии и ВСЮР; 1919г. — начало 1920 г. — в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии. Штабс-ротмистр (с 20 августа 1919г.).

5

Гоппер Василий С. Корнет 17-го драгунского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии. Поручик (с 5 ноября 1919 г.). В эмиграции в Англии. Умер 28 октября 1928 г. в Лондоне:

6

Граф Шамборант Борис Александрович. Окончил Николаевское кавалерийское училище. Корнет 17-го драгунского полка. Во ВСЮР и Русской Армии; апрель 1919г. — лето 1920 г. в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии. Ротмистр. В эмиграции во Франции. Умер 18 августа 1939 г. в Париже.

7

Дейша Александр Александрович. Сын сенатора, тайного советника. Окончил Училище правоведения (1917). Корнет 17-го драгунского полка. В эмиграции. Умер после 1967 г.

8

Дурасов Игорь Сергеевич. Обучался в Александровском лицее. Корнет 17-го драгунского полка. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского (“Ледяного”) похода. В эмиграции в Харбине с 1929 г. Умер в 1965 г.

9

Ден Петр Владимирович, р. в 1882 г. Окончил Пажеский корпус (1900). Полковник, командир 17-го драгунского полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; в 1919 г. представитель в Грузии. В 1919—1920 гг. в Сводном полку Кавказской кавалерийской дивизии. В эмиграции в Италии, председатель отдела Союза Пажей, сотрудник журнала “Военная Быль”, председатель Союза Инвалидов в Италии. Умер 19 января 1971 г. в Риме.

10

Корниловский поход – 1-й Кубанский (Ледяной) поход Добровольческой армии, который начался 9/22 февраля 1918 года. Армия двигалась с боями от Ростова-на-Дону к Екатеринодару и обратно на Дон. Основной целью было соединение Добровольческой армии с кубанскими белыми отрядами, которые, как выяснилось уже после начала похода, оставили Екатеринодар. Окончен поход был 30 апреля/13 мая 1918 года. Его участников называли первопоходниками.

11

Нижегородец – военнослужащий 17-го драгунского Нижегородского полка, возрождённого в Добровольческой армии. В этом полку служил А.А. Столыпин.

12

В конце 1917 года А.А.Столыпин покинул Нижегородский драгунский полк и приехал на дачу родителей под Батуми, откуда в начале весны 1919 года уехал в Крым, чтобы вступить в Добровольческую армию.

13

Sloop – шлюп.

14

Spyrea (спирея) – декоративный кустарник семейства розоцветных.

15

Helleborus – геллеборус (морозник), растение семейства лютиковых.

16

Anemona – анемона, растение семейства лютиковых.

17

Tuberosa – тубероза, растение семейства агавовых.

18

Breakfast – завтрак (англ.).

19

18-й драгунский Северский полк был возрождён в Добровольческой армии.

20

Брянский завод – металлургический завод к востоку от Керчи, пущен в 1900 году, во второй половине 1920-х годов на его базе построен Керченский металлургический завод им. П.М. Войкова.

21

Тверец – военнослужащий 16-го драгунского Тверского полка, возрождённого в Добровольческой армии.

22

Сводный полк Кавказской кавалерийской дивизии сформирован в Вооружённых силах юга России (ВСЮР) 2 февраля 1919 года. Полк включал по 2 эскадрона 16-го Тверского, 17-го Нижегородского и 18-го Северского драгунских полков, а также один эскадрон 15-го Переяславского драгунского полка.

23

В поздней публикации А.А. Столыпин называет полковника Попова Владимиром, но по другим сведениям, Сводным полком командовал полковник А.В. Попов, и возможно, автор ошибся, упоминая его как командующего 18-м Северским драгунским полком. Известно, что полковник Александр Владимирович Попов был последним командиром лейб-гвардии Семёновского полка.

24

Далее в тетради отсутствуют точные даты записей. Это объясняется, по-видимому, тем, что автор описывал события не в день их совершения, а несколько позже, но по свежим следам. События произошли в период с 9 по 30 апреля 1919 г.

id'e fixe – идея фикс, навязчивая идея.

26

Эскарп – крутой и высокий срез на скате, на склоне высоты, обращённом к противнику.

27

Лютет – ископаемые породы эпохи эоцен (55-38 млн. лет назад).

28

Максим – станковый пулемёт, разработанный американским оружейником Хайремом Максимом в 1883 году.

29

Диадохи Александра – полководцы, боровшиеся за власть после смерти Александра Македонского.

30

«Лизина Роща» – ресторан на Приморском бульваре в Керчи.

31

Реверс, другая сторона медали.

32

Переяславец – военнослужащий 15-го драгунского Переяславского полка, возрождённого в Добровольческой армии.

33

В нескольких записях, помеченных «Керчь. Крепость. Май 1919 г.» точные даты отсутствуют. События произошли в период с 1 по 18 мая 1919 г.

34

Сводный полк Кавказской кавалерийской дивизии сформирован во ВСЮР 2 февраля 1919 г. 2-й Офицерский конный полк носил имя генерала Дроздовского (не Дроздова).

35

Генерал-лейтенант Яков Александрович Слащёв-Крымский (1885-1929) командовал тогда 5-й дивизией Добровольческой армии. Вероятно, упоминается конвой этой Слащёвской дивизии. Зимой 1919-1920 гг. Слащёв руководил обороной Крыма, эвакуировался в Константинополь, затем вернулся в Россию, был амнистирован, преподавал тактику в школе комсостава в Москве, был убит в 1929 году.

36

В более поздней публикации автор называет другую дату этого события: 10 мая.

37

Алексей Маклаков был ранен в колено 8 августа 1919 года в бою у деревни Ново-Александровки. А.А. Столыпин, будучи сам ранен, вывел его из боя и передал санитарам.

38

Навагинцы – военнослужащие 78-го Навагинского пехотного полка, воссозданного в Добровольческой армии.

39

Корнинский сахарный завод ныне располагается на территории посёлка Корнин.

40

Севастопольцы – военнослужащие 75-го Севастопольского пехотного полка, воссозданного в Добровольческой армии.

41

Симферопольцы – военнослужащие Симферопольского офицерского полка Добровольческой армии.

42

Ломовики – ломовые извозчики.

43

Лабинцы – военнослужащие Усть-Лабинского полка.

44

Еврейские погромы на Украине учиняли войска Махно и Петлюры.

Имеется в виду Маклаков Леонид Николаевич.

46

Точная цитата из повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба», гл. XII: «А Тарас гулял по всей Польше с своим полком, выжег восемнадцать местечек близ сорока костелов и уже доходил до Кракова».

47

Льюис - английский ручной пулемёт времён 1-й мировой войны.

48

«Сад пыток», роман французского прозаика, драматурга и журналиста Октава Мирбо, впервые опубликованный в 1899 году.

49

Имение в Белой Церкви получил в дар от императрицы Екатерины II великий коронный гетман польский, генерал от инфантерии Франциск Ксаверий (Ксаверий Петрович) Браницкий (1731-1819), имение славилось своими парками, его посещала знать, царственные особы, бывал А.С. Пушкин.

50

Государственная стража — военизированный орган гражданского управления в 1919—1920 гг. на территориях, контролируемых Вооруженными силами Юга России.

51

Ледяной поход – то же, что и Корниловский поход, 1-й Кубанский поход.

52

Возможно, речь идёт о селе Беляевка Одесской области, ныне город, районный центр.

53

«Жизнь за царя» - известная опера М.И. Глинки о подвиге Ивана Сусанина.

Вероятно, имеется в виду село Трибуховка.

55

Ошибка автора. Правильно 2-й Офицерский конный генерала Дроздовского полк. Полк создан в январе 1918 года, назван в честь генерала М.Г. Дроздовского (1881-1919).

56

Конфедератка - известный с XVIII века четырёхугольный головной убор в польской армии.

57

Донские рубли — денежные знаки, выпускавшиеся в 1918-1920 гг. Ростовским-на-Дону отделением Госбанка.

58

Памятник Яну Килинскому (1760-1819), польскому политическому деятелю, участнику Варшавского восстания 17 апреля 1794 г., члену Народной рады, стоит и поныне во Львове, в Стрийском парке недалеко от озера.

59

Жолнеж – солдат (польск.).

60

Круль Ян (польск.) - Ян III Собеский (Ja III Sobieski) (1629-1696), король Речи Посполитой в 1674- 1696 гг., выдающийся польский полководец. Памятник ему, стоявший во Львове, в 1965 г. передан польским властям и установлен в Гданьске.

61

Имеется в виду князь Давид Захарович Чавчавадзе.

В смысле «сомневаются».